

Пр.-доц. МИХАИЛЬ ЗЫЗЫКИНЪ

ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ

И

ЗАКОНЪ О ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІИ ВЪ РОССИИ

*„Безъ Мене не можете творити
ничегоже“ Ев. Іоан. 15, 5*

ИЗДАНИЕ КН. А. А. ЛИВЕНЪ
СОФІЯ. 1924.

МИХАИЛЪ ЗЫЗЫКИНЪ

приватъ-доцентъ юридическаго факультета Императорскаго Московскаго Университета.

ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ

И

ЗАКОНЪ О ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІИ ВЪ РОССІИ.

*„Безъ Мене не можете творити
ничесоже“ Ев. Іоан. 15, 5*

ИЗДАНИЕ КН. А. А. ЛИВЕНЪ.
СОФІЯ. 1924.

Всѣ права сохранены за авторомъ.

ОТЪ АВТОРА.

Авторъ считаетъ своимъ долгомъ принести благодарность заслуженному ординарному профессору Владиміру Николаевичу Ренненкампу за то, что онъ побудилъ его къ изученію вопроса о престолонаслѣдіи по Русскимъ Основнымъ Законамъ — вопроса, вообще недостаточно выясненнаго какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературѣ по Государственному праву. Авторъ весьма признателенъ ему за полезные совѣты и сохранить сердечную благодарность къ нему за моральную поддержку въ трудныхъ условіяхъ эмиграціи. Авторъ стремился выяснить вопросъ о престолонаслѣдіи, ограничиваясь однако престолонаслѣдіемъ агнатовъ (за неимѣніемъ источниковъ), пользуясь тѣмъ далеко не всегда достаточнымъ матеріаломъ, который онъ могъ имѣть подъ руками, и незначительнымъ имѣвшимся въ его распоряженіи свободнымъ временемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ не могъ не коснуться тѣхъ сторонъ въ понятіи царской власти, которыя оказали вліяніе на порядокъ престолонаслѣдія, предпославъ сему краткій очеркъ развитія царской власти въ Россіи и идеологію, вложенную въ форму правленія, именуемую самодержавной монархіей.

МѢСТО ЗАНИМАЕМОЕ САМОДЕРЖАВНОЙ МОНАРХІЕЙ СРЕДИ ДРУГИХЪ ФОРМЪ ПРАВЛЕНІЯ.

Подъ верховной властью мы разумѣемъ ту общественную силу, за которой нація признаетъ право быть высшей, для всѣхъ обязательной, объединяющей всѣ групповые и частные интересы.*) Она является объединительной національной идеей, воплощающейся въ конкретномъ органѣ, и призвана регулировать, примирять и согласовать всѣ частныя силы. Въ этомъ обязательномъ ихъ примиреніи ея основной смыслъ. Юридически она является инстанціей послѣдняго рѣшенія, и она не подчинена ничьему суду: такова верховная власть во всѣхъ формахъ правленія. Но формы правленія различаются смотря по тому, кому она принадлежитъ. Со временъ Аристотеля установлено, что верховная власть основывается на одномъ изъ трехъ вѣчныхъ принциповъ: монархіи, аристократіи и демократіи, смотря по тому, кто имѣетъ право послѣдняго безапелляціоннаго рѣшенія: одинъ ли, меньшинство или весь народъ, въ современную намъ эпоху организуемый въ избирательный корпусъ.

При всемъ видимомъ разнообразіи формъ правленія, можно всегда опредѣлить, который именно элементъ имѣетъ въ дѣйствительности власть послѣдняго рѣшенія. Такъ, въ современной конституціонной монархіи, основанной Божьей милостью и волею народа, и король, и верхнія и нижнія палаты не имѣютъ власти послѣдняго рѣшенія, ибо въ случаѣ столкновенія между ними, рѣшаетъ народъ, организованный въ избирательный корпусъ. Въ современной парламентарной формѣ правленія король, не соглашаясь допустить къ управленію страной министерство, соотвѣтствующее большинству нижней палаты, можетъ распустить па-

*) Дюги конструируетъ иначе въ своей книгѣ „L'état“

лату, но онъ обязанъ въ опредѣленный срокъ созвать новую и допустить къ управленію страной министерство, угодное большинству новой палаты, которую изберетъ народъ; верхнія же палаты всюду играютъ подчиненную роль (мы не касаемся организаціи федеративныхъ государствъ, гдѣ онѣ представляютъ элементъ нѣкоторой самостоятельности областей). Слѣдовательно, народъ и обладаетъ здѣсь верховной властью. Возможно однако и иначе въ той же конституціонной монархіи. Верховной силой можетъ быть и монархъ, а палаты, представляющія аристократическій и демократическій элементы, — могутъ быть на положеніи силъ подчиненныхъ. Такъ было въ нѣмецкихъ монархіяхъ до крушенія 1918 года, построенныхъ на монархическомъ принципѣ, также въ Японіи и у насъ по Основ. Законамъ 1906 года.

Одна сила должна быть инстанціей послѣдняго рѣшенія, но ни одна сила не можетъ обойтись безъ другихъ силъ и потому подъ своимъ верховнымъ руководствомъ и надзоромъ она даетъ имъ возможность дѣйствовать. Такъ монархія можетъ призывать къ жизни двухпалатное представительство, оставляя за собой послѣднее слово рѣшенія. Такъ демократія можетъ создавать себѣ главу государства въ видѣ наслѣдственного монарха или выборнаго президента и дать мѣсто аристократическому элементу въ верхней палатѣ, оставляя послѣднее слово за народомъ. Мы можемъ не говорить объ аристократіи, какъ формѣ правленія, ибо въ европейскомъ мірѣ она давно отошла въ область преданія; ее знала античная древность, но со времени христіанства въ сознаніи людей нѣтъ болѣе принципа прирожденнаго нравственнаго неравенства людей, и въ христіанскомъ мірѣ правительства аристократическія (послѣднимъ была Венеціанская Республика, уничтоженная во времена Наполеона 1-го) были только блѣдными тѣнями античныхъ аристократій, въ основѣ которыхъ лежало представленіе о прирожденномъ нравственномъ неравенствѣ расъ и людей. Если говорятъ, что первоисточникомъ всякой власти является народъ, то это, конечно, вѣрно, если подъ народомъ разумѣть не численную массу, а націю, какъ преемственно живущее коллективное цѣлое, связанное общимъ характеромъ, духомъ, міросозерцаніемъ, историческими переживаніями и

идеалами. Наличие той или иной формы правления зависит от того, какой именно силѣ довѣряетъ нація служить высшей государственной охраной всего того, что нація считаетъ необходимымъ, должнымъ, справедливымъ. Этой силой можетъ быть сила количества, основанная на вѣрѣ въ коллективный разумъ людей, приводящей къ демократіи; этой силой можетъ быть и какой-либо принципъ, воплощенный въ единоличномъ правителѣ.

Въ область политическую человѣческая мысль всегда приносила извѣстное творчество, и издревле люди занимались вопросомъ о преимуществахъ разныхъ формъ правления. Объ этомъ много было продумано еще въ древности, и у историка VI в. Геродота приводятся диспуты о разныхъ формахъ правления, которыя весьма напоминаютъ современные критики какъ единоличной, такъ и демократической формы правления. Такъ послѣ избавленія отъ одной самозваннической тираніи у персовъ одинъ ораторъ говорилъ „что можетъ быть бессмысленнѣе и своевольнѣе негодной толпы? Возможно ли, чтобы люди избавили себя отъ тираніи одного тирана, чтобы отдаться своеволію разнузданнаго народа? Возможенъ ли смыслъ у того, кто ничему доброму не учился и не знаетъ, а стремительно безъ толку накидывается на дѣло подобно горному потоку? Пусть предлагаютъ народное правленіе персамъ тѣ, кто желаетъ имъ зла!“

Вопросъ о томъ, кому подчиняться, въ какихъ предѣлахъ, во имя чего, ставится и въ современной Европѣ, стоитъ и предъ нами русскими. Ища уроковъ въ исторіи, взоръ невольно останавливается передъ характеромъ того рѣшенія, которое было дано этому вопросу Римскимъ геніемъ въ теченіе страшнаго кризиса III вѣка нашей эры, явившагося слѣдствіемъ уничтоженія исконной власти Сената военными бунтами. Римскій Сенатъ былъ той традиціонной властью, которая въ теченіе вѣковъ руководила государствомъ и довела его до величайшей мощи, и въ теченіе I и II вѣка, когда республика превратилась въ Имперію, эта власть стояла на стражѣ законности и своимъ избраніемъ узаконяла власть Императоровъ. Цѣль и назначеніе Великой Имперіи было внесеніе въ міръ началъ справедливости и

рациональнаго права. Это было воплощеніе Аристотелевскаго ученія и томъ, что стремленіемъ государства должно быть не богатство, не могущество, а добродѣтель. И еще въ началѣ III вѣка процвѣтали наука, искусства, архитектура, литература, образованіе, земледѣліе, промышленность, торговля. Но въ концѣ того же вѣка исчезла и управлявшая государствомъ аристократія, разорившаяся и утратившая традиціи, исчезла и цвѣтущая цивилизація, созданная вѣками, ибо въ результатѣ анархіи явилось всеобщее пониженіе интересовъ, экономическое разореніе и уменьшеніе населенія. Причиной этой грандіозной перемѣны было именно уничтоженіе традиціонной власти. Когда послѣ революціи 235 года римскіе легіоны свергли Императора Александра Севера, настало время, когда одинъ Императоръ свергался за другимъ мѣняющимся настроеніемъ легіоновъ и перемѣннымъ успѣхомъ постоянныхъ гражданскихъ войнъ. Если раньше законность Императорской власти опредѣлялась избраніемъ традиціоннаго учрежденія, то теперь она являлась результатомъ силы, случая, настроенія, и жизненный строй потерялъ всякую устойчивость. Исчезъ принципъ законности. Трагедія Рима III вѣка усугублялась тѣмъ, что Римъ, окруженный варварскими странами, не могъ почерпнуть образца законности и у сосѣдей, а долженъ былъ найти собственными силами новый принципъ законности и авторитета. Отсутствіе его разрушило многовѣковую культуру скорѣе, чѣмъ въ 50 лѣтъ. Надо было государству установить такое правительство, которое обладало бы не только силой, но и авторитетомъ. Императоръ Авреліанъ хотѣлъ найти принципъ законности въ мистическомъ абсолютизмѣ; который бы замѣнилъ древнее узаконеніе Сенатомъ Императорской власти и обезпечилъ бы ее отъ постоянныхъ бунтовъ легіоновъ. Онъ ввелъ культъ непобѣдимаго Солнца и провозгласилъ государственной религіей культъ Митры божества, отъ котораго какъ распредѣлителя престоловъ и царствъ. Императоръ получаетъ свою власть. Позже Діоклетіанъ въ тѣхъ же цѣляхъ установилъ принципъ божественности Императоровъ; они — *a deis geniti et deorum creatores*. Но кромѣ незыблемыхъ основъ власти, надо было создать и преемственность ея, а вопросъ о престолонаслѣдіи Имперіи тщетно пыталась разрѣшить въ теченіе трехъ вѣковъ.

При наличности двухъ августовъ и ихъ помощниковъ двухъ цезарей Діоклетіанъ рѣшилъ, что по смерти одного изъ августовъ одинъ цезарь вступаетъ на его мѣсто и, назначивъ нсваго цезаря, вводитъ его въ божественную семью. Въ роли главнаго Августа былъ самъ Діоклетіанъ съ титуломъ *Jovius*, причемъ оба цезаря были усыновлены двумя августами и женились на ихъ дочеряхъ. Діоклетіанъ видѣлъ разрѣшеніе проблемы въ утвержденіи власти на фундаментѣ, болѣе прочномъ, чѣмъ человѣческая воля, и въ достиженіи ея правильной преемственности.

Но этого не удалось закрѣпить въ условіяхъ языческаго міросозерцанія; это было достигнуто десятилѣтіями позже уже христіанскими Императорами предоставленіемъ силъ Императорской власти на служеніе христіанскимъ идеаламъ. Въ христіанской церкви уже былъ примѣръ іерархіи, основанной безъ всякой силы, на одномъ только нравственномъ авторитетѣ, чего не имѣла іерархія Имперскихъ чиновниковъ. И въ дальнѣйшей исторіи Византіи выработался особый Царскій чинъ въ Церкви, придавшій доселѣ невиданное величіе Царскому сану какъ выразителю нравственнаго подвига самоотреченія, на подобіе монашескаго. Проблема эта была рѣшена именно на востокѣ съ перенесеніемъ столицы въ началѣ IV вѣка въ Константинополь, гдѣ Императорской власти было суждено явиться хранительницей остатковъ старой культуры и созидательницей новаго культурнаго міра, питавшаго много вѣковъ и западъ своими науками и искусствами. А въ Европѣ западной послѣ крушенія античной цивилизаціи съ паденіемъ ея хранителя — Великаго Римскаго Сената, какъ традиціоннаго стража законности „въ теченіе вѣковъ, пишетъ Ферреро, теологія осталась послѣдней формой высокой культуры среди развалинъ, которой Европа обязана тѣмъ, что не погрязла въ окончательномъ варварствѣ. Въ этой умственной дисциплинѣ Европа вновь обрѣла принципъ власти и восстановила сильныя правительства. Но вмѣстѣ съ этой организаціей большихъ государствъ исторія сдѣлалась свидѣтельницей возстанія человѣческой мысли противъ всѣхъ авторитетовъ. Опустошивъ свою душу, человѣкъ обожествовалъ собственную природу, и теперь „государства оказались опирающимися на одну изъ величайшихъ въ исторіи ум-

ственныхъ и нравственныхъ анархій, другими словами — на пустоту.”

Это признаніе Ферреро не стоитъ одиноко. Не входя въ разсмотрѣніе другихъ факторовъ, останавливаясь на одномъ политическомъ, мы видимъ, что Европа сама не имѣетъ теперь твердыхъ принциповъ власти. „Міровая война оставила за собой много развалинъ, восклицаетъ Ферреро, но какъ мало значать всѣ остальные по сравненію съ разрушеніемъ всѣхъ принциповъ власти! О если бы Европа имѣла правительства сколько нибудь сильныя и пользующіяся общеизвѣстнымъ авторитетомъ!“ И призракъ III вѣка, когда съ крушеніемъ авторитета вѣкового учрежденія — хранителя культуры, исчезла и вся цивилизація, носится зловѣщимъ предостерегающимъ призракомъ предъ мыслителемъ. Принципъ авторитета есть краеугольный камень всякой цивилизаціи, и намъ представителямъ многовѣковой православной культуры, придется работать надъ установленіемъ такого авторитета, но искать его не у сосѣдей, самихъ его потерявшихъ, а въ своей собственной родной исторіи, гдѣ онъ еще такъ недавно стоялъ адамантовой скалой, и искать выхода изъ современнаго небытія, стараясь вникнуть въ тѣ силы и въ то міросозерцаніе, которыя его создали въ свое время. Поскольку жива вѣра, создавшая нашу монархію, постольку можетъ существовать увѣренность и вѣра въ воскресеніе самой монархіи.

Современное право народовъ знаетъ два руководящихъ принципа государственнаго строительства: обожествленное право народа, какъ численнаго большинства, и священное право царей. Первое теоретически было сформулировано Руссо въ формѣ, завоевавшей умы, и на практикѣ стремилось укрѣпиться во всей Европѣ со временъ Французской революціи 1789 года. Оно вылилось въ парламентарную форму правленія, рецепированную изъ Англіи въ истолкованіи французской политической литературы и искусственно примѣненную съ болѣе или менѣе равнымъ неуспѣхомъ на всемъ континентѣ Европы. Теоретически построеніе ея таково: вся власть исходитъ отъ народа и имѣетъ свое основаніе въ его волѣ. Но народъ, не имѣя возможности самъ управлять, выбираетъ представителей своихъ, которые законодательствуютъ и выбираютъ нѣкоторое малое количество

людей, министровъ, которые и управляютъ государствомъ, пока пользуются довѣріемъ народной палаты; когда они его теряютъ, глава государства призываетъ представителей побѣдившаго большинства или, распустивъ палату, собираетъ новую и подчиняется ея вердикту.

Таково упрощенное построение типичной системы, основанной на народной волѣ. Но вотъ каковъ этотъ вѣнецъ политической мудрости въ его дѣйствительномъ осуществленіи по описанію одного изъ русскихъ юристовъ, крупнаго и глубокаго ученаго, писавшаго въ 1896 г. слѣдующее: „По теоріи парламентаризма должно господствовать разумное большинство; на практикѣ господствуетъ 5—6 предводителей партій; они, смѣняясь, овладѣваютъ властью. По теоріи убѣжденіе утверждается ясными доводами во время парламентскихъ дебатовъ; на практикѣ оно не зависитъ нисколько отъ дебатовъ, но направляется волею предводителей и соображеніями личнаго интереса. По теоріи народные представители имѣютъ въ виду единственно народное благо; на практикѣ — они подъ предлогомъ народнаго блага и, на счетъ его, имѣютъ въ виду преимущественно свое личное благо и друзей своихъ. По теоріи они должны быть изъ лучшихъ излюбленныхъ гражданъ; на практикѣ это — наиболѣе честолюбивые и нахальные граждане. По теоріи избиратель подаетъ голосъ за своего кандидата, потому что знаетъ его и довѣряетъ ему; на практикѣ избиратель даетъ голосъ за человѣка, котораго по большей части совѣмъ не знаетъ, но о которомъ ему натвердили рѣчами и криками вожаки заинтересованной партіи. По теоріи дѣлами въ парламентѣ управляютъ и двигаютъ опытный разумъ и безкорыстное чувство; на практикѣ главныя движущія силы здѣсь — рѣшительная воля, эгоизмъ и краснорѣчіе. Вотъ что представляется намъ подъ знаменемъ правового порядка. И тамъ, гдѣ издавна дѣйствуетъ эта парламентская машина, вѣра въ нее ослабѣваетъ; ее еще славить либеральная интеллигенція, но народъ стонетъ подъ гнетомъ этой машины и распознаетъ скрытую въ ней ложь. Едва ли дождемся мы, но дѣти наши и внуки несомнѣнно дождутся сверженія этого идола, которому современный разумъ продолжаетъ въ самообольщеніи поклоняться“. Мы — дѣти, не внуки до-

ждались: отвращеніе къ парламентаризму и въ современной Европѣ достаточно живо.

Демократическая теорія основана на томъ, что чѣмъ больше людей призывается къ участію въ политической жизни, тѣмъ больше вѣроятности, что всѣ воспользуются своимъ правомъ въ интересъ общаго блага для всѣхъ. Но историческій опытъ опровергъ это; лучшія законодательныя мѣры, напротивъ, исходили всегда отъ меньшинства, просвѣщеннаго вѣрой, идеей, знаніемъ, опытомъ. Трудность примѣненія народовластія обнаружилась еще въ героическую его эпоху, во время французской революціи, испытавшей его примѣненіе въ самыхъ различныхъ строеніяхъ высшихъ государственныхъ органовъ и самыхъ различныхъ комбинаціяхъ соотношеній между ними; но и до сихъ поръ проблема организаціи народовластія впередъ мало подвинулась. Что такое народъ? По какимъ признакамъ узнается его воля? Кто ее можетъ выражать? Все — вопросы неразрѣшенные. „Народъ, пишетъ упомянутый нами мыслитель, доказывалъ не разъ, что у него нѣтъ ни воли управлять государствомъ, ни идей для этого; иногда онъ просто отказывался отъ принятія этого наслѣдства и возстановлялъ власти, которыя самъ же уничтожилъ“. Въ теченіе всего 19 вѣка принципъ народовластія велъ борьбу съ монархическимъ принципомъ, то вступая съ нимъ въ ожесточенную вооруженную борьбу, то примиряясь временно съ своимъ подчиненнымъ положеніемъ, пока онъ не овладѣлъ почти всей европейской почвой въ результатъ великой войны. Но отъ паденія монархическаго суверенитета мало выигралъ народный суверенитетъ. Характерны діагнозы и отзывы лучшихъ государствовѣдovъ; вотъ мнѣніе Брайса: „демократія не имѣетъ болѣе настойчиваго и болѣе коварнаго врага, чѣмъ власть денегъ“; въ другомъ мѣстѣ: „демократія находится въ положеніи путника, который, ставъ на опушкѣ лѣса, видитъ передъ собой нѣсколько тропинокъ, расходящихся при ихъ удаленіи, и не знаетъ, какая изъ нихъ выведетъ его“. А по вопросу, можетъ ли смѣниться демократія другими формами, тотъ же Брайсъ говоритъ: „это случалось ранѣе и, сколько бы разъ ни случалось, можетъ случиться и вновь.“ Также Гюи Гранъ пишетъ: „власть денегъ портитъ все, гдѣ нѣтъ организован-

ной духовной силы, способной нанести этой власти ударъ.“ Кельзенъ признаетъ, что „демократія обѣщала быть выраженіемъ общей воли, но принципъ этотъ оказался загадочнымъ.“ *) „Демократія, говоритъ Новгородцевъ, вообще говоря есть не путь, а только распутье, не достигнутая цѣль, а проходной пунктъ.“ Хоръ авторитетныхъ изслѣдователей сливается въ нѣкое *communis opinio doctorum* по признанію, что для демократіи пришли черные дни.

Не у европейскихъ государствъ, построенныхъ на зыбкомъ принципѣ народнаго суверенитета, мы найдемъ принципы законности, Подобно Риму III вѣка мы должны его найти сами. Обратимся теперь къ принципу монархическому, при которомъ строилось и процвѣтало вѣками русское государство до тѣхъ поръ, пока не посягнула на него святотатственная рука людей, которые въ гордомъ самообольщеніи мнили, что можно, разрушивъ священный вѣковой принципъ, управлять государствомъ, полагаясь лишь на силы своего разума. Важно вспомнить именно тѣ черты, которыя придавали нашей монархіи священный и непоколебимый характеръ. Самъ по себѣ единоличный принципъ управленія государствомъ можетъ опираться на различныя основанія и въ соотвѣтствіи съ этимъ совершенно мѣнять свой обликъ. Онъ можетъ быть построенъ на принципѣ абсолютизма, деспотіи и самодержавія; каждый изъ нихъ создается наличностью у націи совершенно различныхъ психологическихъ предпосылокъ. Прежде всего не всякая единоличная власть есть власть монархическая. Диктатура можетъ соединять въ себѣ всѣ власти, но это власть делегированная народомъ; это — не монархія, ибо въ монархіи сама единоличная власть получаетъ значеніе верховной. Власть римскаго цезаря, соединившая въ себѣ власти всѣхъ республиканскихъ магистратовъ, не есть власть самодержавнаго монарха, ибо это власть делегированная въ силу *lex regia*. Власть Наполеона, на плебесцитѣ основанная, также не есть самодержавная монархія, ибо основана на волѣ народа, власть эту ему передававшего, и предпосылкой этой власти является вѣра въ силы человѣка, какъ таково-

*) Цитаты эти взяты изъ статьи Новгородцева „Демократія на распутьи“, въ сборникѣ „Софія“.

го. Самая неограниченная власть короля, не есть власть самодержавнаго монарха, если она не признаетъ для себя никакихъ высшихъ обязательныхъ началъ и, сливая себя съ государствомъ, приписываетъ ему и себѣ всемогущество (*L'etat - c'est moi*), ибо власть самодержавнаго монарха есть власть, выросшая изъ Церкви, изъ церковнаго идеала органически съ Церковью и по идеѣ, и по установленію связанная и этимъ принципомъ ограниченная. Точно также восточная деспотія не есть самодержавная монархія, ибо тамъ нѣтъ понятія о Церкви, и положеніе деспота опредѣляется не объективно нормированнымъ положеніемъ, а лишь его личнымъ успѣхомъ. Хотя въ деспотіи право признается не за силой человѣка, какъ въ абсолютизмѣ, а за силой высшей, сверхчеловѣческой, указывающей своего избранника черезъ его успѣхъ, но здѣсь на лицо — лишь рабская покорность безъ яснаго представленія о томъ нравственномъ идеалѣ, который призвана представлять верховная власть самодержавнаго монарха. Деспотія не знаетъ династичности власти, которая составляетъ органическую принадлежность власти самодержавной. Въ самодержавіи монархическое начало есть выраженіе того нравственнаго начала православія — смиренія передъ промысломъ Божиимъ, указующимъ носителя власти и подвига, которому народное міросозерцаніе усваиваетъ значеніе верховнаго принципа жизни. Только, какъ выраженіе силы этого самодовлѣющаго нравственнаго подвига, власть монарха является верховной. Эта монархическая власть — не власть сословнаго феодальнаго монарха, основанная на его привилегіи, а власть подвижника Церкви, основанная на воплощеніи народной вѣры, народнаго идеала; чрезъ это власть его становится властью самого нравственнаго идеала въ жизни, который не можетъ быть и понятъ безъ проникновенія въ ученіе православія о смиреніи и стяжаніи благодати чрезъ самоотреченіе и жертвенность подвига жизни.

Такъ какъ только христіанство отводитъ верховное мѣсто въ жизни личному нравственному началу и, такъ какъ только оно даетъ безконечную цѣнность принципу личности, то и власть самодержавнаго монарха немыслима безъ христіанскаго міросозерцанія. Власть монарха невозможна безъ признанія народомъ, но признаніе это неразрывно свя-

зано съ признаніемъ народомъ высшей власти за нравственнымъ идеаломъ подвига; монархъ, такимъ образомъ, выражаетъ не волю народа, а его міросозерцаніе, и власть его представляетъ не народную волю, а христіанскій идеаль и слѣдовательно ту высшую силу, которая создала этотъ идеаль. Подчиняя себя идеалу подвига, нація ищетъ въ немъ подчиненія дѣйствія Божественнаго руководства черезъ помазанника Божьяго. Только черезъ то, что власть царя является выраженіемъ самодовлѣющаго подвига, основаннаго на волѣ Провидѣнія, она и становится властью самодовлѣющей, самодержавной, независимой отъ воли человѣческой. Верховная власть здѣсь сознаетъ себя, основанной не на волѣ народной, а на Той Высшей Силѣ, которая дала народу его идеалы, и эта власть, будучи основана на этомъ идеаль, ограничивается содержаніемъ идеала, даваемого Церковью. Народъ ни отъ чего не отказывается, никому ничего не передаетъ. Власть самодержавнаго монарха есть свыше данная миссія, существующая не для монарха, и составляетъ крестъ — служеніе. Подчиненіе монарху не есть подчиненіе силѣ, генію человѣка, какъ бываетъ при диктатурѣ, не есть подчиненіе слѣпой силѣ рока, какъ въ деспотіи, а подчиненіе себя тому, кто призванъ быть проводникомъ благодати, чрезъ освященіе его человѣческой личности, и носителемъ нравственнаго подвига, указаннаго православіемъ.

Носитель этого подвига можетъ быть опредѣляемъ только безличнымъ закономъ, ставящимъ носителя его въ зависимость не отъ воли людей, а только отъ рожденія и вѣрности идеаламъ православія. Безъ единства христіанскаго нравственнаго идеала у монарха и народа не можетъ быть монархіи. Это создаетъ необходимость наслѣдственности монархіи, при которой сохраняется преемственность идеаловъ. Какъ всякая должность, какъ всякое положеніе своимъ строемъ накладываетъ свои отличительныя черты, свой духъ, подчиняющій себѣ и воспитывающій носителя его, такъ и Царствующій Домъ призванъ сохранять идейную преемственность въ своихъ поколѣніяхъ и быть выразителемъ духа родной исторіи. Въ этомъ — смыслъ династичности; для монархіи необходима наличность закона о престолонаслѣдіи, устраняющаго воздѣйствіе чело-

вѣческой воли на опредѣленіе порядка преемства верховной власти, устанавливаемого объективными нормами закона и обеспечивающаго соотвѣтствіе носителей верховной власти съ вѣрой и міросозерцаніемъ самого народа.

Если гениальный Императоръ Діоклетіанъ въ поискахъ принципа законности долженъ былъ обожествить человека, чтобы замѣнить павшій авторитетъ традиціоннаго учрежденія, мы христіане, люди XX-го вѣка — въ лучшемъ положеніи: намъ для восстановленія власти, могущей быть краеугольнымъ камнемъ нашей культуры, надо лишь возобновить въ сознаніи людей божественность и святость нравственнаго подвига, олицетвореннаго въ томъ учрежденіи, источникъ котораго находится въ Римѣ Первомъ, а полное претвореніе его христіанскимъ міропониманіемъ въ Римѣ Второмъ и Третьемъ, и тогда воздвигнется вновь священный тронъ царя въ дополненіе къ священному трону патріарха, а намъ останется призвать на престолъ предковъ того, кто призывается Основными Законами, какъ первый въ порядкѣ первородства удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ Основныхъ Законовъ. Его уже дѣло будетъ установить порядокъ осуществленія власти въ измѣнившихся условіяхъ совмѣстно съ тѣми, кого призоветъ Онъ къ обязанности содѣйствія Державному Монарху, подобно тому какъ это сдѣлалъ въ 1814 г. изданіемъ хартіи Людовикъ XVIII. Примѣромъ служитъ Земскій Соборъ, призвавшій Михаила, Ѳеодоровича Романова на царство, Соборъ, который не устанавливалъ новыхъ формъ правленія, а прежде всего отыскивалъ лицо, которое, за прекращеніемъ династіи, было бы наиболѣе подходящимъ для несенія царскаго подвига. Для того, чтобы найти его намъ, надо вникнуть въ русскій законъ о престолонаслѣдіи — этотъ краеугольный камень самодержавной монархіи. Однако этому я считаю нужнымъ предпослать небольшую историческую экскурсію, чтобы напомнить всѣмъ извѣстные историческіе факты, безъ связи съ которыми многое въ самомъ законѣ о престолонаслѣдіи окажется неяснымъ.

Вопросы престолонаслѣдія настолько связаны съ общими понятіями, которыя вкладываются въ представленіе о государственной власти, и настолько ими обусловлены, что многія правила Основ Законовъ становятся понятными только въ связи

съ политико-философскими представленіями создавшей ихъ эпохи. Поэтому мы рѣшили бросить бѣглый ретроспективный взглядъ на порядокъ престолонаслѣдія, доходя до Кіевской Руси для того, чтобы читатель при анализѣ современныхъ законовъ о престолонаслѣдіи въ этомъ историческомъ освѣщеніи яснѣе видѣлъ какъ обусловленность нормъ закона эпохой, такъ и происхожденіе понятій, вошедшихъ въ наши Основные Законы. Вопросы, касающіеся отношеній государственной власти къ церкви потому уже потребовали особаго вниманія, что издревле религіозныя представленія всякаго народа накладывали глубочайшій отпечатокъ на всѣ его политическія учрежденія. Тѣмъ болѣе не могло это быть иначе съ царской властью, многія стороны которой запечатлѣны сильнымъ Византійскимъ вліяніемъ или прямо созданы рецепціей Византійскихъ церковно—юридическихъ началъ. Оттуда заимствовано понятіе царской власти, какъ священнаго чина, равно и общіе принципы, регулирующие ея отношенія съ Церковью. Мы остановились на монархической теоріи Грознаго Царя, какъ на одномъ изъ лучшихъ литературныхъ изобразителей идеи самодержавія и основателѣ царской власти въ Россіи, какъ священнаго чина, получаемого въ церкви и отъ Церкви. Попутно мы остановились на введеніи патріаршества въ Россіи, какъ на завершеніи политическаго зданія III-го Рима. Всѣ эти религіозныя представленія нашли себѣ отраженіе во всѣхъ статьяхъ Основныхъ Законовъ, которыя такъ или иначе соприкасаются съ вопросами вѣры и Церкви (статьи о св. коронованіи, о вѣрѣ, о бракахъ съ иностранными принцессами). Нѣсколько мы коснулись эпохи отъ Петра I до Павла I, ознаменовавшейся вторженіемъ лютеранскихъ и естественно правовыхъ принциповъ какъ въ Осн. Законы, такъ и въ нѣкоторые обычаи, борьба съ коими составила предметъ вниманія для законодательства Императоровъ Павла I и Николая I. Реставраторомъ идеи православной монархіи явился Императоръ Павелъ I въ актѣ о престолонаслѣдіи 5 апр. 1797 г. Уясненіе глубокаго различія между политико—философскими предпосылками законодательства Петра I и Павла I предостережетъ насъ отъ ссылокъ на законодательство и прецеденты эпохи, предшествующей Павлу I, для толкованія Осн. Законовъ, какъ разъ призванныхъ ликви-

дировать законодательство о порядкѣ престолонаслѣдія предшествующей эпохи. Рецепція всѣхъ основныхъ понятій законовъ Императора Павла, связанныхъ съ престолонаслѣдіемъ, изъ австрійско-нѣмецкаго права сдѣлала необходимымъ выясненіе ихъ на мѣстѣ ихъ первоначальной разработки—въ австрійско-нѣмецкомъ правѣ. Это относится ко всѣмъ основнымъ заимствованнымъ и воплощеннымъ въ Основныхъ Законахъ понятіямъ: 1) объ основномъ и субсидіарномъ порядкѣ престолонаслѣдія, 2) о принадлежности къ составу Импер. Дома въ широкомъ и узкомъ смыслѣ, 3) о правѣ первородства, 4) о правѣ равнородства. Только изученіе вышеозначенныхъ понятій можетъ предостеречь насъ отъ ошибокъ, отождествляющихъ понятіе принадлежности къ Царствующему Дому съ правомъ на наслѣдованіе престола, отъ неправильнаго пониманія принципа первородства и отъ пользованія правилами субсидіарнаго порядка престолонаслѣдія для толкованія правилъ основного порядка престолонаслѣдія. Въ историческомъ освѣщеніи и анализѣ понятій исчезаетъ кажущееся противорѣчіе между ст. 184 и 185. Послѣдней отведено особое вниманіе, какъ оплоту православія носителей верховной власти; рассмотрѣны исторія и толкованія этой статьи, насколько было матеріала въ нашемъ распоряженіи; также рассмотрѣно ученіе о санкціяхъ въ государственномъ правѣ, какъ оно стоитъ въ современной юридической наукѣ. Рассмотрѣніе церковнаго чина св. коронованія и взглядовъ русской церковной мысли на таинство міропомазанія приводитъ къ заключенію о признаніи царской власти, какъ священнаго чина, и о наличіи вытекающихъ отсюда для нея ограниченій. Въ заключеніе сказано объ отреченіи отъ престола и отъ правъ на престолъ, и указанъ порядокъ лицъ, призываемыхъ Основ. Законами въ данное время къ престолонаслѣдію.

Русская революція, какъ стремленіе пересадить на русскую почву современное западно-европейское право построенное на двухъ китахъ — народномъ суверенитетѣ и на такъ называемомъ отдѣленіи церкви отъ государства, со всѣми вытекающими изъ нихъ юридическими послѣдствіями, надо согласиться, кончилась. Если первый принципъ замаскировывалъ въ Европѣ господство журналистовъ и ораторовъ (Муссолини, вѣдь, заявлялъ, что

парламентъ ему не нуженъ, ибо роль его играетъ печать и онъ тамъ не слышетъ ничего больше, чѣмъ изъ печати), то у насъ онъ привелъ къ господству бандитовъ и изувѣровъ. Второй принципъ, всюду въ Европѣ превратившійся на практикѣ въ гоненіе на церковь, у насъ привелъ тоже къ гоненію, но только производимому уже не людьми во фракахъ, какъ тамъ, а просто людьми звѣринаго лика, при полномъ качественномъ тождествѣ принципа и замысла, вложеннаго въ него. Эта негодная попытка по введенію указанныхъ западныхъ принциповъ, начатая въ февралѣ 1917 г. съ негодной цѣлью и негодными средствами, рушилась *)

И пора вспомнить о тѣхъ принципахъ жизни, которыми держалась и крѣпла русская государственность: о представленіяхъ вложенныхъ въ понятіе царской власти, объ ея органической связанности съ Церковью и незыблемыхъ правилахъ престолонаслѣдія. Мы начнемъ съ начала, съ происхожденія основныхъ понятій, вложенныхъ въ царскую власть, и ея зарожденія въ нѣдрахъ нашей исторіи.

II

ИСТОРИЧЕСКІЕ КОРНИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ ВЪ УДѢЛЬНОЙ КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ.

Царская власть въ Московской Руси выросла изъ прежней великокняжеской власти, выработанной въ удѣльный періодъ XIII и XIV в. на почвѣ самосознанія, ощутившаго себя съ половины XV в. при Іоаннѣ III въ государствѣ, объединенномъ національно и призванномъ защищать вѣру своихъ отцовъ. Именно въ это время къ понятію князя вотчинника присоединяется понятіе князя національнаго вождя, борца за вѣру и народность, дѣйствующаго во имя блага народнаго, а не своего хозяйственнаго интереса.

*) Она и у насъ оказалась тѣмъ, чѣмъ всегда бываетъ, по выраженію Поля Бурже въ предисловіи къ „Souvenirs de Russie“ кн. Палѣй: — elle n'est jamais qu'une entreprise de brigandage inaugurée par des naïfs, poursuivie par des intrigants et consommée par des scélérats.

Прежде, чѣмъ перейти къ развитію идей, вызванныхъ съ одной стороны ростомъ Московскаго княжества, превратившагося въ Великорусское государство, а съ другой Флорентійской уніей и паденіемъ Константинополя, вспомнимъ перемѣны, которыя произошли къ этому времени съ властью великаго князя въ потомствѣ Всеволода Юрьевича, внука Мономахова, послѣ перенесенія центра политической жизни на сѣверъ. Эта разниа касается какъ характера княжеской власти, такъ и порядка ея наслѣдованія.

Раньше, въ Кіевской Руси князья Рюриковичи, входя въ уже сожившееся общество, являлись на мѣстахъ своихъ княженій по преимуществу охрניתелями внѣшней безопасности, и вооруженными стражами, по выраженію Ключевскаго, временными владѣльцами правителями на территоріи княженія. Они получали то или иное княженіе — столъ въ силу принадлежности своей къ правящему роду, который является какъ бы коллективнымъ носителемъ верховной власти, будучи единственнымъ поставщикомъ правителей для всей Руси. Никто изъ князей не могъ считать себя обладателемъ права собственности на землю ни въ отдѣльности, ни въ совокупности. Самый порядокъ замѣщенія столовъ не могъ имѣть опредѣленности въ силу наличности цѣлаго ряда фактовъ, совмѣстно его опредѣлявшихъ: народнаго избранія, распоряженія царствующаго князя, начала старѣйшинства и начала отчины. (Подъ отчиной разумѣлось княженіе, на которомъ сидѣлъ отецъ, хотя бы между отцомъ и сыномъ былъ промежуточный владѣлецъ. Въ понятіе отчины не входило требованіе личного и наслѣдственнаго безпрерывнаго владѣнія по завѣщанію). Между этими различными началами возникла борьба, и торжествующимъ выходило то начало, представители котораго были сильнѣе или имѣли за себя наличность болѣе благопріятныхъ условій.

Въ свое время историкъ Соловьевъ создалъ такъ называемую родовую теорію преемства княжескихъ столовъ, существовавшего до половины XII в., до выступленія на сцену сѣверной Руси, по которой въ Кіевѣ, единомъ центрѣ Русской земли, княжить всегда старшій въ родѣ. Послѣ его смерти мѣсто его занимаетъ слѣдующій за нимъ братъ,

а при отсутствіи брата, старшій сынъ умершаго. По принципу лѣстничнаго восхожденія этотъ второй старшій въ родѣ до того занималъ второй по старшинству столъ въ Русской землѣ; съ переходомъ его на первый, на второй столъ перемѣщался третій по старшинству родственникъ, уступая свое мѣсто четвертому и т. д. Всѣ князья имѣли одного старшаго, который всегда былъ старшій членъ въ цѣломъ родѣ, такъ что старшинство не оставалось исключительно ни въ одной линіи.

Теорія эта подверглась критикѣ проф. Сергѣевича, усматрѣвшаго въ ней перенесеніе современныхъ воззрѣній о необходимости извѣснаго правопорядка въ ту эпоху, когда люди жили болѣе въ мѣру своей силы, чѣмъ по опредѣленнымъ правиламъ. Князья въ дѣйствительности мало считались съ указаннымъ порядкомъ. Хорошо, говоритъ Сергѣевичъ, если князь имѣлъ за собой хоть одно изъ четырехъ вышеупомянутыхъ началъ при занятіи стола. Исторія княженій полна примѣровъ нарушенія каждаго изъ этихъ началъ. Младшій братъ Святославъ Ярославичъ прогоняетъ изъ Кіева старшаго Изяслава, нарушая тѣмъ и распоряженіе отца, и принципъ старѣйшинства. Владиміръ Мономахъ, занявъ Кіевъ по народному избранію, нарушаетъ распоряженіе дѣда и постановленія Любецкаго съѣзда князей, признавашаго начало отчины; Всеволодъ Ольговичъ прогоняетъ дядю Ярослава изъ Чернигова, который былъ тамъ отчичемъ и наслѣдовалъ его по смерти старшаго брата Давыда; Всеволодъ же не имѣлъ никакихъ правъ на Черниговъ, а былъ тамъ признанъ княземъ. Изяславъ Мстиславичъ, отчичъ Кіева и народный избранникъ, отстаиваетъ борьбой свой столъ противъ покушающихся на него Черниговскихъ князей и Юрія Владиміровича.

Такими примѣрами наполнена исторія занятія княжескихъ столовъ, такъ что можно говорить о томъ, что князья Рюрикова рода свободно „добывали“ свои столы, становясь обладателями ихъ нерѣдко не столько въ силу создаваемаго права, сколько въ силу умѣнья. Признанія какого—либо генеалогическаго принципа за регулирующую идею преемства въ древнѣйшій періодъ русской исторіи мы не встрѣчаемъ. Безспорно крупную перемѣну испыталъ порядокъ преемства съ переходомъ въ Московское время съ удале-

ніемъ одного изъ факторовъ—народнаго избранія, которое прекратилось съ паденіемъ вѣча, и съ прибавленіемъ новаго: ханскаго пожалованія великаго княженія. Еще до возвышенія Москвы въ XIV в. измѣнился и характеръ власти князя съ перенесеніемъ центра политической жизни на сѣверъ: здѣсь князь приходилъ не въ сложившееся общество, какъ на югѣ, а въ пустыню, которая заселялась и обстраивалась при его личномъ участіи и творествѣ. Андрей Боголюбскій хвалился тѣмъ, что, какъ и отецъ его Юрій, онъ „сработалъ“ Суздальскую Русь. Здѣсь на сѣверѣ князья почувствовали себя собственниками территоріи, которой могли распоряжаться по своему усмотрѣнію, и сознавая себя болѣе творцами и устроителями создаемаго, чѣмъ то было на югѣ, уже не могли примириться съ тѣмъ характеромъ временнаго владѣнія столами, которое приводило ихъ къ непрерывному перемѣщенію своего княженія, производящему впечатлѣніе какой-то, хотя и безпорядочной, очереди. Князь не покидаетъ теперь своего удѣла, даже если ему достается великое княженіе. „Это мое, ибо мной заведено“ — таково было сознаніе князя на сѣверѣ. Если раньше на югѣ еще была нѣкоторая идея коллективнаго владѣнія рода Рюрикова, то теперь произошло болѣе полное обособленіе княжескихъ линій; теперь, по мнѣнію Ключевского, стало меньше владѣльческой солидарности между родными братьями въ потомствѣ Всеволода Юрьевича, чѣмъ раньше между троюродными и четвероюродными Ярославичами; исчезаютъ и княжескіе сѣзды. Князья раздробляются по отдѣльнымъ линіямъ, шедшимъ отъ Всеволода Суздальскаго; каждая линія создаетъ отдѣльный владѣльческій домъ, въ которомъ появляются и свои великіе князья наравнѣ съ удѣльными (вел. кн. Тверскіе, Владимірскіе, Ярославскіе, Рязанскіе, Ростовскіе и пр.). Вмѣстѣ съ понятіемъ собственности, явившимся на сѣверѣ въ результатѣ личной дѣятельности и личнаго политическаго творчества князей по созиданію общества, прекращается не только передвиженіе князей со стола на столъ, но и въ порядкѣ [наслѣдованія происходитъ перемѣна отъ привнесенія въ него понятій частнаго гражданскаго права. Раньше для того, чтобы князю добиться передачи стола въ пользу желательнаго для него кандидата, ему нужно было договориться съ

желаемымъ наслѣдникомъ, съ тѣми родичами, которыхъ онъ обходилъ, добиться согласія своихъ бояръ и, наконецъ, вѣча города, и въ концѣ концовъ его желаніе часто по смерти не исполнялось, хотя обѣщаніе объ исполненіи сопровождалось крестнымъ цѣлованіемъ. Теперь же князь, какъ собственникъ, могъ дробить свое княженіе и оставлять по своему усмотрѣнію въ завѣщаніи сыновьямъ, женѣ, дочерямъ и отдаленнымъ родичамъ что въ собственность, а что въ пожизненное владѣніе. Его частное право собственности стало основой для его державныхъ правъ. Онъ могъ различать въ себѣ собственника и правителя, могъ различать, что одно дѣло быть собственникомъ земли и распорядителемъ ея, и другое — издавать обязательныя распоряженія, наказывать, облагать налогами, судить и вообще проявлять право власти по праву властелина, отъ Бога поставленнаго, люди свои уймати отъ лихого обычая, но и при всемъ томъ онъ считалъ эти державныя права своей собственностью и распоряжался ими какъ частный владѣлецъ отчуждая ихъ съ вотчиной наравнѣ съ хозяйственными статьями. Вѣдь, понятіе единодержавной недѣлимой княжеской власти выработалось позднѣе другихъ юридическихъ понятій, связанныхъ съ государственной властью; остатки удѣльнаго ея пониманія наблюдаются до конца Рюриковой династїи еще при Василии III и даже при Іоаннѣ Грозномъ, вѣдѣвшемъ удѣлъ младшему своему сыну Дмитрію.

III

ПОРЯДОКЪ ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІЯ ВЪ ЛІНІИ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ МОСКОВСКИХЪ ВЪ УДѢЛЬНОЕ ВРЕМЯ И ПОСЛѢ ДО КОНЦА ДИНАСТІИ РЮРИКА.

Въ соотвѣтствіи съ частноправовымъ воззрѣніемъ на удѣлъ, какъ на собственность, и главнымъ основаніемъ для наслѣдія стала являться теперь воля собственника завѣщателя. Это воззрѣніе переносится съ удѣла на великое княженіе и, если въ XIII в. могли играть роль при передачѣ великаго княженія генеалогическія представленія объ общности рода, и старшіе Всеволодовичи владѣли великимъ

княженіемъ по очереди старшинства, то теперь само великое княженіе — центръ политической жизни на сѣверѣ — стало пониматься какъ вотчина. При Иванѣ Калитѣ въ 1328 г. послѣ долгой борьбы со старѣйшими родичами — Тверскими князьями — оно было закрѣплено Московскими князьями за своимъ родомъ; а въ 1389 г. Дмитрій Донской уже благословилъ своего старшаго сына этимъ княженіемъ какъ своей вотчиной, а Василій II уже не отдѣлялъ его отъ остальной владѣльческой массы, смѣшивая его съ своей московской наслѣдственной вотчиной. Московскіе удѣльные князья основывали свою политику не на генеалогическихъ разсчетахъ, гдѣ они чувствовали себя безправными по своему положенію младшей линіи Всеволодовичей среди родичей, не на преданіяхъ старины, а на ловкомъ и умѣломъ использованіи обстоятельствъ. Они увеличивали свои владѣнія посредствомъ скупки, захвата оружіемъ, черезъ Орду, договорами съ удѣльными князьями привлеченіемъ на свою сторону авторитета Митрополита.

Въ теченіе 14 и 15 в. имъ удалось объединить значительную часть земель, населенныхъ великорусскимъ племенемъ. Первый Московскій князь Даніилъ, Александра Невского племянникъ, сынъ Александра Невского, въ долгой и упорной борьбѣ побѣдилъ своихъ старшихъ братьевъ Дмитрія Переяславскаго и Андрея Городецкаго. Московскій князь, говорилъ Ключевскій, врагъ всякому великому князю, кто бы онъ ни былъ: казалось самая почва Москвы питала въ ея князьяхъ неуваженіе къ понятіямъ и отношеніямъ старѣйшинства. *) Эта то политика искуснаго домостроительства наравнѣ съ искусной дипломатіей по отношенію къ другимъ великимъ княженіямъ и своимъ удѣльнымъ превратили во второй половинѣ 15 вѣка Московское великое княжество въ національное великорусское государство, поглотившее въ себѣ всѣ тѣ раздробленныя владѣнія, на которыя разбилась русская земля за удѣльный періодъ 13 и 14 в. **)

*) Стр. 12, т. II.

**) Ярославскіе князья били челомъ о принятіи на службу къ великому князю Московскому въ 1463 г., Покореніе Новгорода произошло въ 1470 г., Перми въ 1472 г., Ростова въ 1474 г., Твери въ 1485 г., Вятки въ 1489 г., Рязани въ 1417 г., кн. Черниговскихъ и Сѣверскихъ въ 1417 — 1523 г., Пскова въ 1510 г., Смоленска въ 1514 г.

Что касается порядка престолонаслѣдія, то въ теченіе 100 лѣтъ съ Ивана Калиты великимъ княземъ почти всегда становился старшій сынъ предшествовавшаго великаго князя, у котораго не оказывалось ко времени его смерти младшихъ братьевъ. Счастливое сочетаніе обстоятельствъ было въ томъ, что дяди уходили изъ жизни раньше, чѣмъ могли бы предъявить свои права старшинства передъ племянниками — сыновьями старшаго брата. До самой смерти Василия Дмитріевича переходъ по нисходящей линіи не вызывалъ споровъ и, наконецъ, этотъ порядокъ сталъ обычаемъ, отчествомъ, дѣдиной, нормой долженствованія. Такъ что, когда братъ Василия I-го, Юрій Шемяка захотѣлъ оспаривать права на престолъ у сына Василия I Василия Васильевича, то встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны Духовнаго Собора 1447 г., сравниваго притязанія Юрія съ Адамовымъ грѣхомъ гордости сравнятся съ Богомъ. Новопосвященный Митрополитъ Іона, подъ угрозой интердикта на всю землю, требовалъ вѣрности сыну Василия Василию, а бояре говорили Государь нашъ, великій князь Василій Дмитріевичъ далъ великое княженіе сыну своему великому князю Василию." Василій II упрочилъ престолъ за старшимъ сыномъ Иваномъ, назначивъ его великимъ княземъ — соправителемъ. Такъ же поступилъ Іоаннъ III, назначивъ сына своего отъ первой жены Ивана наслѣдникомъ — соправителемъ, а за его смертью, сына его Дмитрія при наличіи своего сына Василия отъ второй жены Софіи. При этомъ возведеніе своего внука на великое княженіе Іоаннъ рѣшилъ освятить торжественнымъ церковнымъ вѣнчаніемъ по Византійскому образцу; это нововведеніе уже знаменовало появленіе проблесковъ новаго взгляда на государя не какъ на вотчинника, а какъ на главу политическаго союза, въ которомъ призвана дѣйствовать не личная воля вотчинника, а актъ общественной власти. Это вліяніе государственныхъ идей сказалося и въ томъ, что Іоаннъ III не ограничился въ своемъ завѣщаніи усиленнымъ матеріальнымъ преимуществомъ въ пользу старшаго наслѣдника, какъ дѣлали и его предшественники, но далъ ему и политическое преимущество надъ удѣльными братьями: право чеканки монеты; права суда были предоставлены только великому князю Московскому; онъ же ввелъ ограниченія въ право удѣль-

ныхъ князей располагать по своему усмотрѣнію вотчинами, установивъ право великаго князя на удѣль безсыновнаго удѣльнаго князя. Послѣ Іоанна III царствовалъ, однако, не внукъ его Дмитрій — сынъ старшаго сына, имъ вновь разжалованный, а его сынъ Василій, посаженный имъ же на великое княженіе

Принципъ первородства, который освятилъ было Іоаннъ III торжественнымъ вѣнчаніемъ своего внука — сына своего старшаго сына, былъ имъ же нарушенъ, согласно вкоренившимся вотчиннымъ началамъ, которыя онъ и выразилъ словами: „Развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и дѣтяхъ?“ Кому хочу, тому и дамъ княженіе“. Въ свою очередь Василій III, умирая, приказалъ сына и наслѣдника Іоанна, которому не исполнилось и четырехъ лѣтъ, отцу своему Даніилу Митрополиту, и Даніиль тотчасъ по смерти государя немедленно привелъ его братьевъ и бояръ къ присягѣ новому государю и матери его правительницѣ государства Еленѣ; а черезъ нѣкоторое время въ присутствіи духовенства, князей, бояръ и народа торжественно благославилъ Іоанна Св. крестомъ на великое княженіе. Порядокъ престолонаслѣдія вновь вызвалъ споры въ царствованіе Грознаго во время его болѣзни, когда бояре отказывались присягать его сыну Дмитрію, не хотя служить малому мимо старшаго — двоюроднаго брата царя удѣльнаго князя Владиміра Андреевича Старицкаго.

Въ этомъ спорѣ, не имѣвшемъ, за выздоровленіемъ царя, никакихъ послѣдствій, сказалось нежеланіе царя поступиться своимъ правомъ предсмертнаго распоряженія вотчиной, правомъ, завѣщаннымъ удѣльной эпохой. Въ дѣйствительности, за смертью старшаго сына Іоанна IV вступилъ за нимъ на престолъ его второй сынъ Феодоръ, для занятія кторымъ престола явился дополнительный титулъ въ видѣ избранія Земскаго Собора, умолившаго его быть царемъ.

Изъ обзора порядка престолонаслѣдія до времени смуты мы видимъ, что со времени Дмитрія Донскаго дѣйствовалъ принципъ завѣщанія предшествовавшаго государя въ пользу одного изъ своихъ мужскихъ нисходящихъ потомковъ. *) Іоаннъ III говорилъ во время вѣнчанія на ве-

*) А за отсутствіемъ завѣщанія установился обычай передачи престола старшему сыну.

ликое княженіе своего внука митрополиту: „Отче Митрополитъ! Божьимъ изволеніемъ отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша оттолѣ и до сихъ мѣстъ: отцы наши, великіе князья сыновьямъ своимъ старшимъ давали великое княженіе, и я было сына своего перваго — Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ; по Божьей волей сынъ мой Иванъ умеръ; у него остался сынъ первый Дмитрій, и я его теперь благославляю послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ, и ты бы его, отецъ, на великое княженіе благославилъ.“

Принципъ первородства, однако, не сдѣлался обязательнымъ для завѣщателя: воля послѣдняго могла торжествовать: „Развѣ я не воленъ въ сынѣ своемъ и внукахъ? говорилъ Иванъ III, и самъ же онъ разжаловалъ вѣнчаннаго внука и передалъ царство второму своему сыну Василию, мимо внука отъ перваго сына. Принципъ этотъ, какъ мы видѣли, не былъ опредѣляющей идеей въ Кіевской Руси, гдѣ въ преемствѣ столовъ участвовало много факторовъ и гдѣ вѣче выбирало князей нерѣдко изъ младшей линіи (Владиміръ Мономахъ); не ему, а своему политическому искусству обязана полученіемъ великаго княженія въ татарское время младшая московская линія князей, боровшаяся со старшими родичами — Тверскими князьями. Не признавался онъ обязательнымъ началомъ и тогда, когда при Іоаннѣ III Московскіе князья стали независимыми, самостоятельными государями всея Руси. Завѣщательное распоряженіе могло съ нимъ не считаться и предоставить престолъ другому нисходящему потомку мужского пола. Но, за отсутствіемъ завѣщательнаго распоряженія, онъ оставался регулятивной идеей, призывая къ великому княженію изъ сыновей умершаго князя прежде всего его старшаго сына; старшему сыну давался неизмѣримо большій удѣлъ въ сравненіи съ другими, а съ конца 15 вѣка ему одному вручается государственная власть, прочіе же стали получать удѣлы съ властью, уже зависимой отъ великаго князя. Сами завѣщательныя распоряженія проложили путь началу единодержавія, содѣйствовавъ тѣмъ самымъ побѣдѣ принципа государственнаго надъ частноправовымъ принципомъ дробленія территории между наслѣдниками.

Нельзя не обратить вниманія на значеніе обычая въ Московскомъ государствѣ. Тамъ сама государственная власть ставитъ себя подъ защиту и санкцію обычая. Она даже защищаетъ самое введеніе новыхъ установленій ссылкой на обычаи, ссылаясь нерѣдко на вымышленную старину, какъ бы не считая возможнымъ творить новое право по своему усмотрѣнію. Отсюда объясняется и вышеприведенная ссылка Іоанна III во время вѣнчанія внука его Дмитрія на прародительскій обычай въ оправданіе этого вѣнчанія; также и Грозный, желая вѣнчаться на царство, говорилъ „хочу поискать прежнихъ своихъ прародительскихъ чиновъ, какъ наши прародители цари и великіе князья и сродникъ нашъ Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство и на великое княженіе сажались.“ Этимъ же объясняется и то, что не создавали общихъ юридическихъ принциповъ, а жили прецедентами, братствомъ дѣдствомъ, т. е. жили, какъ жили отцы и дѣды. Принципъ первородства и не могъ поэтому получить большей обработки, чѣмъ того требовала практика жизни; жизнь же эта представляла поводъ для его уясненія только въ борьбѣ племянниковъ съ дядями.

IV.

ПЕРЕМѢНА ВЪ ПОЛОЖЕНІИ МОСКОВСКАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЪ XV В.

Государственное сознаніе не только проникаетъ въ за-вѣщательныя распоряженія великихъ князей по вопросамъ престолонаслѣдія, но получаетъ перевѣсъ и въ самомъ понятіи верховной власти. Хозяинъ вотчинникъ уступаетъ и здѣсь мѣсто понятію строителя земли, стража народности. Объединеніе великорусскихъ земель подъ властью великаго князя Московскаго, освобожденіе отъ татарскаго ига сливало династическій интересъ съ народнымъ благомъ. Въ борьбѣ съ Литвой Іоаннъ III заявилъ уже притязанія на исконныя русскія земли, гдѣ во второй половинѣ 15 в., въ противовѣсъ сильной католической пропагандѣ, обнаружилась тяга къ Москвѣ, какъ къ своему религіозному центру: пограничные князья съ своими владѣніями просто стали пе-

реходить на службу къ Московскому великому князю на условіяхъ зависимости. Въ половинѣ того же вѣка принятіе греческой Церковью Флорентійской уніи съ Римомъ и паденіе Константинополя, откуда мы получили свое религіозное наслѣдіе, поставило передъ сознаниемъ русскихъ людей вопросъ о защитѣ вѣры дѣдовъ и отцовъ. Таковая защита нашлась въ лицѣ все того же великаго князя Московскаго. Извѣстна роль, которую сыгралъ вел. кн. Василій II въ непринятіи уніи послѣ возвращенія съ Флорентійскаго Собора болгарина митрополита Исидора, посланнаго на тотъ Соборъ въ качествѣ главнаго представителя русской Церкви. Онъ же взялъ на себя инициативу въ томъ, чтобы Соборъ русскихъ святителей поставилъ митрополита изъ русскихъ безъ посылки его для поставленія въ Царьградъ. В. Кн. Василій прослылъ „благочестія ревнителемъ, мудрымъ изыскателемъ святыхъ правилъ богоуставнаго закона св. апостолъ.“ Поздѣе, въ 16 в., когда стали собираться земскіе соборы для содѣйствія царю въ устроеніи земли, идея царя-строителя земли, царя земскаго окончательно вмѣстѣ съ идеей царя хранителя вѣры преобладаетъ надъ идеей хозяина вотчинника. На этой исторической основѣ и создалась постепенно царская власть, вылившись окончательно въ определенное политическое понятіе во времена Грознаго. Понятіе это явилось продуктомъ цѣлаго міросозерцанія, отложившагося въ тѣхъ представленіяхъ, которыя неразрывно связывались съ царскимъ саномъ. Предшествующая исторія создала власть, самостоятельно выросшую безъ юридическаго ограниченія ея другими политическими факторами, свергшую двухвѣковое иго, явившуюся творцомъ и охранителемъ національнаго единенія и вѣры дѣдовъ и отцовъ.

Это представленіе проникаетъ сознание самой власти, и вел. кн. Іоаннъ III послѣ сверженія татарскаго ига въ сношеніяхъ съ иностранными правителями титулуетъ себя царемъ всея Руси. Онъ усваиваетъ себѣ этотъ титулъ, пользуясь сокращенной славянской формой латинскаго слова *caesar*, соединяя его съ титуломъ, сходнымъ по значенію „самодержецъ“, составляющимъ переводъ византійскаго „автократъ“. Этимъ титуломъ онъ выражалъ понятіе о независимости отъ какой либо сторонней внѣшней власти. Вѣнчая на царство своего внука и сажая его самодержцемъ, онъ въ сло-

въ своемъ митрополиту указывалъ и на основаніе своей власти, говоря: „Божьимъ изволеніемъ отъ нашихъ прародителей, великихъ князей старина наша оттолѣ и до сихъ мѣстъ.“ Этимъ онъ выражалъ мысль о томъ, что онъ держить свою власть, не какъ чей-либо уполномоченный, а по собственному праву, что основаніе его власти не какой либо юридическій актъ, а все прошлое русскаго народа; въ нихъ онъ выразилъ и идею династичности власти. Іоаннъ III сталъ именовать себя: Іоаннъ, Божьей милостью, Государь всея Руси. До сихъ поръ называли царями Византійскихъ Императоровъ; теперь Греческая, Имперія потеряла свою самостоятельность вслѣдъ за отступленіемъ отъ православія Византійскихъ Императоровъ, и Іоаннъ III увидѣлъ себя единственнымъ оставшимся въ мірѣ православнымъ и независимымъ Государемъ. Кромѣ того, онъ былъ женатъ на дочери Византійскаго Императора и чувствовалъ себя черезъ это брачное родство преемникомъ павшей Византійской династіи, а его могущество и вѣрность православію дѣлало его и идейнымъ преемникомъ ихъ власти въ томъ смыслѣ, какъ она понималась тамъ. Символическимъ выраженіемъ этой связи явилось принятіе имъ Византійскаго государственнаго герба—двуглаваго орла. Духовенство начало звать великаго князя „великимъ государемъ земскимъ“ „царемъ русскимъ или истиннымъ вѣры православія боговѣнчаннымъ царемъ всея Руси.“ Въ 1492 г. митрополитъ Зосима назвалъ Ивана III „государемъ и самодержцемъ всея Руси, новымъ царемъ Константиномъ новому граду Константина-Москвѣ“. А старецъ Псковскаго монастыря Филовей окончательно формулировалъ новую политическую теорію о третьемъ царствѣ. Онъ считалъ, что престолъ вселенской и апостольской церкви имѣетъ теперь представительницей Церковь Успенія Пр. Богородицы въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, просіявшую вмѣсто Римской и Константинопольской „иже единая во вселенной паче солнца свѣтится“, такъ какъ церкви стараго Рима пали „невѣріемъ апполинаріевой ереси“, церкви же второго Рима, „агаряне внуцы сѣкирами и оскордами разсѣкоша двери“, ибо греки „предаше православную вѣру въ латынство.“

Московскій же государь явился „браздодержателемъ св. Божіихъ престолъ“ вселенской Церкви, единственной

во всей поднебесной христіаномъ царемъ, во едино царство котораго по пророческимъ книгамъ сошлись всѣ пришедшія въ конецъ царства; два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть.“ . .

Москва сдѣлалась въ глазахъ современниковъ третьимъ Римомъ, а государи ея усвоили титулъ царя и самодержца, занявъ во вселенной положеніе Византійскихъ Императоровъ.

Для уясненія того новаго положенія, которое заняла власть московскихъ Государей, особенно по отношенію къ Церкви, намъ придется временами отдаляться въ Византійскую исторію и выяснить положеніе, занимаемое въ Византіи Императорской властью. Только такимъ образомъ мы уяснимъ понятія, связанныя съ царской властью, понятія, неотдѣлимые отъ нея, ставшія не только политической теоріей, но живой дѣйствительностью и частью русскаго публичнаго права; эти понятія уяснятъ многія статьи русскихъ Основныхъ Законовъ, касающіяся постановленій о вѣрѣ, о престолонаслѣдіи, о бракахъ членовъ Императорскаго Дома; въ этомъ свѣтѣ понятна и статья (142) 185 Осн. Зак., впервые введенная въ Сводъ Законовъ Императоромъ Николаемъ I. А для пониманія самодержавной власти, какъ она представляется русскому законодателю, мы сдѣлаемъ ссылки на одного изъ лучшихъ теоретиковъ этого вопроса и одного изъ лучшихъ литераторовъ своего времени „мужа чуднаго разумѣнія, въ наукѣ книжной почитанія довольна и многорѣчиваго, зѣло въ ополченіяхъ дерзостнаго и за свое отечество стоятеля“ царя Ивана Васильевича Грознаго, одного изъ умнѣйшихъ людей своего вѣка, по показаніямъ иностранныхъ пословъ. Его опредѣленія самодержавной власти дадутъ основу для столь глубоко различныхъ понятій, какъ самодержавіе и абсолютизмъ. Смѣшивая ихъ въ одно по наличности одного общаго имъ признака единоличія власти, современные публицисты упускаютъ изъ вида полную ихъ противоположность по ихъ внутренней основѣ и по ихъ политико-философскимъ предпосылкамъ.

V.

ПОДГОТОВКА КЪ ВОСПРІЯТІЮ ВИЗАНТІЙСКИХЪ ПРИНЦИПОВЪ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ ВЪ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ
ІОАННУ IV ИСТОРИИ И ІМЪ САМИМЪ.

Къ воспріятію понятія царской власти въ ея Византійскомъ истолкованіи Московская Русь была подготовлена не только стеченіемъ обстоятельствъ, выразившихся въ паденіи одного государства и возвышеніи другого, династически съ нимъ породнившагося, но и всей своей предшествовавшей исторіей. Мы находились и раньше въ духовномъ сыновствѣ по отношенію къ Византіи. Немедленно послѣ принятія новой вѣры мы видимъ епископовъ совѣтниками великаго князя, истолкователями воли Божьей; христіанство принято изъ Византіи; русская земля составляетъ одну изъ епархій, подвѣдомственныхъ Константинопольскому патріарху; для русскаго духовенства единственнымъ образцомъ всякаго строя служить устройство Византійское“, говоритъ Соловьевъ. Вспомнимъ, что Русь живетъ и судится по Кормчей — гдѣ собраны памятники Византійскаго законодательства, заключающіе на ряду съ правилами Вселенской Церкви и законы Византійскихъ Императоровъ, и эти памятники дѣйствовали независимо отъ утвержденія ихъ русской властью.*) Изъ Византіи духовенство приносить новое ученіе о власти, уча объ ея богоустановленности и объ обязанности повиновенія ей. Въ Святославовомъ Изборникѣ на вопросъ Синаита: „да еда убо всякъ царь и князь отъ Бога поставляется?“ дается отвѣтъ: „ови князи и царіе, достойни таковыя чти, отъ Бога поставляются; ови же паки недостойни суще противу достоинства людемъ, тѣхъ недостойнства по Божію попущенію или хотѣнію поставляются.“ А потому Синаить учитъ: егда узришь недостойна кого и зла царя или князя, не чудися, ни Божія промысла посягай, но разумѣй и вѣруй, яко противу беззаконіемъ нашимъ тацѣмъ мучителямъ предаемся.“ Въ лѣтописи говорится о высотѣ сана царской власти по поводу убіенія Андрея Боголюбскаго: „естествомъ бо земнымъ цесарь подобенъ чловѣку, властью же сана яко Богъ“.

*) Бердниковъ. Основ. начзла правосл Церкви стр 369.

На него возлагается обязанность не только людьми управлять но и заботиться объ охранѣ правовѣрія. Митрополитъ Никифоръ поучаль Владиміра Мономаха: „въ стадо Христово не дай волку внити и аще виноградъ, иже насади Богъ, не даси насадити трѣніе, но сохранить преданія старыя отецъ твоихъ. И другіе учителя Церкви говорили еще Владиміру Святому: „Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье.“

Кромѣ идейнаго поученія была и реальная зависимость отъ Константинопольской Церкви. Независимо отъ того, основывалась ли эта зависимость на каноническихъ основаніяхъ, или только на историческихъ, какъ полагають Барсовъ и Голубинскій, но фактически патріаршій Константинопольскій Синодъ избиралъ и представлялъ патріарху кандидатовъ для назначенія и поставленія въ русскую митрополию; въ этомъ назначеніи рѣшительное вліяніе имѣли и Императоры безъ участія въ этихъ актахъ русскихъ князей и русскихъ епископовъ (кромѣ двухъ извѣстныхъ случаевъ съ митр. Иллариономъ въ 1051 г. и митр. Климентомъ Смолятичемъ въ 1147 г.); Константинопольскій патріархъ пользовался и правомъ суда надъ русскими митрополитами, которые судились патріаршимъ Синодомъ иногда въ присутствіи патріарха и императора. *) Русскіе митрополиты на общемъ основаніи митрополичьихъ правъ находились въ отношеніяхъ зависимости къ патріарху и его Синоду и должны были періодически являться въ Константинополь для присутствованія въ патріаршемъ Синодѣ. На русскаго митрополита патріархъ смотрѣлъ, какъ на своего намѣстника, и защищалъ его передъ великимъ княземъ. Такъ патріархъ писалъ въ 1380 г. Дмитрію Донскому: „какъ я будучи общимъ свыше отъ Бога поставленнымъ отцомъ христіанъ, разсѣянныхъ по всѣмъ странамъ земли, по долгу обязанъ и всегда пекусь и забочусь о спасеніи ихъ и предстательствую за нихъ передъ Богомъ. . . . такъ и поставленный мною митрополитъ носить образъ Божій и вмѣсто меня находится среди васъ, такъ что всякій повинующійся и оказывающій ему любовь, честь и послушаніе, повинуется Богу и нашей мѣрности, такъ какъ оказываемая ему честь переходитъ на меня, а черезъ меня непосредственно къ самому Богу.“

*) Барсовъ. Константинопольскій патріархъ, 501.

Подчиненіе митрополита патріарху было подчиненіемъ низшаго высшему, хотя, на общемъ основаніи митрополичьихъ правъ, русскій митрополитъ въ управленіи своей митрополіи былъ въ извѣстной мѣрѣ самостоятеленъ.

Вмѣстѣ съ подчиненіемъ патріарху Русская Церковь была въ подчиненіи и у Императора, котораго она знала, какъ верховнаго покровителя вселенской Церкви и какъ главу въ сферѣ церковнаго управленія. Когда великій князь Василій Дмитріевичъ запретилъ поминать имя царя Византійскаго во время богослуженія, говоря, что мы имѣемъ Церковь, а царя знать не хотимъ, то патріархъ Антоній объяснилъ ему въ отвѣтъ идею вселенской церкви и всемірной монархіи. Онъ характеризовалъ въ своемъ посланіи Византійскаго Императора, какъ великаго царя, господина и начальника вселенной, поставляемаго царемъ и самодержцемъ ромеевъ, то есть всѣхъ христіанъ. „На всякомъ мѣстѣ писалъ патріархъ, гдѣ только именуются христіане, имя царя поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества никто не имѣетъ изъ прочихъ князей или мѣстныхъ властителей. Власть его въ сравненіи со всѣми прочими такова, что и сами латиняне, не имѣющіе общенія съ нашей Церковью, и тѣ оказываютъ ему такую же покорность, какую оказывали въ тѣ времена, когда находились въ единеніи съ нами. Тѣмъ болѣе обязаны къ тому православные христіане.“ Столь высокій санъ Императора признавалъ и Василій II, титуловавшій его „благочестивымъ и святымъ самодержцемъ всея вселенной“ и писалъ, что „онъ воспріялъ свой царскій скипетръ въ утвержденіе всему православному христіанству вашихъ державъ и нашимъ владительствомъ русскія земли въ великую помощь.“ Въ дѣйствительности Византійскій Императоръ принималъ участіе не только въ поставленіи митрополитовъ, но и въ рѣшеніи другихъ вопросовъ церковнаго управленія: о предѣлахъ митрополіи, о поддержаніи въ ней единства, порядка, добрыхъ нравовъ. При Византійскомъ дворѣ русскій великій князь былъ только въ чинѣ „стольника при дворѣ греческаго царя, владыки вселенной, и себя называлъ „сватомъ сятаго царства его“. Съ паденіемъ Византіи этотъ свать и стольникъ сдѣлался его правопреемникомъ.

Тѣсная совмѣстная дѣятельность въ государственномъ и церковномъ строительствѣ государственной власти съ церковной извѣстна на Руси и до паденія Византіи. Съ своей стороны высшая духовная іерархія способствовала объединенію Руси и превращенію удѣльнаго раздробленія въ единое государственное образованіе подъ главенствомъ Москвы (митр. Патръ); иногда при малолѣтствѣ князей она брала на себя управленіе государствомъ (митр. Алексѣй), являлась иной разъ вліятельнымъ факторомъ при разрѣшеніи споровъ о престолонаслѣдіи (случай 1477 г., когда братъ Василия I Юрій оспаривалъ престолъ у сына Василия I, Василия II). Государственная власть съ своей стороны въ лицѣ великихъ князей всегда имѣла попечительную инициативу въ церковныхъ дѣлахъ, она стремилась создать возглавленіе русскимъ іерархомъ своей національной церкви [(кн. Изяславъ созывалъ Соборъ русскихъ епископовъ для поставленія митрополита изъ русскихъ въ 1147 г. (Климентъ Смолятичъ); Ярославъ въ 1051 г. созывалъ соборъ для такой же цѣли (Илларіонъ))]; въ княженіе Василия II государственная власть взяла на себя инициативу прекратить поставленіе въ Константинополь русскихъ митрополитовъ въ виду перехода въ унию и патріарха, и Императора. Великій князь нерѣдко проявлялъ заботливость по своевременному замѣщенію архіерейскихъ катедръ, по искорененію ересей, по строительству храмовъ, монастырей и вообще по обезпеченію церковныхъ нуждъ.

Однако, какъ ни близки были эти узы до принятія царскаго сана, онѣ доселѣ связывали власти подчиненныя; одна въ лицѣ митрополита подчинялась въ порядкѣ церковномъ Византійскому патріарху и до нѣкоторой степени Византійскому Императору (поскольку сама Константинопольская Церковь давала ему такое положеніе), а другая въ порядкѣ свѣтскомъ въ лицѣ великаго князя подчинялась татарскому хану. Когда же пала сначала татарская зависимость, а потомъ, съ паденіемъ Византійской Имперіи, стольникъ Византійскаго Императора сдѣлался его преемникомъ, послѣдній занялъ его вселенское положеніе въ Церкви и всталъ въ тѣ же отношенія, въ какихъ стоялъ Византійскій Царь въ отношеніи къ высшему предстоятелю Церкви — Константинопольскому патріарху.

Царскій титулъ, который иногда во внѣшнихъ сношеніяхъ употреблялъ и Іоаннъ III, оставался только присвоеннымъ титуломъ; для того, чтобы носить его по праву, надо было получить его отъ Вселенскаго патріарха. Такъ смотрѣлъ самъ Іоаннъ Васильевичъ Грозный. Будучи коронованъ по Византійскому чину русскими іерархами въ 1547 году, онъ счелъ нужнымъ вступить въ длительные переговоры съ Константинопольскимъ патріархомъ на предметъ получения царскаго сана посредствомъ особой Патріаршей грамоты. Это утвержденіе коронованія онъ получилъ въ 1562 году; только послѣ этого онъ могъ считать себя носящимъ царскій санъ не какъ почетный титулъ и выраженіе лишь политическихъ претензій, а какъ выраженіе опредѣленнаго церковнаго — правового status'a.

Чтобы показать, что представитель земли русской есть достойный преемникъ Византійскихъ царей. Грозный на созванныхъ имъ церковныхъ соборахъ приказывалъ собирать всѣ духовныя сокровища русской земли. Еще съ половины XV в. въ русскихъ житіяхъ святыхъ систематически проводилась мысль, что русская земля — прямая и единственная наслѣдница древняго благочестія, что она озарилась многими святилами „яко же той превзойти иже исперва просвѣщеніе приимшихъ.“ Русскія лѣсныя пустыни представляются не уступающими Виваидамъ, Синаю и Іерусалиму. Въ 1547 году по повелѣнію Грознаго составилъ духовный соборъ въ Москвѣ,*) гдѣ были установлены праздники въ честь тѣхъ новыхъ святыхъ (12), о которыхъ у собора оказались на лицо данныя.

На томъ же соборѣ семнадцатилѣтній Іоаннъ обратился съ просьбой ко всѣмъ святителямъ русской земли въ предѣлахъ своихъ епархій „извѣстно пытати и обыскивати о великихъ новыхъ чудотворцахъ въ городахъ, весяхъ, монастыряхъ и пустыряхъ“, пользуясь показаніями мѣстныхъ людей. Всѣ эти свѣдѣнія были доставлены по распоряженію Іоанна и митрополита Макарія къ слѣдующему церковному Собору 1549 года; этотъ соборъ, „свидѣтельствовалъ каноны, житія и чудеса и предаль Божіимъ церквамъ пѣть и славить и праздновать новымъ чудотвор-

*) Митр. Макарій. Ист. рус. Церкви, т. VI, 216

дамъ, Богу угодившимъ, во дни ихъ преставленія и открытія мощей ихъ“. Эготъ соборъ собралъ многія остававшіяся не общеизвѣстными духовныя сокровища и свидѣтельствовадь степень осіянія земли русской благодатью Всевышняго. Эготъ же соборъ далъ благословеніе Царю на составленіе судебника въ гражданскихъ дѣлахъ.

Въ 1551 г. былъ созванъ новый Церковный Соборъ для общей реформы всѣхъ непорядковъ въ русской Церкви „дабы всякіе обычаи по Богѣ строились въ нашемъ царствѣ при Вашемъ святительствѣ и при нашей державѣ,“ какъ говорилъ Іоаннъ отцамъ собора. Вотъ какъ понималъ Царь Грозный свою царскую залачу въ своей рѣчи на Соборѣ: „Молю васъ, святѣйшіе отцы мои, если я обрѣлъ благодать передъ вами, утвердите на мнѣ любовь свою, какъ на присномъ вашемъ сынѣ и не облѣните изречь слово свое единомысленно о православной нашей вѣрѣ и о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и о нашемъ благочестивомъ царствѣ и о устроеніи всего православнаго христіанства. Я весьма желаю и съ радостью соглашаюсь быть вамъ поборникомъ вѣры во славу Св. Животворящей Троицы и въ похвалу нашей благочестивой вѣры и церковныхъ уставовъ.“

Вспомнивъ о ранней потерѣ родителей и о своеволіи и злоупотребленіи бояръ и о своихъ грѣхахъ, онъ говорилъ о своемъ раскаяніи и о томъ, что прибѣгъ къ Св. Церкви, познавъ свои прегрѣшенія. „Съ Вашего благословенія я началъ устраивать и управлять врученное мнѣ Богомъ царство, а вы, отцы мои пастыри и учителя, прося помощи у Бога, наставляйте и просвѣщайте меня, сына моего, на всякое благочестіе, во всякихъ праведныхъ законахъ, братьевъ же моихъ и всѣхъ князей и бояръ и все православное христіанство тщательно и нелѣнностно вразумляйте и утверждайте, да сохранятъ истинный христіанскій законъ. Прежде же всего просвѣтитесь и утвердитесь сами и умножьте данный вамъ отъ Бога талантъ, да и мы, видя ваши добрыя дѣла и внимая вашимъ духовнымъ наставленіямъ, обратимся къ истинному покаянію и получимъ милость отъ Бога здѣсь и въ будущемъ вѣкѣ.“

Мы говорили, что Іоаннъ Грозный вѣнчался на царство въ 1547 г.; вѣнчалъ его на царство митрополитъ Макарій съ другими іерархами. Хотя дѣдъ его Иванъ III называлъ

себя иногда царемъ, но и отецъ его Василій III еще не рѣшался принять царскій санъ. По поводу пріобрѣтенія этого сана Іоаннъ Грозный вступилъ въ 1557 г. въ переговоры съ Константинопольскимъ патріархомъ.

Самя идея вѣнчанія на царство могла появиться на Руси лишь въ концѣ XV в., когда воспринята была идея царя, какъ представителя православія. Раздробленіе на удѣлы, татарское иго не могли создать почвы для воспріятія чина вѣнчанія на царство, воплощавшаго въ себѣ идею царя — представителя православія, вводимаго въ этотъ санъ патріархомъ вселенской Церкви. Правда, и до 15 вѣка у насъ призывалось участіе Церкви при посаженіи князя на столъ. Дошли извѣстія, что еще въ Кіевской Руси князь, призванный на великое княженіе, получалъ благословеніе епископа, читавшаго съ амвона молитву „еже благословити князя," дошедшую до насъ въ Синодальномъ Требникѣ 14 вѣка; въ храмѣ св. Софіи происходило посаженіе князя на богато украшенный тронъ. Позже это происходило въ Москвѣ; такъ въ 1431 г. въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ татарскій царевичъ Уланъ совершалъ посаженіе великаго князя Василія. Но тогда не было самой идеи царя; она связана съ ростомъ сознанія Московскаго князя, какъ охранителя вѣры. Въ Византіи она родилась въ нѣдрахъ Церкви, у насъ зародилась въ связи съ церковными событіями и воплощена въ чинъ вѣнчанія на царство, присланномъ Іоанну Грозному патріархомъ.

Іоаннъ Грозный могъ ссылаться на издавній прадѣдовскій обычай, вводя этотъ чинъ, но онъ дѣлалъ это только потому, что въ Московской Руси всякое нововведеніе для приданія ему дѣйствительной силы должно было сопровождаться ссылкой на старину, хотя бы и вымышленную.

Въ данномъ случаѣ было большое нововведеніе, ибо происходило уже не простое благословеніе митрополита, а черезъ введеніе Византійскаго чина вѣнчанія совершались дѣйствія, знаменовавшія введеніе коронуемаго лица въ особый церковно-правовой status. Коронуемый давалъ клятву вѣрности православію прежде приступленія къ священнодѣйствию, затѣмъ надъ нимъ происходило рукоположеніе высшаго іерарха съ произнесеніемъ соотвѣствующихъ молитвъ для преподанія особой благодати, надъ коронуемымъ

совершалось таинство миропомазанія (у насъ съ XVII в.) и онъ причащался не только въ алтарѣ, но и по священническому чину отдѣльно тѣла и крови Христовыхъ. Царь становился *advocatus ecclesiae* — верховнымъ покровителемъ вѣры, вводился въ чинъ, которой могъ дать только патріархъ. Созданное Римомъ Цезарское достоинство возлагалось на испытаннаго въ вѣрѣ христіанскаго государя, становившагося покровителемъ единственно истинной вѣры, и, какъ таковой, онъ получалъ религіозное освященіе.

Въ виду такого положенія царскаго сана, по правиламъ Церкви, тогда его могъ давать только Константинопольскій патріархъ, совершая его по чину, установленному въ своемъ окончательномъ видѣ въ X вѣкѣ. Царскій санъ вытекалъ изъ таинства, совершаемаго надъ коронуемымъ въ Церкви, и налагалъ по отношенію къ Церкви на Царя обязанности *advocatus'a ecclesiae*. Въ 1557 г. начались преговоры Іоанна Грознаго съ Патріархомъ. Они настолько характерны для пониманія того положенія, которое связывалось съ идеей Царя, что мы приведемъ ихъ съ нѣкоторой подробностью, допускаемой размѣрами брошюры.

VI

ПЕРЕГОВОРЫ І. ГРОЗНАГО СЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМЪ ПАТРИАРХОМЪ О ДАРОВАНІИ ЕМУ ЦАРСКАГО САНА И БЛАГОСЛОВЕННАЯ ГРАМОТА ПАТРИАРШАГО СИНОДА 1562 ГОДА.

Переговоры эти сначала были тайные. Грозный воспользовался прїѣздомъ Ефгрипскаго митрополита въ Москву въ 1557 г. и при обратномъ его отъѣздѣ отправилъ съ нимъ Суздальскаго архимандрита Феодорита для совѣщанія на востокъ по поводу грамоты на царство отъ патріарха. Іоаннъ пишетъ ему посланіе, преисполненное самыхъ почтительныхъ выраженій, называетъ его правителемъ и наставникомъ православія, настоянникомъ проповѣди Евангелія, утвержденіемъ христіанскимъ для всѣхъ вѣрныхъ, столпомъ православія, неумаллемою чашею Божественныхъ словесъ, напоющею весь міръ и Архіереемъ боговдохновеннымъ.

Іоаннъ пишетъ о тѣмъ заботахъ, которыя онъ проявляетъ по отношенію къ Представителямъ Вселенскаго Престола, отъ которыхъ „мы вначалѣ научились Божественнымъ повелѣніямъ и нынѣ наставляемся непорочно, какъ щитомъ непобѣдимымъ, ограждаясь писаніемъ прежде бывшихъ Святителей, противъ бурю воюющихъ на вѣру Христіанскую“. Онъ возлагаетъ духовно свою любовь и на его Святительство, уповая на его молитвы, и посылаетъ ему дары на потребу Церкви соболями на тысячу золотыхъ. Царь проситъ его молиться о немъ и его семействѣ, упоминать усопшихъ его родителей.

Такъ какъ патріархъ, еще будучи адрианопольскимъ митрополитомъ, присутствовалъ на Цареградскомъ Соборѣ, на которомъ уже было положено молиться объ Іоаннѣ и его державѣ, то Іоаннъ желалъ теперь получить соборную грамоту, въ которой проситъ отписать „патріаршее благословеніе о нашемъ царскомъ вѣнчаніи“. Іоаннъ какъ бы пишетъ въ своемъ посланіи отчетъ о церковныхъ и государственныхъ дѣлахъ своего прославленнаго царствія; сообщаетъ о взятіи Казанскаго и Астраханскаго царствъ, объ освобожденіи многихъ христіанскихъ душъ изъ-подъ томительства безбожныхъ и о просвѣщеніи иныхъ начальниковъ тѣхъ царствъ банею святаго крещенія. Іоаннъ желаетъ и патріарху избавиться самому отъ томительства богохульныхъ. Іоаннъ съ благоговѣніемъ сообщаетъ имена тѣхъ „своихъ предковъ, которые просіяли святостью въ Церкви Россійской для единодушнаго ихъ чествованія въ молитвенномъ общеніи между православными Церквями. И онъ проситъ помянуть ихъ имена на молебнахъ „яко же благоугодившихъ святыхъ“.

Онъ сообщаетъ о составленіи имъ стихировъ, каноновъ и житій; онъ упоминаетъ десять святыхъ изъ своего рода: „просвѣтившаго Русь крещеніемъ благовѣрнаго великаго князя Владиміра, въ святомъ крещеніи Василия, святѣйшихъ мучениковъ чадъ его Бориса и Глѣба — въ св. крещеніи Романа и Давида, святѣйшаго новоявленнаго мученика вѣд. князя Михаила Черниговскаго, блаженнаго во святыхъ вел. князя Александра, во иноцѣхъ Алексѣя, блаженнаго во святыхъ князя, во иноцѣхъ Θεодора, Смоленскаго и Ярославскаго и новоявленныхъ чадъ его князя Давида и кн.

Константина, святѣйшаго новоявленнаго мученика вел. кн. Михаила Тверскаго и блаженнаго во святыхъ кн. Всеволода Псковскаго". Далѣе Царь просить поминать на панихидахъ весь родъ князей Кіевскихъ и Владимірскихъ, властвовавшихъ и не властвовавшихъ вплоть до отца Іоанна, числомъ до 128; среди нихъ упомянуть и вѣнчанный Іоаннъ внукъ Іоанна III, который названъ царевичемъ по возложенію на него Мономахова вѣнца; среди великихъ князей Владиміръ Мономахъ названъ благовѣрнымъ царемъ, какъ уже вѣнчанный на царство. Затѣмъ царь упоминаетъ о 34 московскихъ удѣльныхъ князьяхъ, отмѣчая особо тѣхъ изъ нихъ, которые кончили жизнь въ инокахъ; затѣмъ идугъ имена до 30 великихъ княгинь, большей частью съ иноческими именами (такъ же и вел. кн. Ольга); далѣе упоминаются 19 князей смоленскихъ, 19 тверскихъ, 5 полоцкихъ, 10 черниговскихъ, 32 рязанскихъ и 12 удѣльныхъ княгинь. Іоаннъ просить всѣхъ ихъ включить въ патріаршій синодикъ для поминовенія.

Всю грамоту проникаетъ мысль о святости сана котораго просить Грозный, имѣющій среди своихъ предковъ святыхъ и иноковъ, заботящійся о крещеніи невѣрныхъ, о страждущихъ подъ игомъ невѣрныхъ христіанамъ и заботящійся о благоустроеніи Церкви Православной въ своемъ царствѣ.

Архимандриту Теодориту дается подробная инструкція, какъ вести себя, какъ долженъ онъ, пріѣхавъ, прежде всего отправиться поклониться Патріарху отъ Царя и сообщить о всѣхъ посланныхъ раньше дарахъ; потомъ только онъ долженъ передать грамоту и, если Патріархъ начнетъ спрашивать о Царскѣмъ вѣнчаніи, то отвѣчать по пунктамъ. Если патріархъ захочетъ послать съ нимъ благословенную грамоту, то просить грамоту отъ всего Константинопольскаго собора, а не только отъ патріарха. Если такую грамоту архимандритъ получитъ, то долженъ бросить все и скорѣй доставить въ Москву со всевозможной осторожностью. Если же грамоты архимандритъ не получитъ тотчасъ, то можетъ ѣхать путешествовать и на Афѣонъ, и въ Іерусалимъ, куда хочетъ.

Въ слѣдующемъ году патріархъ еще не далъ желанной грамоты, но отвѣтилъ на грамоту царя, приславъ съ арх.

Еоодоритомъ посланіе съ сообщеніемъ о своей интронизаціи, о полученіи подарковъ для Церкви, благодарилъ за любовь къ Матери всѣхъ Церквей, сообщалъ о своихъ молитвахъ за родителей его и бабуку его Софію; „а царское имя его поминается въ Церкви Соборной по всѣмъ воскреснымъ днямъ, какъ имена прежде бывшихъ царей; это повелѣно дѣлать во всѣхъ епархіяхъ, гдѣ только есть Митрополиты и архіереи, „а о благовѣрномъ вѣнчаніи твоёмъ на царство отъ св. Митрополита всея Руси, брата нашего и сослужбеника принято нами во благо и достойно твоего царствія“.

Грамоту патріархъ обѣщалъ прислать со своимъ повѣреннымъ. Митрополитъ же Евгріпскій доложилъ Царю о своихъ переговорахъ съ патріархомъ касательно царскаго вѣнчанія „все-де сіе будетъ исправлено, но не успѣли соборовать о Царскомъ дѣлѣ; когда же будутъ собранія архіерейскія, то и грамоты соборныя будутъ присланы, и дѣйствіе сіе во всемъ совершится.“

Спустя мѣсяць царь имѣлъ посланіе отъ Александрійскаго патріарха Іоакима, достигшаго предѣла возраста древнихъ пророковъ израилевыхъ 120 лѣтъ. Онъ обращался къ Грозному, какъ „боговѣнчанному, возвеличенному побѣдами отъ Бога, великому поборнику православія, святѣйшему Царю богоутвержденной земли правослазной великой Россіи,“ называлъ его не только русскимъ, но и своимъ Государемъ, „вторымъ солнцемъ, надеждой благихъ временъ, и какъ послѣ студенія области земной, когда возвращается лѣто, всѣ птицы небесныя, подъемяютъ радостный гласъ, такъ и святители Восточные угнетаемы подъ хладомъ и мерзостью студенной зимы невѣрныхъ, ожидаютъ сладчайшаго лѣта и умиренія себѣ отъ кроткаго его царства. Яви намъ, писалъ онъ, въ нынѣшнія времена новаго кормителя и промыслителя о насъ, добраго поборника, избраннаго и Богомъ наставляемаго Ктитора святой обители сей, каковъ былъ нѣкогда боговѣнчанный и равноапостольный Константинъ. . . . Память твоя пребудетъ у насъ непрестанно не только на церковномъ правилѣ, но и на трапезахъ съ древними бывшими прежде царями.“

Въ слѣдующемъ 1559 году Іоаннъ входитъ опять въ сношенія съ патріархами Александрійскимъ, Антиохійскимъ Іерусалимскимъ и Константинопольскимъ, напоминалъ о се-

бѣ подарками и прося молитвъ и желая „скрѣпить узы Церквей, бѣдствующихъ, отъ иновѣрныхъ съ церковью Русской“.

Черезъ два года царскій посланецъ купецъ Василій привезъ отвѣтныя посланія патріарховъ. Всѣ они говорили о бѣдствіяхъ своихъ Церквей отъ невѣрныхъ, благодарили царя за жертвы и попеченія. Патріархъ же Антиохійскій, впервые обращавшійся къ Іоанну, величалъ его въ первый разъ въ новомъ санѣ, называя его Самодержцемъ Русскимъ, предстателемъ нищихъ и крѣпкимъ упованіемъ христіанъ, благодѣтелемъ церкви православной“. Патріархъ Іерусалимскій называлъ его истиннымъ подражателемъ милостиваго Царя Христа Бога нашего; „велегласно возсылаемъ писалъ онъ, Славу Господу о царствіи твоёмъ, дабы укрѣпилъ и утвердилъ тебя силою Своей во исполненіе божественныхъ заповѣдей Его на похвалу, пользу и помощь нашему роду, единокровнымъ тебѣ христіанамъ“.

Въ этихъ грамотахъ патріархи признавали Іоанна въ его новомъ санѣ покровителя вселенскаго православія. Если принять теорію Вальсамона (Визант. юриста XII вѣка), что постояннымъ высшимъ органомъ Церкви является совокупность всѣхъ восточныхъ патріарховъ (пяти), то и по этой теоріи Іоаннъ получалъ признаніе своего сана.

Но Іоанну надо было имѣть формальное подтвержденіе Соборною Грамотою Первостоятеля Вселенской Церкви—Константинопольскаго патріарха своего вѣнчанія на царство: только чрезъ это подтвержденіе онъ могъ считать себя принятымъ формально въ особый церковно-правовой status. Грамота эта была торжественно доставлена Іоанну только въ сентябрѣ 1562 года черезъ Евгріпскаго Митрополита, о пріѣздѣ котораго царь былъ заблаговременно извѣщенъ Смоленскимъ епископомъ Симеономъ.

Онъ привезъ отъ Константиноп. патріарха три отдѣльныхъ грамоты и съ ними вмѣстѣ книгу Царскаго Величества, то есть чинъ Царскаго Коронованія въ руководство для всѣхъ будущихъ коронованій. Именно оттуда и стали дѣлаться всѣ дополненія, которыя постепенно стали входить въ чинъ Коронованія русскихъ государей до тѣхъ поръ, пока къ концу 17 вѣка этотъ чинъ не сложился окончательно и во всѣхъ.

своихъ подробностяхъ. Въ одной грамотѣ за подписью одного патріарха съ благодарностью сообщается о полученныхъ дарахъ, о расходованіи ихъ, о состояніи училищъ для воспитанія учителей церкви, о состояніи построекъ, монастырскихъ церквей и зданій. Патріархъ пишетъ, что не имѣетъ другого прибѣжища кромѣ русскаго самодержца, а кончаетъ грамоту такъ: „и если будетъ повелѣніе царствія твоего, благословеніемъ и совѣтомъ тамъ обрѣтающагося преосвященнаго господина Макарія Митрополита, да сдѣлаетъ и совершитъ божественное таинство и благословитъ Государя тѣмъ Царемъ, какъ бы отъ лица нашего, имѣющей отъ насъ творить великое начало священства невозбранно, какъ экзархъ патріаршій, истинный и соборный.“ Патріархъ, какъ будто, предоставляет на усмотрѣніе Іоанна повторить свое вѣнчаніе.

Двѣ другія грамоты подписаны полнымъ Соборомъ верховныхъ святителей — кромѣ патріарха еще 31 Митрополитомъ, и датированы 7 индикта лѣта 1561. Въ одной изъ нихъ говорится, что повелѣно молиться о здравіи Іоанна, Царя и Государя всѣхъ православныхъ христіанъ., „Отнынѣ и впредь записали мы имя твое, какъ Царя вѣрнѣйшаго и православнаго въ нашихъ церковныхъ Службахъ и вызываемъ дерзновенно къ Богу: подаждь Господи многолѣтнее здравіе благовѣрному Царю нашему Ивану, какъ и прежнимъ древнимъ царямъ. Не только въ одной Константинопольской Церкви, но и по всѣмъ Церквямъ Митрополичьимъ, будемъ молить Бога о имени твоёмъ, да будешь и ты между царями, какъ равноапостольный и приснославный Константинъ, который въ началѣ своего царствія роздалъ милостыню по всѣмъ Церквямъ, дабы поминали имя его во святыхъ диптихахъ.

Другую соборную, давножданную Іоанномъ, грамоту мы приводимъ всю дословно. Оно содержала признаніе права за Московскимъ государемъ занять мѣсто Византійскихъ Императоровъ какъ по своему родству съ ними, такъ и по своимъ христіанскимъ добродѣтелямъ. Кромѣ того согласіемъ всѣхъ митрополитовъ и епископовъ, дѣйствіемъ и благодатью Всевышняго даруется Іоанну право именоваться законно царемъ и считаться увѣнчаннымъ отъ патріарха правильно и церковно.

Вотъ эта грамота: „Іоасафъ, Божьей милостью, Архі-епископъ Константинополя, новаго Рима и Вселенскій патріархъ. Поелику смиреніе наше подробно узнало и удостовѣрилось не только изъ преданій многихъ заслуживающихъ довѣріе мужей, но даже изъ письменныхъ свидѣтельствъ лѣтописцевъ, что нынѣшній царь Московскій, Новгородскій, Астраханскій, Казанскій и всея великія Россіи Государь Іоаннъ ведеть свое происхожденіе отъ рода и крови истинно царскихъ, т. е. отъ оной славной и приснопамятной царицы государыни Анны, сестры самодержца Василия Багрянороднаго; потомъ же и Мономахъ, благочестивѣйшій Государь Константинъ съ согласія тогдашняго патріарха и всего освященнаго Архіерейскаго Собора, пославши святѣйшаго митрополита Ефесскаго и Антіохійскаго мѣстоблюстителя вѣнчали во царя благочестивѣйшаго великаго князя Владиміра, дали тогда ему на главу царскій вѣнецъ съ діадемой и иныя знаменія и одежды царскаго сана, посему и священнѣйшій митрополитъ Московскій и всея великія Россіи господинъ Макарій, благоразсудивъ о томъ, вѣнчалъ его во царя законнаго и благочестиваго, и мы равномѣрно просимы были увѣнчать его, какъ царя благочестиваго, такъ какъ не долѣтъ совершенное реченнымъ митрополитомъ Московскимъ, ибо не только митрополитъ или кто иной во власти сущій не имѣтъ права сіе совершить, но ни даже патріархъ иной, кромѣ двухъ, коимъ присвоено сіе преимущество, Римскаго т. е. и Константинопольскаго. Сего ради и смиреніе наше, принявъ такое прошеніе, какъ праведное и благословное, и удостовѣрившись о многихъ великихъ добродѣтеляхъ и благодѣяніяхъ сего благочестивѣйшаго Государя Московскаго, господина Іоанна, который по истинѣ, какъ нѣкоторое пресвѣтлое солнце, воспріявъ высокій и блистательный кругъ своей державы, снисходитъ и къ дальнимъ и, утвердившись горѣ, такъ сказать, касается и земли, челоуколюбиво распространяя лучи своей милостины всѣмъ повсюду сущимъ церквамъ, нѣкоторыя изъ нихъ, согрѣвая, животворить, а другія призываетъ къ преспѣванію и плодотворенію: всѣмъ силъ ради причинъ и смиреніе наше съ согласія всѣхъ здѣсь обрѣтающихся священнѣйшихъ митрополитовъ и бого-

любивѣйшихъ епископовъ, дѣйствиємъ же и благодатью Всевышняго живоначальнаго и совершенноначальнѣйшаго Духа преподаетъ и даруетъ реченному Царю, Господину Іоанну быть и называться ему Царемъ законнымъ и благочестивѣйшимъ, увѣнчаннымъ и отъ насъ правильно, вмѣстѣ и церковно, такъ какъ онъ отъ рода происходитъ и крови царской, какъ мы уже сказали, и сіе полезно всему христіанству, повсюду законно и справедливо для утвержденія и пользы всей полноты христіанства. Поелику однородное привлекаетъ все къ общенію между собой, разнородное же разобщаетъ и, по самому естеству вещей, свойственно тому, что подвластно, послѣдовать мысли своего начальовождя, и все держится свидѣтельствомъ истины (не то однако, чтобы мы изъ послѣдствій столько же уразумѣвали начала и причины всѣхъ вещей, сколько изъ самихъ причинъ и началъ уразумѣваемъ послѣднія): то по сей причинѣ явная есть польза быть и утвердиться Царю благочестивому и православному, какъ началу и непоколебимому основанію, которому весь народъ и все ему подвластное привыкли бы повиноваться и ему подражать, по силѣ въ дѣланіи всякаго добра; такого рода послѣдствіе истекаетъ отъ благого и нравственного начала, какъ выше сказано.

Посему для обнародованія и большаго утвержденія сего дѣйствія, написана сія благодательная грамота и дана благочестивѣйшему, богоувѣнчанному и христіолюбивому Государю нашему господину Іоанну въ лѣто 1561 индикта 7-го.

Теперь первостоятель Вселенской Церкви призналъ Іоанна увѣнчаннымъ отъ него правильно и церковно. Компетентная власть признала Іоанна въ царскомъ санѣ, утверждая этотъ санъ, какъ непоколебимое основаніе и необходимость для полноты христіанства. Однако въ грамотѣ были и горькія слова о томъ, что вѣнчаніе Московскаго митрополита безъ патріаршаго утвержденія недостаточно.

Сознанію русскому было ясно, что недоставало одного важнаго учрежденія для полноты Византійскаго наслѣдія, для завершенія архитектурнаго зданія Третьяго Рима. Надо было имѣть патріарха. Увѣнчаніе зданія въ этомъ смыслѣ выпла-

ло на долю сына Грознаго царя Θεодора въ 1589 г. послѣ продолжительныхъ его хлопотъ объ этомъ предъ восточными патріархами. Какъ послѣ паденія Византіи въ Церкви вселенской недостовало православнаго Царя, такъ теперь въ Москвѣ послѣ установленія царской власти и созданія ея величія, „просіявшаго въ сонмѣ святыхъ ея“ недостовало другого члена „священной двоицы“—патріарха. Позже мы остановимся на этомъ актѣ установленія патріаршества; способъ его установленія даетъ наглядный примѣръ каноническаго образа дѣйствій самодержавнаго царя, сознающаго себя связаннымъ правилами Церкви, въ отличіе отъ образа дѣйствій позднѣйшаго властителя земли русской, исходившаго изъ абсолютистской теоріи государства.

Къ концу династіи было завершено строительство Третьяго Рима въ его двухъ вершинахъ—царѣ и патріархѣ. Какъ же мыслилось взаимоотношеніе царя и патріарха въ Византіи, переданное въ наслѣдіе намъ и освященное компетентной церковной властью? Почему для утвержденія царскаго сана при автокефаліи русской Церкви понадобился актъ Константинопольскаго патріарха? Отвѣтъ на это дастъ самое положеніе этого патріарха на востокѣ въ то время.

VII.

ПАТРИАРХЪ И ИМПЕРАТОРЪ ВЪ ВИЗАНТІИ.

КОРОНОВАНИЕ И МВРОПОМАЗАНІЕ.

ИМПЕРАТОРЪ КАКЪ ЦЕРКОВНЫЙ И СВЯЩЕННЫЙ ЧИНЪ
ВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Ст. 57, 58, 64 Осн. Зак. изд. 1906 г.

II-й Вселенскій Соборъ 381 г. постановилъ, что Константинопольскій епископъ да имѣетъ преимущество чести послѣ Римскаго епископа, потому что градъ оный есть новый Римъ.

Но постепенно преимущества чести превратились въ преимущества власти, подтвержденныя IV Вселенскимъ Соборомъ, а затѣмъ вліяніе расширилось и на другіе патріархаты.

Послѣдующія историческія событія и резиденція въ одномъ городѣ съ Императоромъ при завоеваніи остальныхъ патріархатовъ магометанами особенно усилили положеніе Константинопольскаго патріарха. Будучи по благодати архіерейства (*ordinatio*) *primus inter pares* въ средѣ другихъ патріарховъ и даже подчиненныхъ ему епископовъ, Константинопольскій патріархъ былъ выше всѣхъ іерарховъ востока по принадлежащей ему церковной власти (*potestas jurisdictionis*). Онъ одинъ пользовался правомъ вмѣшательства въ предѣлы другихъ патріархатовъ. Онъ принималъ участіе во всѣхъ главнѣйшихъ дѣлахъ православной Церкви, совмѣщалъ въ себѣ всѣ функціи верховной власти въ ея высшихъ обнаруженіяхъ, и къ его кафедрѣ обращались всѣ искавшіе окончательнаго правосудія, и важнѣйшіе вопросы получали у него окончательное рѣшеніе. Его кафедра была средоточіемъ церковнаго управленія, хотя онъ и не былъ *episcopus ecclesiae universalis* въ католическомъ смыслѣ, каковой терминъ опредѣляетъ папу, какъ видимаго главу, отъ котораго всѣ другіе епископы получаютъ свои полномочія. Онъ не имѣлъ и *plenitudo potestatis ecclesiasticae* въ томъ католическомъ смыслѣ, съ которымъ связывается непогрѣшимость сужденія въ вопросахъ вѣры и церковной дисциплины. Онъ не первоисточникъ всѣхъ полномочій, а вселенскій патріархъ, то есть первостоятель Церкви, содержащей вселенскую истину. Въ его рукахъ нѣтъ полноты церковной власти, и онъ не непогрѣшимый судья, но имѣетъ лишь высшую церковную власть какъ старѣйшій и главный правитель. Если римскій папа не имѣетъ надъ собой никакой высшей власти и не подлежитъ ничьему суду, то Конст. патріархъ напротивъ подлежитъ общему суду епископовъ и отвѣтственъ за свои распоряженія. Но онъ главный представитель и высшій правитель для всего православнаго востока. Голосъ его былъ необходимъ для сообщенія полнаго значенія важнѣйшимъ церковнымъ постановленіямъ, и безъ его согласія эти постановленія не имѣли правомѣрнаго дѣйствія.

Таково было положеніе Византійскаго патріарха. Понятно, что и царь всѣхъ православныхъ христіанъ могъ быть коронуемъ только высшимъ предстоятелемъ Церкви, Императоръ вѣдь принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ важ-

нѣйшихъ церковныхъ дѣлахъ, въ періодъ вселенскихъ соборовъ его комиссары иногда предсѣдательствовали на этихъ соборахъ (IV Вс. Соб.); онъ подписывалъ соборныя грамоты; при возникновеніи разногласій въ Церковномъ ученіи онъ созывалъ Соборы въ качествѣ внѣшняго епископа, по выраженію Константина Великаго, или общаго епископа, по выраженію историка Евсевія. Онъ имѣлъ преимущественное попеченіе о Церкви и былъ поставленъ, по выраженію 2-го Всел. Собора въ посланіи къ Императору Θεодосію, для установленія общаго Церковнаго мира.

Не входитъ въ нашу задачу разсматривать ту борьбу, которая нерѣдко возникала между патріархами и царями въ силу уже того, что во многихъ областяхъ и случаяхъ требовалось часто ихъ согласованная дѣятельность, а мнѣнія ихъ могли быть различны. Борьба эта нерѣдко кончалась то насильственнымъ низложеніемъ патріарха, то публичнымъ торжественнымъ въ св. Софії покаяніемъ Императора передъ патріархомъ. Но намъ важно установить тотъ принципъ, который лежалъ въ основѣ этихъ отношеній и тотъ іерархическій порядокъ, который признавался между актами церковной и государственной власти и основывался на пріоритетѣ права церковнаго, какъ особаго источника права передъ правомъ государственнымъ. Императоръ издавалъ законы касавшіеся не только внѣшняго положенія церкви въ государствѣ (*jura circa sacra*), но и о внутреннемъ церковномъ распорядкѣ (*jura intra sacra*). Его законы наряду съ канонами составляли сборники особыхъ постановленій.

Вопросъ объ юридической природѣ участія Императора въ правительственной власти Церкви составляетъ предметъ ученаго спора. Одни усматриваютъ (проф. Суворовъ) въ этомъ проявленіе его Церковной власти въ Церкви, какъ продолженіе унаслѣдованнаго со временъ языческихъ положенія *pontifex maximus*, когда сакральное право составляло часть публичнаго государственнаго права; большинство же ученыхъ полагаетъ справедливо, что Императорская подпись надъ церковными постановленіями лишь сообщала имъ защиту государственной власти.

Церковь представляла и представляетъ изъ себя организмъ съ самостоятельнымъ законодательнымъ органомъ изъ высшей духовной іерархіи, существовавшимъ до появленія

христіанской Императорской власти и могущимъ существовать безъ нея. Законы Императора въ Церкви имѣли въ Церкви силу, поскольку они находились въ соотвѣтствіи съ церковными правилами (*intra canonicam legem*), или же въ вопросахъ не регулированныхъ еще Церковью молчаливо ею допускались (*praeter legem canonicam*) и такимъ образомъ становились *leges canonisatae*.

Объ этомъ говорить намъ и та присяга, которую приносилъ каждый Императоръ передъ коронованіемъ патріарху. Вотъ она: Я имярекъ во Христѣ Господѣ Нашемъ вѣрный Императоръ и Самодержецъ Римскій собственною сіе предписалъ рукою: Вѣрую во Единого Бога (весь символъ до конца); прочее пріемлю и исповѣдую и утверждаю Божественныя апостольскія преданія. Такжеже уставы и утвержденія семи вселенскихъ и помѣстныхъ Соборовъ во все время бывшихъ, паки привилегіи и обычаи святыя великія Церкви и все, яже святыя отцы истинно канонически установили и покончили, пріемлю и подтверждаю. Подобнѣ же вѣрнымъ и истиннымъ сыномъ святыя Церкви служителемъ и защитителемъ ея, къ народу же державы моя милосерднымъ и милостивымъ, елико возможно и праведно, пребыти обѣщаюсь. Хранитися же имамъ отъ кровопролитія и всякаго рода немилосердія елико возможно: всякой же правдѣ и истинѣ послѣдовати. Елико святыя отцы отвергли и проклинали, самъ такжеже отвергаю и проклиная и всею мыслью, душою и всѣмъ сердцемъ святому вышереченному символу согласую и вся сіе сохранять обѣщаюсь, предъ святою Божьей католической Церковью мѣсяца . . . дня . . . и года . . . Сему тамъ прочтенному исповѣданію подписуетъ тожъ что и въ началѣ написалъ, т. е. . . . во Христѣ Богѣ нашемъ вѣрный Самодержецъ Римскій собственной рукою подписуя и святѣйшему моему господину Вселенскому Патріарху. . . вручаю и святому съ нимъ сущему Синоду.“

Эта присяга ставила границы Императорскому законодательству указаніемъ на высшій, чѣмъ Императорская власть правоисточникъ — право Церкви. Въ государственной жизни Императоръ обязанъ былъ направлять дѣла всѣми средствами государственной власти сообразно съ воззрѣніями Церкви, и по идеѣ Императоръ преслѣдовалъ тѣ же цѣли, которыя имѣла и Церковь.

Норму должныхъ отношеній между Императоромъ и патріархомъ описываетъ Эпанагога—законодательный памятникъ IX вѣка, приписываемый патріарху Фотію. Такъ какъ общезитіе, подобно человѣческому организму, состоитъ изъ частей и органовъ, то царь и патріархъ суть самыя важныя и необходимыя части. Посему полное единомысліе между царской властью и властью іерархіи есть условіе мира и благоденствія подданныхъ по душѣ и тѣлу. Царь и патріархъ изображаются такъ, какъ высшіе представители двухъ сферъ общезитія. Царь есть законный заступникъ, общее благо для подданныхъ своихъ, наказывающій не по неудовольствію и награждающій не по симпатіи. Задача его дѣятельности состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ доброты сохранять и упрочивать наличныя государственныя средства, возмѣщать посредствомъ неусыпнаго попеченія потерянное и дѣлать новыя приращенія въ государственномъ благосостояніи и могуществѣ посредствомъ мудрыхъ и справедливыхъ мѣръ и предпріятій. Царь долженъ защищать и соблюдать все написанное въ Божественномъ Писаніи, потому что, что установлено на семи Вселенскихъ Соборахъ, а также признанные римскіе законы. Царь долженъ отличаться православіемъ и благочестіемъ. Онъ долженъ изъяснять законы, установленные древними и примѣнительно къ нимъ издавать новые законы о томъ, на что не было закона. Патріархъ же есть живой образъ Христа, словомъ и дѣломъ изображающій истину. Задача его въ томъ, чтобы сохранить въ благочестіи и чистотѣ жизни тѣхъ, кого онъ принялъ отъ Бога, потому въ томъ, чтобы и всѣхъ еретиковъ по возможности обратить въ православіе и единеніе въ Церкви, а всѣхъ невѣрующихъ заставить послѣдовать вѣрѣ, дѣйствуя на нихъ посредствомъ чистой и чудной жизни. Конечная цѣль его служенія — спасеніе вѣранныхъ ему душъ, жить со Христомъ, распятіе міру. Патріархъ долженъ быть учителемъ, держать себя равно съ людьми высокаго и низкаго общественнаго положенія, быть кроткимъ въ правдѣ, обличительнымъ въ отношеніи непослушныхъ, относительно истины и защиты догматовъ говорить передъ лицомъ царя не стыдась. Патріархъ одинъ можетъ изъяснять правила, установленныя древними, опредѣленныя святыми отцами и изложенныя древними Соборами. Онъ дол-

женъ судить и рѣшать то, что происходило и установлено древними отцами на соборахъ частныхъ и помѣстныхъ.

Государство и Церковь мыслятся здѣсь какъ двѣ самостоятельныхъ организациі, призванныя къ сотрудничеству: По Эпаногоѣ Царь долженъ толковать государственные законы, а Патріархъ церковные. Въ дѣйствительной жизни постановленія Константинопольскаго Патріаршаго Синода издавались безъ утвержденія государственной власти и публиковались отъ лица Патріарха и Синода. Когда же они относились къ гражданской сферѣ, и имъ надо было обезпечить исполненіе въ области государственныхъ отношеній, то прибѣгали къ санкціи государственной власти. Епископы избирались соборомъ епископовъ и поставлялись по рѣшенію епископовъ безъ участія свѣтской власти*); только въ позднѣйшее время при поставленіи патріарховъ выборъ изъ трехъ кандидатовъ, намѣченныхъ Соборомъ епископовъ, принадлежалъ Царю.

Церковь была отъ государства самостоятельной правовой организацией, но съ своей стороны изъ факта освященія ея Императорской власти не дѣлала тѣхъ практическихъ юридическихъ выводовъ, которые были сдѣланы на западѣ, послѣ возстановленія Имперіи Карломъ Великимъ, со стороны римскихъ папъ, возлагавшихъ корону на голову Императора.**)) Въ Византіи эта зависимость ограничивалась сферой церковной, въ которой, по признанію самого государственнаго закона въ Юстиніановомъ кодексѣ, свѣтскіе законы, противные правиламъ церковнымъ, не имѣютъ силы (Cod. Just. lib. I t. II, 12). То же соотношеніе воспринято и Фотіевымъ Номоканономъ. Принципъ этотъ воспроизведенъ и въ новеллѣ Императора Никифора въ 1080 г., повторенъ Императоромъ Львомъ Мудрымъ и признавался основнымъ до конца Имперіи.

Но Церковь допускала Императора до законодательства и въ церковной средѣ, то есть представляла ему, хотя и субсидіарно, право юрисдикціи. Ему въ Церкви усваивалось

*) Бердниковъ Основ. начала церк. права прав. церкви, 123 стр.

**) Тамъ это было слѣдствіемъ ученія о *potestas indirecta* папы въ мірскихъ дѣлахъ, тогда какъ православная Церковь возводила начало міровой власти непосредственно къ Богу.

особое положеніе.*) Положеніе Императора на практикѣ въ виду неразличенія церковно-юридическихъ понятій нерѣдко приводило къ превышенію полномочій Императорской власти въ Церкви. Церковное право различаетъ власть священнодѣйствія (*potestas ordinis*), власть учительную (*potestas magisterii*) и власть правительственную (*potestas jurisdictionis*). На практикѣ Императоръ претендовалъ на право учительства, когда издавалъ законы, относящіеся къ религіозному ученію: не должно забывать, что даже, когда Императоръ защищалъ еретическое ученіе, онъ не противопоставлялъ его ученію Церкви, а считалъ, хотя и ошибочно, себя лишь вѣрнымъ выразителемъ Церковнаго ученія еще не нашедшаго своего выраженія на Вселен. Соборахъ. Это было превышеніемъ его компетенціи, ибо власть по установленію вѣроученія предполагаетъ наличность особой архіерейской благодати. Тому же смѣшенію понятій *ordo* и *iurisdictio* обязано и то, что Императоръ благословлялъ въ Церкви народъ архіерейскимъ благословеніемъ съ дикіемъ въ рукахъ. Однако самая возможность этого смѣшенія объясняется тѣмъ, что Церковь черезъ Коронованіе и миропоманіе выдѣляла Императора изъ мірянъ и дѣлала изъ его должности особый священный чинъ, съ которымъ практика связывала привилегіи, предполагающія высшій духовный іерархическій санъ.

Актъ коронованія, бывшій сначала государственнымъ чиномъ избранія на царство, съ введеніемъ христіанства превратился въ чинъ церковный, при которомъ царскій вѣнецъ сталъ получаться въ Церкви и отъ Церкви. Первые христіанскіе государи вступали въ свой санъ по особому чину, еще напоминавшему прежнюю языческую инаугурацію. На открытомъ полѣ передъ римскими легіонами Императоръ надѣвалъ на себя порфиру и возлагалъ вѣнецъ, послѣ чего облеченнаго въ Императорское достоинство ставили на щитъ и поднимали на копьяхъ при восторженныхъ привѣтствіи

*) Припомнимъ, что Конст. патріархъ Антоній, требовавшій отъ вел. кн. Василия I поминанія царскаго имени на богослуженіи, писалъ, что имя его должно поминаться всѣми православными христіанами, ибо онъ одинъ — царь природный, законы котораго дѣйствуютъ во всей вселенной, и никакіе соборы, никакія каноны, никакіе отцы не упоминаютъ о другихъ царяхъ. Онъ одинъ помазуется миромъ въ царя и самодержца римлянъ, то есть всѣхъ христіанъ.

яхъ, затѣмъ ужъ Императоръ въ храмѣ прино иль благодарственную молитву.

Но уже въ V вѣкѣ коронованіе производили въ Церкви, возложеніе вѣнца на голову совершается Патріархомъ и сопровождается литургіей, а передъ священнодѣйствіемъ вѣнчанія на царство Императоръ произноситъ вышеприведенную клятву вѣрности православію и принимаетъ обязанность хранить его въ государствѣ. Въ X вѣкѣ присоединяется Миропомазаніе, и при помазаніи миромъ патріархъ возглашаетъ: „святъ, святъ, святъ“. Этотъ возгласъ, освящающій личность Императора, троекратно повторяется клиромъ и народомъ, равно какъ и возгласъ „аксіось“, который трижды произноситъ патріархъ при возложеніи вѣнца на голову царя. Императоръ въ священнической одеждѣ входилъ послѣ рукоположенія въ алтарь черезъ царскія врата, пріобщался во время литургіи по священническому чину отдѣльно тѣла и крови Христовой, кадилъ Св. трапезу патріарха и народъ, а во время великаго выхода при перенесеніи Св. даровъ съ жертвенника на престолъ шелъ впереди іерарховъ въ златотканной мантии съ жезломъ въ лѣвой рукѣ и съ крестомъ въ правой. Козимъ Куропалатъ, византійскій историкъ рассказываетъ: „Императоръ же тогда имѣетъ на себѣ чинъ церковный депутата (депутаты стояли на степени діаконской въ греческой церкви), обоя носящъ сі — есть крестъ и скипетръ, идетъ передъ всѣмъ входомъ; съ обою сторону спослѣдствуютъ ему варанги, всѣ оруженосцы, юнота высокоблагородная числомъ около сотца, вси Императору сопослѣдствуютъ, за Императоромъ идутъ діакони и священницы, святія сосуды и самая святая носящія“. Симеонъ же Солунскій говоритъ: „святѣмъ Царь тако предходитъ, свидѣтельствуя яко поручничествовати долженствуетъ и мирствовать Церковь, и предходити той и управляти тую и вся подклоняти той и рабы творити. Понеже самъ рабство той свидѣтельствуетъ и вѣру, не покровенъ сый страннымъ тайнымъ предходя“.

При возложеніи порфиры патріархъ читалъ надъ порфирой молитву: „Господи Боже нашъ, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ“. При возложеніи короны онъ читалъ молитву „Тебѣ единому Царю челоуѣковъ“ и самъ возлагалъ ее на голову Императора. Послѣ коронаціи и ли-

тургии Царю подносился сосудъ съ человѣческими костями и предлагался мраморъ для выбора матеріала для своего гроба. Въ моментъ величайшаго возношенія ему напоминалось тѣмъ о бренности всего земного и необходимости смиренія.

Таинство миропомазанія сообщало Императору благодатные дары для несенія царскаго служенія, и благодать сія почитается столь сильной, что, подобно постриженію въ монашескій чинъ, съ нимъ Церковью связывается полное прощеніе всѣхъ до того совершенныхъ грѣховъ. 12-ое правило Анкирскаго помѣстнаго собора, постановленія коего наравнѣ съ постановленіями другихъ 10 помѣстныхъ соборовъ были по силѣ приравнены 2-мъ правиломъ Вселенскаго Трулльскаго собора къ постановленіямъ Вселенскихъ Соборовъ, — говоритъ: „прежде крещенія идоложертвовавшихъ и потомъ крестившихся разсуждено производить въ чинъ священный, яко омывшихъ грѣхъ.“

Къ этому правилу приложено въ офиціальномъ сборникѣ правилъ православной Церкви руководственное толкованіе канониста XII вѣка Вальсамана, изъ котораго явствуетъ, какую силу усвоетъ Церковь таинству миропомазанія. Вотъ что онъ говоритъ: „Пользуясь настоящимъ правиломъ, св. патріархъ Поліевктъ раньше исключилъ изъ священной ограды святѣйшей Божьей Церкви Императора Іоанна Цимисхія, какъ убійцу Императора Никифора Фоки, а потомъ принялъ его. Ибо вмѣстѣ съ св. Синодомъ въ состоявшемся въ то время соборномъ постановленіи, которое хранится въ архивахъ хартофилакса, призналъ, что какъ помазаніе при святомъ крещеніи прощаетъ совершенные до того времени грѣхи, какіе бы то ни было, такъ, само собой разумѣется, и помазаніе на царство прощаетъ совершенное ранѣ Цимисхіемъ убійство. Слѣдую тому постановленію, тѣ, которые были расположены къ снисходительности и считаютъ Божіе милосердіе выше суда, говорятъ, что и помазаніемъ въ архіерейство прощаются совершенныя до того прегрѣшенія, и справедливо защищаютъ мысль, что архіереи не подлежатъ наказанію за душевныя скверны, совершенныя до архіерейства, ибо подобно тому, какъ цари именуются и суть Божіи помазанники, таковыми же именуются и суть и архіереи. Они доказываютъ свою мысль тѣмъ,

что одну и ту же силу имѣютъ и тѣ молитвы, которыя читаются при помазаніи царей и при хиротоніи архіереевъ. А вмѣсто елея, который по древнему закону изливался на царей и архіереевъ, служитъ, говорятъ, для архіереевъ бремя Евангелія, которое возлагается на голову имъ и печать хиротонизаціи черезъ призваніе Св. Духа. . . . и замѣтъ на основѣ правилъ 19 Ник. Собора, 9 и 11 Неокес. и 27 пр. Св. Василия Великаго, что хиротонія архіереевъ и помазаніе царей изглаживаютъ всѣ грѣхи, совершенные до хиротоніи и помазанія, какіе бы то ни было, рукоположеніе же священниковъ и другихъ священныхъ лицъ прощаетъ малые грѣхи, какъ поползновеніе къ грѣху, ложь и другіе подобные, которые не подвергаютъ низверженію, но не прощаетъ блудодѣяній".

Передкоронаціонная присяга, являющаяся по церковнымъ правиламъ условіемъ принятія въ священный чинъ, руковожденіе и миропомазаніе, сообщающія особую благодать св. Духа, произнесеніе словъ „святъ, святъ, святъ“, — показываетъ, что съ возведеніемъ въ царскій санъ Церковь связывала принятіе въ особый чинъ, отличный отъ мірянъ. Онъ сообщалъ особыя права, какъ напр. причащеніе отдѣльно Тѣла и Крови Христовыхъ, вхожденіе въ алтарь черезъ царскія врата, права субсидіарнаго законодательства и участіе въ дѣлахъ Церкви, но и возлагалъ особыя обязанности, — быть въ мірѣ представителемъ Церкви и защитникомъ вселенской древнехристіанской истины. Этотъ же церковный чинъ призванъ быть ограждать Императора отъ происковъ всякихъ враговъ. Подобно монашескому чину царскій чинъ въ Церкви, являя отреченіе отъ личной жизни, выдѣляетъ носителя его изъ среды мірянъ; но въ то время какъ тамъ это отреченіе дѣлается во имя сораспятія Христу, здѣсь оно совершается во имя подвига для другихъ, ради дарованія имъ безмятежнаго житія и примѣра нравственнаго величія. Царь Грозный прекрасно это понималъ, когда, заботясь о возведеніи себя въ царскій санъ компетентной властью патріарха, въ числѣ доводовъ представлялъ заслуги своихъ предковъ по содѣйствію дѣлу Церкви, когда перечислялъ заслуги своихъ сородичей, принявшихъ иноческій санъ, и имена тѣхъ, кто просіялъ въ Церкви и причисленъ ею къ лику святыхъ.

Вознесенный на недостигаемую высоту чрезъ Священное коронованіе и миропомазаніе Византійскій Императоръ былъ

въ глазахъ восточнаго христіанства верховнымъ покровителемъ Церкви, государственнымъ представителемъ православія, защитникомъ древнехристіанской истины, эпистимонархомъ. Слѣдствіемъ рецепціи нами Византійскаго права является то, что русскіе Императоры, какъ мы увидимъ въ соотвѣтствующей главѣ, вѣнчаются, согласно ст. 57 и 58 Основ. Законовъ по тому же церковному чину и слѣдовательно занимаютъ то же положеніе по отношенію къ церкви, о которомъ точнѣе говоритъ ст. 64. Основныхъ Законовъ: „Императоръ, яко Христіанскій Государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры и блюститель правовѣрія и всякаго въ святой Церкви благочинія. Въ семъ смыслѣ Императоръ въ Актѣ о Престолонаслѣдін 1797 г. 5 апр. (17910) именуется Главою Церкви.“ Это все тотъ же внѣшній епископъ—*advocatus ecclesiae*. Разсмотрѣніе Византійскаго права показало намъ что съ понятіемъ самодержавнаго монарха тамъ вовсе не связывалось понятіе о власти безграничной. Напротивъ, власть его обуславливалась вѣрностью Церкви и въ этомъ находила незыблемую твердыню и непоколебимое основаніе. Это же стало основаніемъ царской власти и у насъ въ Россіи.

VIII.

ПРАВОСЛАВНО — МОНАРХИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ ГРОЗНАГО И ЕЯ СООТВѢТСТВІЕ ПРАВОСЛАВНОМУ НАРОДНОМУ СОЗНАНІЮ.

Ст. 62 и 63 Осн. Зак. изд. 1906 г.

Одаренный отъ природы умомъ, чуткостью и самыми возвышенными порывами души, весьма начитанный въ священномъ писаніи, Царь Грозный рано былъ искалѣченъ своеволіемъ и самодурствомъ бояръ. Онъ не любилъ этихъ бояръ, съѣхавшихся изъ отнятыхъ у нихъ княженій въ Москву, откуда они хотѣли править государствомъ въ качествѣ верхняго правительственнаго слоя. „Подобно бѣсамъ отъ юности моей вы поколебали благочестіе и Богомъ данную мнѣ державную власть себѣ похитили“, говорилъ онъ и выводилъ измѣну, которую видѣлъ въ непризнаніи новаго вводимого имъ принципа верховной власти. Ихъ требованіямъ

породы онъ противопоставилъ свою теорію управленія, основанную на Божественной мисіи свѣше, мисіи, получившей свою печать въ поставленіи Церковью въ его вѣнчаніи на царство.

Онъ не только основалъ царскую власть въ Россіи, но и явился основоположникомъ понятія самодержавія, давъ цѣлую теорію монархическаго права. Онъ далъ ученіе о цѣляхъ власти, объ ея основахъ и ея предѣлахъ. Онъ отгнѣнилъ и священный характеръ сана, говоря объ отношеніяхъ подданныхъ къ царю. „Если царь несправедливъ, онъ грѣшитъ и отвѣчаетъ передъ Богомъ, и Курбскій можетъ порицать Іоанна, какъ человѣка, пишетъ онъ, но не можетъ не повиноваться тому, что божественно, — его сану. Не мни праведно на человѣка возъярився, Богу приразиться ино бо человѣческе есть, аще и порфиру носить, ино же Божественное“. Въ себѣ онъ видѣлъ одного изъ тѣхъ царей, которыхъ помазалъ Богъ на царство въ Израилѣ, но также низвергалъ, и наказывалъ, и считалъ себя призваннымъ отвѣтить за каждый поступокъ передъ Царемъ царей. Онъ поставленъ для доставленія другимъ тихаго и безмятежнаго житія, для наказанія злымъ, для поощренія дѣлающихъ добро, для осуществленія правды на землѣ. Князя Курбскаго, писавшаго о личныхъ доблестяхъ лучшихъ людей, онъ поучалъ, что и личныя качества не помогутъ, если нѣтъ правильнаго строенія, если власти и управленія не будутъ расположены въ надлежащемъ порядкѣ. „Какъ дерево не можетъ цвѣсти, если корни засыхаютъ, такъ и это: аще не прежде строенія благая въ царствіи будутъ“.

И строеніе это онъ основываетъ на вѣрѣ въ Промыселъ Божій. „Я вѣрую, пишетъ онъ, что всѣми обладаетъ Христосъ, небесными, земными и преисподними и все на небеси, на земли и преисподней состоитъ Его хотѣніемъ, Совѣтомъ Отчимъ и благоволѣніемъ Св. Духа“. „Сильные во Израилѣ не тамъ, гдѣ лучшіе люди Курбскаго“. „Земля правится Божьимъ милосердіемъ и Пречистыя Богородицы милостью и всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ и послѣди нами государями своими, а не судьями и воеводами и иже ипаты и стратиги.“ Іоаннъ вѣритъ въ Промыселъ Божій, дѣйствующій черезъ помазанника Божьяго, и призываетъ Курбскаго въ оснозу своихъ дѣйствій по-

ложить смиреніе. „Если ты праведенъ и благочестивъ, то почему же ты не захотѣлъ отъ меня, строптиваго владыки пострадать и наслѣдовать вѣнецъ жизни? Зачѣмъ не поревновалъ еси благочестія раба твоего Васьки Шибанова, который предпочелъ погибнуть въ мукахъ за господина своего?“

Своей власти онъ даетъ религіозно нравственное значеніе. „Тщусь съ усердіемъ людей на истину и на свѣтъ наставить, да познають единого истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ Государя, а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да отстануть, коими царства рушатся.“ И онъ требуетъ полного повиновенія, царю поскольку однако приказомъ царя не затронута вѣра.

Когда же Курбскій ссылался на другія европейскія государства, гдѣ подданные имѣють политическія права, то Грозный отвѣтилъ: „О безбожныхъ человѣцѣхъ что и глаголати! Понеже ти всѣ царствіями своими не владѣють: какъ имъ повѣлять работные (подданные), такъ и поступаютъ. А російскіе самодержавцы изначала сами владѣють всѣми царствами, а не бояре и вельможи“. И побѣжденный Стефаномъ Баторіемъ онъ съ достоинствомъ говоритъ его посламъ о превосходствѣ своего принципа: „Государю вашему Стефану въ равномъ братствѣ съ нами быть не пригоже, мы же, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси, по Божьему изволенію, а не по многмятежнаго человѣчества хотѣмью.“ А Елизаветѣ королевѣ Англійской писалъ: „Мы чаяли того, что ты на своемъ государствѣ Государыня и сама власть и своей государственной чести смотришь и своему государству прибытка. Ажно у тебя мимо тебя люди владѣють и не токмо люди, а мужики торговые и о нашихъ государскихъ головахъ и о честехъ и о земляхъ прибытка не смотрятъ, а ищутъ своихъ торговыхъ прибытковъ! А ты пребываешь въ своемъ дѣвичьемъ чину, какъ есть пошлая дѣвица.“ Та же мысль выражена и въ посланіи къ Шведскому королю: „если бы у тебя было совершенное королевство, то отцу твоему вся земля въ товарищахъ не была бы.“

Всѣ европейскіе сосѣди, по мнѣнію Іоанна, суть представители власти безбожной, руководимой не Божественными повелѣніями, а человѣческими страстями: всѣ они рабы тлѣна и похоти.

Царь Грозный осудилъ тотъ демократическій принципъ народовластія, который на два вѣка позже обоготворилъ Руссо. Вопреки современнымъ демократическимъ принципамъ, исходящимъ изъ принципа нелицемерной, неповрежденной грѣхомъ воли человѣка, Царь Грозный видѣлъ въ немъ преклоненіе плоти и противопоставлялъ ему принципъ смиренія передъ промысломъ Божиимъ. Не на народномъ суверенитетѣ основалъ онъ свою власть, не на многоятежнаго человѣчества хотѣніи, а на томъ, что „искра благочестія дойде и до русскаго царства. Самодержавства нашего начало отъ Св. Владиміра, Владиміра Мономаха, и даже дойде и до насъ смиренныхъ скипетродержавіе русскаго царства.“

Въ силу Промысла Божьяго, сдѣлавшаго его потомкомъ первыхъ Самодержцевъ, править Іоаннъ своимъ царствомъ. Царь — не делегатарій правъ народа, говоря современнымъ юридическимъ языкомъ; верховная власть принадлежитъ не народу, а той высшей силѣ, которая указываетъ цѣли жизни человѣческой. Власть царя — миссія, свыше данная, она — служеніе, подвигъ, а не привилегія. Монархъ лишь выразитель вѣры народа, а не представитель его воли.

Власть царя не безгранична, она ограничена самимъ идеаломъ власти, цѣлью ея. Курбскому онъ пишетъ, что ничего не требовалъ противъ вѣры, и потому тотъ не имѣетъ законной причины неповиновенія. „Не токмо ты, но всѣ твои согласники и бѣсовскіе служители не могутъ въ насъ того обрѣсти“. Когда Антоній Поссевинъ, іезуитъ предложилъ Іоанну составить обсужденіе по вопросамъ вѣры, Іоаннъ отослалъ его къ Митрополиту, объявивъ, что некомпетентенъ высказывать рѣшающее сужденіе по этимъ вопросамъ.

Лишь въ отношеніи своихъ совѣтниковъ бояръ и вельможъ онъ считалъ себя властью неограниченной. „Ты пишешь въ своей бѣсосоставной грамотѣ, чтобы рабамъ помимо господина обладать властью“, пишетъ онъ Курбскому. „Это-ли, совѣсть прокаженная, чтобы царство свое въ рукѣ держать, а рабамъ своимъ давать властвовать? Это-ли противно разуму — не хотѣть быть обладаему своими рабами? Это ли православіе пресвѣтлое — быть подъ властью рабовъ? Какъ же самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?“

Но какъ мѣняется языкъ Царя Грознаго, когда онъ говоритъ не передъ „собаками и измѣнниками,“ а передъ свя-

тителями Церкви. Открывая Стоглавый Соборъ, онъ обращается съ такой рѣчью: „Нынѣ молю Васъ, о богособранный Соборъ, ради Бога и Пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ трудитесь для непорочной и православной вѣры, утвердите и изъясните, какъ предали намъ св. отцы по Божественнымъ правиламъ, и, если бы пришлось, даже пострадайте за Имя Христово, хотя васъ не ожидаетъ ничего кромѣ труда и развѣ еще поношенія отъ безумныхъ людей: на то я и собралъ васъ. А самъ я всегда готовъ вмѣстѣ и единодушно съ вами исправлять и утверждать православный законъ, какъ наставить насъ Духъ Святой. Если, по нерадѣнію Вашему, окажется какое либо нарушеніе Божественныхъ правилъ, я въ томъ непричастенъ, и вы дадите отвѣтъ передъ Богомъ. Если я буду вамъ сопротивенъ, вопреки Божественныхъ правилъ, вы о томъ не молчите; если буду преслушникомъ, воспретите мнѣ безъ всякаго страха, да жива будетъ моя душа, да непороченъ будетъ православный христіанскій законъ и да славится пресвятое Имя Отца и Сына и Св. Духа“. Въ дѣлахъ, связанныхъ съ вопросами вѣры, Грозный считалъ себя связаннымъ правилами Церкви, а въ земныхъ дѣлахъ мыслилъ себя лишь орудіемъ Промыслительной Десницы, ища наставленія и руководства въ святительскомъ благословеніи и молитвахъ.

Въ такой постановкѣ отношеній Государство не упраздняетъ Церкви, не отдѣляется отъ нея, не подчиняетъ ее себѣ, не замѣняетъ ее собой, а принимаетъ ее, какъ нѣчто существующее и данное, вступая съ ней въ единеніе безъ устраненія собственной самостоятельности. Высшая Церковная власть въ лицѣ своей канонической организаціи освященнаго Собора и главнаго епископа—Митрополита Московскаго всегда была помощникомъ Грознаго въ устройствѣ дѣлъ земскихъ. Грозный далъ такое построеніе въ своей рѣчи на Стоглавомъ Соборѣ государственно — церковнымъ отношеніямъ, которое исходило изъ признанія различія сферъ дѣйствій Государства и Церкви, но въ то же время признавало необходимость ихъ единенія безъ недопустимаго сліянія. Принадлежа къ Церкви, онъ самъ ей подчинялся, признавая за руководство ея нравственные требованія и направляя государственное строительство въ духа Церкви. Образецъ этотъ давала ему Византія.

Онъ понималъ, что Церковь даетъ народу его міросозерцаніе, цѣли жизни и, обращаясь къ ней за содѣйствіемъ въ дѣлѣ воспитанія народа, онъ признавалъ за ней самостоятельную нравственную силу. Въ подчиненіи этой силѣ его самодержавіе находило твердый и непоколебимый оплотъ. И понятіе самодержавія, какъ власти самодовлѣющаго идеала, подвига личности, освященнаго Церковью, рукоположеніемъ и таинствомъ миропомазанія, перешло неприкосновеннымъ и въ Основные Законы: „Власти Самодержавнаго Монарха повиноваться не только за страхъ, но и за совѣсть Самъ Богъ повелѣваетъ“—гласитъ статья 1 я. И когда Императоръ Николай II ограничилъ осуществленіе Законодательной власти содѣйствіемъ Государственного Совѣта и Государственной Думы, слово „неограниченный“ было выпущено изъ опредѣленія его власти, но осталось опредѣленіе власти, какъ Самодержавной; иначе не могло и быть, ибо нравственный идеалъ жертвеннаго подвига лишь тогда перестанетъ быть принципомъ высшей верховной власти, когда Россія перестанетъ быть православной. Но пока еще живетъ въ сердцахъ русскихъ православіе, и въ Осн. Зак. русскихъ есть ст. 62: первенствующая и господствующая въ Россійской Имперіи вѣра есть христіанская, православная, католическая восточнаго исповѣданія.

Царь Грозный созывалъ Земскіе Соборы и для законодательства и для рѣшенія высшихъ правительственныхъ вопросовъ изъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства. Мы видѣли, что онъ не признавалъ за подданными никакихъ политическихъ правъ въ отношеніи къ Царю — власти Богоустановленной, и у него, конечно, не могло быть и мысли видѣть въ Земскомъ Соборѣ представительство власти народа, какъ верховнаго вершителя дѣлъ. Верховной властью была его Царская власть, и всѣ права ея вытекали изъ ея обязанности, миссіи, свѣше возложенной; права его были ограничены не правами подданныхъ, а ихъ обязанностями по отношенію къ Богу. Гдѣ верховная власть требуетъ неповиновенія Богу, тамъ кончается повиновеніе ей, ибо она выходитъ тогда изъ своей компетенціи. Но подданные обязаны содѣйствовать Царю въ устройствѣ государственныхъ дѣлъ, когда онъ призываетъ ихъ, и рѣшать ихъ, когда онъ имъ приказываетъ это; самое право на это опредѣляется ихъ обязанностью содѣйствія Царю.

Въ этомъ построеніи—коренная и неистребимая разница съ демократическимъ построеніемъ народнаго представительства на принципъ народнаго суверенитета, лежащаго въ основѣ современнаго конституціоннаго права. Тамъ дѣйствительную верховную власть имѣеть численное большинство, передъ волей котораго склоняются и законодательныя палаты и монархъ, царствующій волею народа. Въ основѣ этого построенія лежитъ гуманистическая вѣра въ то, что неповрежденный отъ природы человекъ можетъ наилучше направить жизнь, руководясь только своимъ разумомъ и волей. Здѣсь само государство представляетъ для людей интересъ, по преимуществу, какъ высшее орудіе для охраны безопасности, права и свободы, на которыя каждый имѣеть одинаковыя права.

Этому гуманистическому и либерально-эгалитарному принципу государственнаго строенія строй самодержавно-монархическій противопоставляется, какъ актиподъ: здѣсь верховная власть, построенная на обязанности, миссии, подвигѣ, не имѣеть другихъ ограниченій, кромѣ ограниченій въ Церкви и тѣхъ, которыя она сама на себя налагаетъ; предѣломъ ея являются не права гражданина, а ихъ болѣе высокія обязанности передъ Богомъ; на все гражданско-политическое строеніе налагается печать не механической уравнительности, а по преимуществу соотвѣтствія правъ съ обязанностями. Принципіально не обязанности опредѣляются правами, а права обязанностями.

Въ первомъ случаѣ высшая воля народа въ принципѣ ничѣмъ не ограничена, и, по выраженію англійскихъ юристовъ, парламентъ можетъ все кромѣ превращенія мужчины въ женщину. Во второмъ случаѣ самодержавный носитель власти признаетъ себя подчиненнымъ высшей силѣ Промысла Божьяго, и народъ подчиняется ему, какъ помазаннику Божьему, то есть посреднику — орудію Его Промысла. Тѣ, кто не смиряется передъ такою властью, не понимаетъ ея и не повинуются — лишь „безводныя облака, носимыя вѣтромъ, ропотники ничѣмъ недовольные, поступающіе по своимъ похотямъ, обѣщающіе другимъ свободу, а сами — рабы тлѣнія.“

Въ апостольскомъ ученіи политическое своеволіе есть проявленіе общаго своеволія, вытекающаго изъ непонима-

нія главной цѣли жизни. Апостоль освящаетъ принципъ власти, какъ службу, Богомъ указанную, и кладетъ границы для повиновенія Кесарю въ необходимости воздавать Божія Богу. Понятіе христіанской власти, какъ подвига-служенія, совершенно неотдѣлимо отъ христіанскаго ученія и міросозерцанія.

При гуманистическомъ воззрѣніи совершенно непонятно такое возвышеніе одного человѣка, которое происходитъ при монархіи, но, когда люди исповѣдуютъ не обожествленіе человѣка, а лишь святость подвига, освященнаго Церковью, тогда они напротивъ не могутъ понять, во имя чего они будутъ повиноваться другимъ безъ наличности этого освященнаго подвига, который можетъ нести только личность, какъ носитель религіозно нравственнаго сознанія.

Не къ раболѣбству передъ людьми, а къ смиренію и подвигу призываетъ православное ученіе; смиреніе и подвигъ—его основа; безъ него нѣтъ православія, и „Императоръ, Престоломъ Всероссійскимъ обладающій, не можетъ исповѣдывать никакой иной вѣры, кромѣ прввославной“ — гласитъ ст. 63 Осн. Законовъ.

Власть православнаго монарха вытекаетъ изъ православнаго міросозерцанія и безъ него даже непонятна. Ее создаетъ то міросозерцаніе, которое не вѣрить въ однѣ силы человѣческія, но, упоая на Промысль Божій, полагаетъ, что „кому Церковь не Мать, тому Богъ не Отецъ“. Только указанный Промысломъ въ силу рожденія, вѣрный Церкви, помазанный ею и хранитель ея вѣры, признается достойнымъ строителемъ политической жизни.

Ученіе Грознаго объ основахъ власти, понятіе о самодержавіи, какъ о власти, обязанной собственному праву по нравственному подвигу въ силу Промысла Божьяго, „доведшаго искру благочестія до Русскаго Царства и скипетродержавіе до насъ смиренныхъ“, и неопирающейся на „многотѣжнаго человѣчества хотѣніе“, остается основой русскаго права по Основнымъ Законамъ, непоколебленной ни смутой 17 вѣка, ни смутой 1905 года.

Царская власть, вытекающая изъ церковнаго міросозерцанія, органически связана съ Церковью и отъ нея неотдѣлима. При возложеніи рукъ на голову Государя по чину коронованія вѣнчающій его святитель, низводящій черезъ

рукоположеніе на него благодать св. Духа, испрашиваетъ ее не только на управленіе государствомъ, но, какъ гласить читаемая имъ молитва, „просить Бога соблюсти его въ непорочной вѣрѣ, показать его хранителемъ Святыя каеволическія Церкви догматовъ.“ Эта обязанность составляетъ интегральную часть обязанностей Царя, какъ церковнаго чина, въ который онъ вступаетъ черезъ рукоположеніе и миропомазаніе.

Къ чину Византійскаго коронованія при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ было прибавлено въ русской Церкви поученіе, которое читаетъ каждому коронуемому царю вѣнчающій его святитель не лично отъ себя, а отъ лица Церкви, въ которомъ Церковь говоритъ о благодати, низведенной на Царя черезъ рукоположеніе, и объ обязанностяхъ Царя.

Вотъ это поученіе: „О Святомъ Духѣ Господинъ и возлюбленный сынъ святыя Церкви и нашего смиренія, князь великій всея Руси самодержецъ! Се отнынѣ отъ Бога поставленъ еси князь великій и боговѣнчанный царь правити хоругви и содержати скипетръ царства русскаго и вѣнчанъ еси Царскимъ вѣнцомъ, по благословенію великаго чудотворца Петра Митрополита всея Руси и по данной намъ благодати отъ святаго и животворящаго Духа, рукоположеніемъ нашего смиренія съ архіепископы и епископы Русскія митрополіи и со всѣмъ священнымъ Соборомъ, въ святѣй Соборной Церкви Успенія Пресв. Богородицы въ царствующемъ твоємъ градѣ Москвѣ, и ты господине сыну, боговѣнчанный царь, князь великій, всея Руси самодержецъ, имѣй страхъ Божій въ сердцѣ и храни вѣру Христіанскую греческаго закона чисту и непоколебиму, соблюди царство свое чисто и непорочно, якоже нынѣ пріялъ еси отъ Бога; къ святѣй же соборной Церкви и ко всѣмъ святымъ церквамъ имѣй вѣру, страхъ Божій и воздавай честь, понеже въ ней, царю, второе пороженъ еси отъ святыя купели; святымъ честнымъ монастыремъ великую вѣру держи, по данной ти отъ Бога Царской власти, къ нашему же смиренію, ко всѣмъ своимъ богомольцамъ о Святомъ Дусѣ царское свое духовное повиновеніе; братью же свою по плоти, о богочестивый и боголюбивый царю, люби и почитай по царскому своему духовному союзу

бояръ же своихъ и вельможъ жалуй и бреги ихъ по ихъ от-
 честву и ко всѣмъ же княземъ и княжатамъ и дѣтемъ бояр-
 скимъ и ко всему христіанскому воинству буди преступень
 и милостивъ и привѣтенъ по царскому своему сану
 и чину; всѣхъ же православныхъ христіанъ блюди и жа-
 луй и попеченіе о нихъ имѣй отъ всего сердца; за обидя-
 щихъ же стой царски и мужески, и не попускай и не дай
 обидѣть не по суду и не по правдѣ; се бо, о царю, пріять
 еси отъ Бога скипетръ правити хоругви великаго царства
 Русскаго и разсудити и управити люди твоя въ правду; блю-
 ди и храни бодрено отъ дивіихъ волкъ губящихъ ее, да не
 растлятъ Христова стадо словесныхъ овецъ. И паки глаго-
 лю ти, боголюбивый царю: блюди съ Богомъ и храни ели-
 ка твоя царская власть и сила содержитсяъ, покрываемъ Вы-
 шняго десницею и хранимъ благодатью Св. Духа, отъ всѣхъ
 враговъ твоихъ видимыхъ и невидимыхъ: в а с ѣ бо Господь
 Богъ въ себѣ мѣсто избра на землю и на Свой пре-
 столь вознесъ, посади, милость и животъ положи у в а с ѣ,
 вамъ же подобаесть, пріемше отъ Вышняго повелѣніе, пра-
 вленіе человѣческаго рода, православныхъ царей, не токмо
 о своихъ пещися и свое точію житіе правити, но и все
 правимое отъ тревоженіе спасти и соблюдать стадо его
 отъ волковъ невредимо. И паки ти глаголю, о боговѣнчан-
 ный царю: цѣло имѣй мудрованіе православнымъ
 догматомъ, почитай излище мать твою Цер-
 ковь, яже о Святымъ Дусѣ ты воздои, и самъ почтенъ бу-
 деши отъ нея; языка же льстива и слуха суетна не пріемли,
 царю, ниже оболгателя послушай, ни злымъ человѣкомъ вѣ-
 ры емли, смотря въ себѣ, о боговѣнчанный царю, яко всѣмъ
 человѣкомъ мудрость честнѣйши есть: всѣ бо ту яко благо
 похваляютъ, и любемудру быти подобаесть, или мудрымъ
 послѣдовати, на нихъ же воистину яко же на престолѣ Богъ
 почиваетъ. Тщися, о боговѣнчанный царю, сія царства ис-
 правити нравы благими, и аще хочещи милостиво имѣти себѣ
 Бога и Царя небеснаго, милостивъ буди и ты, царю, ко всѣмъ.
 Силою Творца, и премудростью Искупителя, и
 Духа Святаго Утѣшителя возмогай, о благоче-
 стивый царю о Христѣ; паки Имъ возмогай, да наслѣд-
 никъ будеши и небеснаго царствія со всѣми святыми пра-
 вославными цари, да возможешъ съ дерзновеніемъ рещи и

во второе пришествіе Господа Бога и Спаса Нашего Ісуса Христа: се азъ Господи, и людіе твои, ихъ же ми еси даль великаго твоего царства Русскаго."

Повторяемъ, что безъ православнаго міросозерцанія нельзя понять царской власти, ибо она мыслится, какъ орудіе Божьяго Промысла, дѣйствующаго черезъ помазанника Церкви. Если она неприемлема для гуманистически безбожнаго міросозерцанія, то она неизбежна для міросозерцанія православнаго, которое дѣлаетъ верховнымъ принципомъ жизни личный нравственный подвигъ.

Народъ русскій, такъ мѣтко выражающій свои религіозныя и правовыя понятія въ пословицахъ, понялъ и оцѣнилъ рожденіе новой власти въ лицѣ Грознаго царя, воспѣвъ его въ былинѣ:

„Когла начиналась Москва,

Зачинался въ ней и Грозный Царь."

Въ цѣломъ рядѣ пословицъ народъ выразилъ свое пониманіе Царской власти. Онъ чтитъ не породу въ царѣ, а священную миссію сана, его помазанность, дѣлающую его освященнымъ орудіемъ Промыслительной Десницы; подобно Грозному царю онъ не любитъ породу, не любитъ бояръ. О боярахъ онъ говоритъ „не держи двора близъ княжаго двора", „съ боярами знаться, грѣха не обераться", въ „боярскій дворъ ворота широки, а вонъ узки: закабаливаютъ", Царь же въ его глазахъ источникъ справедливости: „гдѣ Царь, тамъ и правда". Близость къ царю повышаетъ челоуѣка: „близъ царя — близъ чести."

Не вѣрять онъ въ силу челоуѣческаго разума въ дѣлахъ земныхъ: „одинъ дуракъ бросить камень, а десять умныхъ не вытащатъ". „Глупый погрѣшаетъ одинъ, а умный соблазняетъ многихъ". „Горе царству, которымъ владѣютъ многіе." Челоуѣкъ не можетъ строить общежитія, если не находится подъ дѣйствіемъ Высшей правды. „Кто не умѣетъ повиноваться, тотъ не умѣетъ и приказывать". „Кто самъ къ себѣ строгъ, того наставитъ царь и Богъ". Народъ хочетъ повиноваться тому челоуѣку, чья освященность подчиняетъ его нравственному идеалу: „Царь отъ Бога приставъ", „Царь Земной подъ Царемъ небеснымъ ходитъ", „Судъ царево, а правда Божія", „Сердце царево въ рукѣ Божьей", „Чего

Богъ не изволить, того и царь не изволить". „Царскій гнѣвъ и милость въ рукахъ Божіихъ". „Какъ безъ Бога свѣтъ не стоитъ, такъ безъ царя земля не правится". Реальность вѣры здѣсь въ Промыслъ Божій исповѣдуется самимъ дѣломъ; человекъ вѣритъ, что, сдѣлавши все для подчиненія волѣ Божьей, онъ не будетъ оставленъ Богомъ и въ своемъ политическомъ строительствѣ. „Государь батюшка, надежа, православный царь", говоритъ онъ. Для гуманиста — нехристианина даже непонятенъ этотъ языкъ.

Не породу, а санъ чтитъ народъ въ царѣ. Когда кончилась династія Рюриковичей, народъ подъ руководствомъ патріарха выбираетъ не наилучшаго родомъ Шуйскаго, а сравнительно съ нимъ худороднаго Годунова; онъ сводитъ съ царства лучшаго родомъ и умнаго Шуйскаго за то, что онъ избранъ боярами и далъ имъ запись на себя; онъ выбралъ новую династію изъ бояръ Романовыхъ, страдавшихъ при Годуновѣ, въ лицѣ сына Митрополита, идейно связывая ее черезъ свойство съ прежней династіей, просіявшей количествомъ прославленныхъ въ Церкви лицъ.

Когда кн. Пожарскій разсылалъ грамоты объ избраніи выборныхъ для совѣта „какъ намъ теперь безгосударнымъ быть", по его зову состоялся избирательный Соборъ 1613 г. Не представляя себѣ иной формы правленія, Соборъ видѣлъ въ себѣ не учредительную власть призванную дискуссировать о выборѣ формы правленія, а собраніе всѣхъ чиновъ Московскаго Государства, имѣющее сказать, кому быть выразителемъ народнаго духа и вершителемъ судебъ народа. Грамота по возможности устраняетъ даже наличность момента избирательнаго, зависящаго отъ народныхъ желаній, а старается установить преемство съ угасшей династіей. Перечисливъ всѣхъ великихъ князей и Царей до Владиміра Святого, она пишетъ: „всѣ едиными устами вопіяху, глаголюще, что быть на престолѣ отъ ихъ царскаго благороднаго корени родившемуся Михаилу Ѳеодоровичу Романову — Юрьеву." Государь мыслился духовнымъ преемникомъ строителей земли Русской, всѣхъ своихъ предшественниковъ, нынѣ призванныхъ ожить въ историческомъ нравственномъ преемствѣ новыхъ царей, освящаемыхъ благодатью Церкви.

Русскій народъ, чтущій инобытіе въ своемъ богослуженіи, въ своей сказкѣ о невѣдомомъ градѣ Китежѣ, въ своей могучей мистической музыкѣ, свѣтомъ этого инобытія озарилъ и свой верховный политическій принципъ.

IX.

ЗАВЕРШЕНІЕ ЗДАНІЯ ТРЕТЬЯГО РИМА ВВЕДЕНІЕМЪ ПАТРИАРШЕСТВА ВЪ РОССИИ.

Какъ мы упоминали, закончить зданіе Третьяго Рима удалось только сыну Грознаго Царю Θεодору. Апостольское 34 правило гласить: „Епископомъ всякаго народа подобаетъ знати перваго изъ нихъ и признавати его, яко Главу, и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія: творити же каждому только то, что касается до его епархіи и до мѣстъ къ ней принадлежащихъ. Но и первый ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ. Ибо тако будетъ единомысліе и прославится Богъ о Господѣ во Святомъ Духѣ, Отецъ и Сынъ и Святой Духъ.“ Правило это является основой каноническаго строя каждой помѣстной православной Церкви. И до введенія въ XVI вѣкѣ патріаршества въ Москвѣ былъ такимъ первосвятителемъ Московскій митрополитъ носившій свое званіе не въ качествѣ почетнаго титула (какъ въ Петербургскій періодъ), а, какъ рангъ, связанный съ рядомъ правъ по высшему руководству русской Церковью.

Но для восполненія „священной двоицы“ и возвышенія русской Церкви на подобающее ея дѣйствительному значенію во Вселенскѣй Церкви положеніе, недоставало сана патріарха. Только съ установленіемъ Патріаршества можно было считать законченнымъ преемственную передачу Византійскаго наслѣдія. И вотъ начались переговоры. Здѣсь не мѣсто подробно ихъ описывать, но покажемъ только, съ какой осторожностью и деликатностью подходитъ къ этому вопросу самодержавный монархъ, проникнутый сознаниемъ своихъ обязанностей къ Церкви. Мы возстановимъ

событіе по документамъ, изданнымъ въ 1858 г. Собственной Его Величества Канцеляріей.

Въ іюнѣ 1586 г. царь воспользовался пребываніемъ въ Москвѣ Антиохійскаго патріарха Іоакима и собралъ Совѣтъ Боярской Думы для разсужденія о томъ, чтобы возбудить вопросъ передъ пріѣхавшимъ патріархомъ объ устроении въ Россіи патріаршества. Бояринъ Годуновъ вступаетъ по уполномочію Царя въ переговоры съ патріархомъ и проситъ, чтобы желаніе Царя было поставлено имъ на обсужденіе со Вселенскимъ и всѣми остальными патріархами и Константинопольскимъ патриаршимъ Синодомъ, и проситъ патріарха сообщить Царю о результатахъ этого совѣщанія и о способѣ поставленія патріарха. Согласившись лично за себя на установленіе патріаршества, патріархъ заявляетъ, что такое великое дѣло можно учинить только по рѣшенію всѣхъ патріарховъ и Собора. Въ 1587 году въ Москвѣ узнали отъ нѣкоего грека Николая, что оба патріарха Антиохійскій и Константинопольскій посылали за Александрійскимъ и Іерусалимскимъ, чтобы сообща обсудить въ Константинополѣ Царское желаніе.

Въ іюлѣ 1588 года Константинопольскій патріархъ Іеремія пріѣхалъ въ Москву. Снова Царь собралъ совѣтъ изъ супруги и бояръ и возбудилъ вопросъ о приглашеніи пріѣхавшаго вселенскаго патріарха остаться у насъ и сдѣлать свою кафедру во Владимірѣ. Послѣ долгихъ переговоровъ патріархъ наотрѣзъ отказался устанавливать патріаршество вдали отъ Царя „ибо патріархъ всегда бываетъ при Царѣ;“ Государь тогда возбудилъ въ Боярской Думѣ вопросъ о томъ, чтобы просить Константинопольскаго патріарха поставить въ патріархи Московскаго митрополита и дать чинъ поставленія для руководства на всѣ будущія времена. На это патріархъ Іеремія согласился, и въ Январѣ 1589 года собрался Духовный Соборъ, которому Царь сообщилъ о согласіи восточныхъ патріарховъ установить въ Москвѣ патріаршество и о необходимости обсудить способъ его введенія. Соборъ предложилъ Царю выработать порядокъ установленія патріаршества, что Царь и сдѣлалъ. Выработанный имъ чинъ избранія и нареченія былъ одобренъ Духовнымъ Соборомъ и представленъ патріарху Іереміи, который его и ут-

вердиль. Въ назначенный день въ Успенскѣмъ Соборѣ собрался Духовный Соборъ во главѣ съ Константинопольскимъ патріархомъ. Этотъ Соборъ выбралъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ одного долженъ былъ окончательно выбрать Царь для поставленія въ патріархи.

Въ установленный день патріархъ Іеремія вмѣстѣ со всѣмъ Соборомъ поставили избраннаго и нареченнаго Іова, повторивъ надъ нимъ весь чинъ архіерейскаго посвященія (для сообщенія сугубой благодати). При поставленіи патріарха участвовалъ по чину и Царь. Патріархъ Іеремія вручилъ новопоставленному Іову посохъ, а Царь надѣвалъ на него золотую панатію и говорилъ рѣчь, въ которой указывалъ, что „Великій престолъ чудотворца Петра и патріаршества даются ему рукоположеніемъ и освященіемъ патріарха и святыхъ отецъ архіепископовъ и епископовъ нашего Самодержавнаго Царствія.“ Передъ поставленіемъ нареченный патріархъ исповѣдалъ православную вѣру передъ лицомъ патріарха и царя, сидѣвшихъ на амвонѣ въ полныхъ облаченіяхъ своего сана

Въ маѣ же 1590 года въ Москву была доставлена изъ Константинополя уложенная грамота за подписями патріарховъ Вселенскаго, Антіохійскаго, Іерусалимскаго и бывшихъ на Соборѣ 42 митрополитовъ, 19 архіепископовъ и 20 епископовъ объ установленіи въ Россіи патріаршества. Въ этой грамотѣ было сказано между прочимъ: „И смиреніе наше собственными очами видѣло и радовалось благодати, величеству и распространенію, данному отъ Бога сему царствію, ибо одинъ только на землѣ Царь великій и православный, и не пристойно было бы не учинить воли его; мы же, принявъ по разуму его, поставили на Москвѣ патріарха Іова именемъ и благодатью Божьей, дали ему хрисовулу патріаршую и произволили, да онъ архіепископъ Московскій властвуетъ, какъ пятый патріархъ и будетъ достоинствомъ и честью почитаться съ иными патріархами во вѣки. „Загѣмъ говорится о соборномъ установленіи патріаршества на всѣ будущія времена по постановленію всѣхъ патріарховъ и всего Вселенскаго Собора.

Такъ актами Восточныхъ патріарховъ, стараніями и заслугами Царя Грознаго и его сына Θεодора теорія III Рима нашла теперь осуществленіе въ Москвѣ, и рядомъ съ еди-

нымъ царемъ православнымъ стоялъ равноправный съ прочими патріархами патріархъ Московскій и всея Руси.

Отношеніе царя и патріарха вплоть до Петра I были построены на основаніи воспринятомъ изъ Византіи. Это было время расцвѣта церковныхъ Соборовъ и совмѣстной дѣятельности Царя съ Церковью, въ соотвѣтствіи съ Византійскими традиціями. Соборы созывались многократно (въ г. г. 1551, 1562, 1573, 1580, 1620, 1654, 1660, 1667, 1675 и пр.) либо съ предварительнаго согласія Царя, либо по его непосредственной инициативѣ (1551 и 1667); Царь на нихъ принималъ живѣйшее участіе, но акты соборные подписывались только членами Освященнаго Собора. Государственная власть придавала имъ силу государственнаго закона либо привѣшиваніемъ государственной печати (1503), либо просто въ концѣ соборнаго постановленія говорилось, что „Царь и Патріархъ приговорили“; постановленія Соборовъ назывались уложеніемъ Царскимъ и Святительскимъ или „Соборнымъ уложеніемъ“. Соборъ 1667 г. рѣшалъ какъ полномочный правитель и судья въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ съ участіемъ восточныхъ патріарховъ и разбиралъ спорное дѣло между патріархомъ и царемъ

Съ своей стороны Церковная власть принимала участіе во всѣхъ важнѣйшихъ и законодательныхъ, и правительственныхъ дѣлахъ государства, а въ смутное время въ лицѣ Патріарха Гермогена объединяла русскую землю, была оплотомъ противъ шатанія умовъ и центромъ національнаго самосознанія.

Х.

ВТОРЖЕНІЕ ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВЫХЪ И ПРОТЕСТАН-
СКИХЪ ПРИНЦИПОВЪ ВЪ ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ ГОСУДАР-
СТВА ПРИ ПЕТРЪ І. ЕГО ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА. УКАЗЪ
О ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІИ 5 ФЕВР. 1722 г. ЕГО ПОСЛѢДСТ-
ВІЯ ДЛЯ ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІЯ. БРАКИ СЪ ИНОСТРАН-
НЫМИ ПРИНЦЕССАМИ и ст. 185 Осн. Зак. изд. 1906 г.

Патріаршество существовало вплоть до Петра Перваго, когда онъ собственной государственной властью отмѣнилъ это учрежденіе и учредилъ на его мѣсто Св. Синодъ. Памятникомъ этого событія осталась въ Сводѣ Законовъ ст. 43 изд. 1857 г. (ст. 65 изд. 1906 г.), гласившая: „Въ управленіи Церковномъ Самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ Св. Синода, ею учрежденнаго“. Нынѣ съ возстановленіемъ Московскимъ Церковнымъ Соборомъ 1917-1918 г. каноническаго управленія въ Церкви на основѣ 34 апостольскаго правила,*) статья 65 я утрачиваетъ всякое значеніе. Даже съ возстановленіемъ Царской власти институтъ патріаршества, какъ установленный высшей Церковной властью Помѣстнаго Собора, является неприкосновеннымъ для высшей государственной власти. Церковные каноны, какъ акты церковной законодательной власти, и церковныя правила, лежащія въ основѣ устройства Церковнаго общества, какъ общества, имѣющаго свои нормы, выше даныя, и свои органы законодательства въ лицѣ богоучрежденной священной іерархіи,—являются той гранью, которая обязательна для самодержавнаго монарха въ силу принципа его власти.

Если при Петрѣ І могло произойти появленіе въ законодательствѣ началъ, чуждыхъ православію, то это ненор-

*) Возстановленіе это обязано преимущественно трудамъ и стараніямъ Высокопреосвященнаго Антонія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго на Московскомъ Церковномъ Соборѣ 1917 года.

мальное явленіе объясняется заимствованіемъ изъ лютеранскаго воззрѣнія на Церковь, т. е. изъ того источника, который совершенно неприемлемъ съ православной точки зрѣнія. Неприемлемость эта ясна уже изъ того, что православная Церковь въ недѣлю православія подвергаетъ анафемѣ на ряду съ отрицающими бытіе или духовное всесовершеннѣйшее Существо Божіе, Троичность Лицъ Божества, искупленіе человечества Сыномъ Божіимъ и рожденіе Его отъ Дѣвы Маріи, вмѣстѣ съ отвергающими безсмертіе души, также и тѣхъ, которые, какъ лютеране, не признаютъ семи таинствъ и священнаго преданія*). Между православіемъ — религіей благодатнаго освященія черезъ богоустановленную іерархію и стяжанія благодати черезъ подвигъ смиренія съ одной стороны, и протестантизмомъ — религіей деизма и индивидуалистическаго мистицизма, основанной на гордомъ возстаніи человѣческаго ума съ другой стороны, лежитъ глубочайшая пропасть.

На перемѣны, введенныя Петромъ, повліяли также и тѣ политико — философскія предпосылки, которыя лежали въ основѣ его взглядовъ на го ударственную власть. Эти взгляды объясняютъ и тотъ переворотъ, который онъ произвелъ въ Церковномъ устройствѣ, и тотъ переворотъ, который онъ произвелъ въ основанномъ на обычаяхъ въ Московскій періодъ порядкѣ престолонаслѣдія. Первая его революція въ Церкви ликвидирована полностью лишь на нашихъ глазахъ въ 1917 г. возстановленіемъ патріаршества; актъ же о престолонаслѣдіи 5 февр. 1722 г. былъ уничтоженъ Императоромъ Павломъ, который не только установилъ престолонаслѣдіе по закону, но и разработалъ его въ подробную систему по австрійскому образцу. Къ большому сожалѣнію мы не имѣемъ въ распоряженіи докторской диссертации проф. Верховскаго о Св. Синодѣ, защищенной имъ въ Московскомъ университетѣ въ 1917 году, гдѣ подробно изучена исторія учрежденія Св. Синода и приведена масса выписокъ изъ лютеранскихъ церковныхъ уставовъ (Kirchenordnungen) и изъ сочиненій нѣмецкихъ философовъ школы естественнаго права (изъ Пуффендорфа и другихъ), цѣликомъ внесенныхъ въ Духовный Регламентъ человѣкомъ не менѣе двухъ разъ-

*)Суворовъ. Курсъ Церк. права II. 204.

въ жизни перемѣнившимъ свое вѣроисповѣданіе, не имѣвшимъ твердыхъ православныхъ убѣжденій и склонявшимся къ лютеранству — Оеофаномъ Прокоповичемъ.

Революцію въ Церкви Петръ I произвелъ изъ политическихъ соображеній, какъ онъ повѣтствуетъ въ Духовномъ Регламентѣ. Ему казалось, что простой народъ, „не вѣдаетъ, какъ разнствууетъ власть духовная отъ власти самодержавной, но удивляемый великой честью и славой Высочайшаго пастыря, помышляетъ, что таковой правитель есть второй Государь, самодержцу равносильный или и большій, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство. Когда же народъ увидитъ, что Соборное правительство уставлено монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ, то пребудетъ въ кротости и потеряетъ надежду на помощь духовнаго чина въ бунтахъ“.

Фактически Петръ превратилъ Синодъ въ Государственное учрежденіе, установленное монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ. Учрежденный указомъ и пополняемый лицами, назначаемыми каждый разъ по специальному повелѣнію Государя на время, Синодъ становился высшимъ административнымъ органомъ Государя по духовнымъ дѣламъ. Наблюдательная сначала роль оберъ-прокурора уже въ 1824 г. превратилась въ управительную. Въ упомянутой книгѣ пр. Верховскаго подробно описано, какъ былъ учрежденъ Св. Синодъ, какъ Петръ далъ руководящую идею Оеофану Прокоповичу для составленія Регламента и для ея теоретическаго оправданія, какъ затѣмъ этотъ Регламентъ былъ представленъ всѣмъ архіереямъ по очереди и вынужденъ къ принятію большинствомъ ихъ путемъ всяческихъ угрозъ и насилій и затѣмъ подъ видомъ самостоятельнаго постановленія Русской Церкви, былъ посланъ на востокъ, гдѣ, считаясь съ уже совершившимся фактомъ, Синодъ былъ признанъ (кажется) двумя патріархами въ положеніи равночестнаго брата. Такимъ образомъ участіе Церковныхъ учреждений въ дѣлѣ установленія Синода было одной формальностью.

Петръ своей властью нарушилъ каноническое устройство церковнаго организма, не позволилъ выбрать патріарха и тѣмъ посягнулъ на 34 апост. правило — основу всяка-

го помѣстнаго Церковнаго Устройства. Въ Регламентѣ Петръ объявилъ себя крайнимъ судьей высшаго управленія Церкви, каковымъ его должны были признавать по присягѣ всѣ члены Синода. Эта присяга уничтожена была, помнится, лишь въ 1906 году. Въ сущности она противорѣчила принципу подчиненія самого монарха церковнымъ правиламъ, лежащимъ въ основѣ устройства всякой помѣстной церкви и существовавшимъ за много вѣковъ до появленія на исторической сценѣ русскаго государства.

Такое отношеніе къ церковнымъ канонамъ было возможно только при принятіи абсолютистской теоріи, въ силу которой монархъ является не представителемъ нравственнаго идеала православнаго народа, связаннымъ съ нимъ единствомъ міросозерцанія, а представителемъ его воли, ничѣмъ неограниченной.

Согласно этой теоріи, составленной по англійскому философу Гоббсу, въ вымышленномъ (фингируемомъ) договорѣ между россійскими подданными они отреклись вполнѣ отъ своей власти и въ государственныхъ, и церковныхъ дѣлахъ и передали ее монарху. Въ „Правдѣ воли монаршей“ — сочиненіи Θεοφана Прокоповича утверждается, что россійскіе подданные должны были вначалѣ заключить договоръ между собой, а затѣмъ народъ воли своей отрекся и отдалъ ее монарху. Послѣ этого государь можетъ повелѣть закономъ не только то, что до пользы народа относится, но и все то, что ему нравится, согласно ученія западныхъ легистовъ: *quod principi placuit, legis habet vigorem*. Это толкованіе нашей власти вошло въ офиціальныя акты, въ Полное Собраніе Законовъ въ т. VII за №4880; но, согласно общимъ принципамъ права, для насъ имѣютъ обязательное значеніе лишь нормы закона, а не теоріи законодателя, которыя могутъ давать и совершенно ошибочныя конструкціи. Приводимъ эту ссылку только какъ лишнее доказательство того источника, которымъ вдохновлялся Петръ при своемъ законодательствѣ.

Въ этомъ пониманіи государственной власти, государство, какъ въ античную эпоху, не знаетъ надъ собой никакой высшей силы, кромѣ во и своихъ верховныхъ органовъ, каковыя могутъ быть построены и на демократической

основѣ и на единоличной, если народъ делегировалъ всю власть одному человѣку. Изъ этой идеи выросла Римская Императорская власть, объединившая въ себѣ полномочія всѣхъ республиканскихъ магистратовъ; на то же понятіе безусловности власти опирался европейскій абсолютизмъ 17 вѣка; созданная имъ бюрократическая организація захватывала всѣ жизненныя функціи народа; опору же эта власть почерпала въ самой себѣ, какъ и современная демократія. Гоббсъ считалъ, что народъ создавшій такую власть, можетъ отречься отъ нея и за всѣ будущія поколѣнія; хотя власть монарха въ теоріи Гоббса — власть делегированная но, подобно власти народа, передаваемаго ее цѣликомъ монарху, неограничена. Когда такой строй называютъ монархическимъ, то здѣсь возможно смѣшеніе понятій, ибо власть монархическая — власть не делегированная, а верховная.

Въ понятіяхъ Петра I представленіе объ ограниченіи власти высшими нормами не укладывалось. Съ одной стороны онъ признавалъ основныя историческія начала русской верховной власти, признавая обязанности верховнаго защитника вѣры въ Духовномъ Регламентѣ, по примѣру державныхъ предковъ вѣнчался на царство, но въ то же время, въ смыслѣ пониманія пространства своей власти, онъ перешагнулъ тѣ границы, которыя вытекаютъ изъ самого принципа власти православнаго монарха. Не сознавая этихъ границъ, онъ совершилъ самочинную реформу Церкви, опираясь въ одной стороны на абсолютистскую теорію власти, а съ другой стороны, заимствуя изъ лютеранскихъ странъ и понятіе о Церкви, и порядокъ церковнаго устройства.

Это было возможно, разъ Государь признавалъ себя не монархомъ — носителемъ религіознаго идеала народа, а лишь „самовластнымъ властителемъ“, какъ онъ выражался въ Воинскихъ Артикулахъ, единственнымъ и независимымъ источникомъ правотворчества; его не стѣсняло и то подчиненіе обычаю дѣдовъ и отцовъ, которымъ проникнута была Московская эпоха. Принятіе Императорскаго титула само по себѣ не вносило никакихъ новыхъ идей въ понятіе царской власти, но возвышало международный рангъ государства, ставя русскаго царя въ междунар. сношеніяхъ наравнѣ съ Императоромъ Священной Римской Имперіи. Въ глазахъ

Петра I Церковь не была самодовлѣющимъ обществомъ, живущимъ по своимъ правиламъ, свѣше даннымъ и имѣющимъ свои органы правленія въ лицѣ іерархіи; по характеристикѣ Ю. Самарина, онъ въ фактѣ Церкви видѣлъ нѣсколько различныхъ явленій, никакъ не неразрывныхъ между собой: доктрину, къ которой онъ былъ равнодушенъ, и духовенство, которое онъ понималъ, какъ особый классъ государственныхъ чиновниковъ, которымъ государство поручило нравственное воспитаніе народа.

Нетрудно видѣть въ этомъ вліяніе протестантизма. По ученію Лютера, церковь есть общество духовное, обнаруживающееся во внѣ только въ собраніяхъ для проповѣди и совершенія богослуженія, не имѣющее никакой своей правовой организаціи; этому обществу не нуженъ видимый глава и видимое начальство; въ немъ нѣтъ учительнаго сана, полученнаго по преемству съ правомъ учительства и руководства; каждый въ мѣру своей вѣры можетъ проповѣдывать, но и эта единственная должность не связывается ни съ какими церковноправительственными правами. Когда же съ уничтоженіемъ епископской власти почувствовалась необходимость въ правовыхъ нормахъ для такого общества, то ихъ нашли въ общемъ источникѣ (по мнѣнію многихъ) всѣхъ правомочій, — въ государственной власти.

Своей государственной властью по этой теоріи Государь восполняетъ недостатокъ правительственныхъ полномочій проповѣдниковъ: свѣтскій представитель страны оказывается преемникомъ и представителемъ уничтоженной епископской власти; власть его — свѣтская, но примѣненная въ области церковныхъ отношеній; какъ *praecipium membrum ecclesiae*, государь занимаетъ привилегированное положеніе въ общинѣ; органъ свѣтской власти совмѣстно съ представителями пастырскихъ полномочій управляетъ протестантской общиной. Эта теорія господствовала до конца 17 вѣка.

Въ 18 вѣкѣ была установлена территоріальная система отношеній государства къ религіознымъ обществамъ, развившаяся изъ началъ естественнаго права. На государя какъ выразителя воли государства, договоромъ переносились всѣ права власти, въ томъ числѣ и церковная власть. Въ этой теоріи власть управлять церковными дѣлами принадлежитъ

главъ государства, даже независимо отъ его вѣроисповѣданія; онъ управляетъ здѣсь общиной не въ силу принадлежности къ ней, какъ въ епископальной теоріи, а просто какъ представитель государства. Здѣсь исчезаетъ даже различіе между управленіемъ духовнымъ и свѣтскимъ, которое еще наблюдается въ епископальной теоріи; государство полно-властно въ дѣлахъ общины: соотвѣтственно этому и члены Синода приносятъ клятву, признавая Государя крайнимъ судіей. На практикѣ во всѣхъ протестанскихъ странахъ Государь управляетъ дѣлами общины что вполне соотвѣтствуетъ протестанскому ученію о Церкви, какъ обществѣ чистго духовномъ, не нуждающемся въ правовой организаціи, противной, по Лютеру, самому существу Церкви.

Если протестантское ученіе предоставляетъ правотворчество въ Церкви Монарху, то оно дѣлаетъ это по неимѣнію епископской власти; тамъ же, гдѣ она въ силу церковнаго устройства существуетъ, Государь не можетъ становиться на ея мѣсто. Между тѣмъ уже при самомъ учрежденіи Синода Государственная власть совершила самочинное устраненіе высшаго церковнаго органа — патріарха и создавала новое учрежденіе, заимствуя его организацію въ значительной мѣрѣ изъ инославныхъ источниковъ. Синоду правда, было предоставлено право въ мѣру надобности дополнить Духовной Регламентъ съ царскаго соизволенія, такъ что мысль о Синодѣ, какъ органѣ церковнаго законодательства не была вовсе утеряна; не была утеряна и мысль о Церкви какъ особомъ обществѣ, ибо Правила Церкви при знавались; тѣмъ не менѣе по сравненію съ Московскимъ періодомъ произошла огромная перемѣна. Если и въ патріаршій періодъ соборныя постановленія утверждались государственной властью, то это дѣлалось для сообщенія имъ лишь санкціи и защиты со стороны государственнаго закона: теперь же Синодъ составлялъ только проекты постановленій, которыя получали силу лишь послѣ утвержденія ихъ въ порядкѣ обычномъ для свѣтскихъ законовъ.

Государственныя постановленія теперь вторгались въ церковную сферу, не считаясь съ правомъ церковнымъ. Развѣ можно было представить въ Византіи или въ до Петровской Руси, чтобы государственныя учрежденія, имѣвшія

въ своемъ составѣ лицъ другихъ исповѣданій, участвовали въ изданіи православныхъ церковныхъ законовъ. А въ послѣ Петровской Россіи это было, на примѣръ, при подчиненіи Синода Верховному Тайному Совѣту.*) По логикѣ территоріальной теоріи Синодъ былъ приравненъ къ государственнымъ учрежденіямъ, вѣдалъ при Петрѣ всѣми инославными исповѣданіями не только христіанскими, какъ католическое и протестантское, но и еврейскимъ, и не только въ порядкѣ надзора, но и управленія, вѣдалъ постройки храмовъ, назначалъ пасторовъ, ксендзовъ и проч. Индифферентизмъ религіозный шелъ дальше; 18 авг. 1721 г.**) было разрѣшено членамъ Царской фамиліи вступать въ бракъ съ иновѣрными, и не было принято никакихъ мѣръ противъ того, чтобы въ самую нѣдра Царской семьи, въ среду лицъ, призываемыхъ къ престолонаслѣдію, вносилась культура и не русская и неправославная; при такихъ обстоятельствахъ монархія могла бы постепенно утратить тѣ черты, которыя ее дѣлали національнымъ учрежденіемъ, и сдѣлаться достояніемъ лицъ, не соотвѣтствовавшихъ своему назначенію — быть выразителями народнаго міросозерцанія и религіознаго вѣрованія, къ то въ дѣйствительности и бывало послѣ Петра вплоть до того времени, когда Императоръ Павелъ реставрировалъ православный Самодержавный монархическій принципъ установленіемъ наслѣдованія по закону и установленіемъ принципа православія, какъ господствующей религіи (Актъ 18 марта 1797 г.***)

Только полнымъ забвеніемъ царскаго сана не только какъ высшей государственной власти, но и какъ церковнаго чина, можно объяснить невѣроятный съ русской православной точки зрѣнія фактъ, что по приказу самого Петра I отъ 19 апр. 1711 г. царевичъ Алексѣй Петровичъ единственный преемникъ по мужской линіи вступилъ въ бракъ съ принцессой Шарлоттой Брауншвейгъ Люнебургъ Вольфенбюттельской евангелическаго вѣроисповѣданія 14 окт. 1711 г.

*) И позже въ изданіи Церков. Законовъ принималъ участіе Комитетъ Министровъ.

**) Эту дату я цитирую на основ. ст. 184 Осн. Зак., имѣющей указаніе на этотъ актъ, какъ на свою основу.

***) На него ссылается ст. 62 Осн. Зак., изд. 1906 г.

причемъ она сохранила его и въ бракѣ по особому договору. Сынъ отъ этого брака, правда, согласно договора, воспитанный въ православіи, Петръ Алексѣевичъ II, — опять единственный представитель рода по мужской линіи, оказался на престолѣ, несмотря на происхождение отъ матери — лютеранки. Такимъ образомъ оказывалось, что онъ, какъ царь, носилъ священный чинъ въ Церкви, а исповѣданіе его матери подвергалось ежегодной анаѣмѣ со стороны Церкви въ недѣлю православія !

Этимъ недопустимымъ по отношенію къ столько же государственному, сколько и церковному учрежденію, религіознымъ индифферентизмомъ и объясняется то, что въ ту эпоху не принималось рѣшительно никакихъ мѣръ къ тому, чтобы кандидаты на престолъ могли отвѣчать своему главному назначенію — быть истинными выразителями народнаго вѣрованія и совершителями подвига вѣры православной.

Міровоззрѣніе Петра, заимствованное изъ нѣмецкой школы естественнаго права черезъ Теофана Прокоповича, не замедлило сказаться не только въ колебаніи перваго основнаго устоя самодержавной монархіи — ея органической связанности съ Церковью, но и на потрясеніи втораго ея устоя — правилахъ престолонаслѣдія, въ основу которыхъ положенъ былъ не обычай и не писанный законъ, а усмотрѣніе царствующаго Государя. Разъ воспринято было воззрѣніе, что вся полнота власти передана народомъ монарху, и послѣдній не знаетъ никакихъ обязательныхъ для себя правилъ, и только его воля создаетъ законъ, то можно было сдѣлать выводъ, что и въ вопросахъ престолонаслѣдія главную роль можетъ играть царствующій Государь.

Теофанъ Прокоповичъ выводилъ въ „Правдѣ воли монаршей“ завѣщательное право Государя изъ обязанности монарха по отношенію къ подданнымъ. „Царь долженъ содержать своихъ подданныхъ въ безпечаліи и промыслять имъ всякое лучшее наставленіе, какъ къ благодати, такъ и къ честному жительству. А если о добрѣ общемъ народа себѣ подданнаго толико пещись долженъ самодержецъ, то како не долженъ есть прилежно смотрѣть, дабы по немъ наслѣдникъ былъ добрый, бодрый, искусный и толковый, который бы паче доброе отечества состояніе не только со-

хранилъ въ цѣлости, но и паче бы утвердилъ и укрѣпилъ“ А въ уставѣ о престолонаслѣдіи 5 февр. 1722 года „наслѣдство старшимъ сыномъ, которое было въ Московскую эпоху названо „недобрымъ обычаемъ“ и постановлено, „дабы сіе всегда было въ волѣ правительствующаго Государя, кому оный хочетъ, тому и опредѣлить наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнить, дабы дѣти и потомки не впади въ такую злость, какъ выше писано, имѣя узду на себѣ.“

Извѣстно, что съ установленіемъ новой династіи послѣ Михаила Ѳеодоровича вступилъ его единственный въ моментъ смерти сынъ Алексѣй при поддержкѣ Земскаго Собора, утвердившаго его власть, перешедшую соотвѣтственно давнему Московскому обычаю, къ нисходящему потомку мужского пола; послѣ Алексѣя Михайловича вступилъ его старшій сынъ Ѳеодоръ по праву первородства, а послѣ него, въ силу того же права, за его бездѣтностью, долженъ былъ вступить слѣдующій за нимъ братъ Іоаннъ. Однако въ виду его болѣзненности и явныхъ дарованій младшаго брата Петра, патріархъ, духовенство и Дума рѣшили отступить отъ обычнаго порядка престолонаслѣдія и выбрать Петра. Въ виду же возможныхъ волненій рѣшено было потомъ привлечь и Іоанна къ совмѣстному царствованію съ предоставленіемъ правительства ихъ сестрѣ Софіи. Она и оставалась въ управленіи до 1689 г., послѣ же смерти въ 1696 г. Іоанна Петръ остался единодержавнымъ. Такимъ образомъ при сомнѣніи въ пригодности кандидата по праву первородства рѣшили прибѣгнуть къ опросу всѣхъ чиновъ Московскаго государства, не видя въ принципѣ первородства принципа абсолютной безусловности. Петръ своимъ указомъ 5 февр. 1722 г. поставилъ престолонаслѣдіе на усмотрѣніе Царствующаго Государя и вовсе не предусматривалъ случая, когда почему либо такого распоряженія не окажется.

Плоды его пониманія власти, заимствованной отъ Гоббса и Пуффендорфа сказались въ полной неопредѣленности и случайности въ преемствѣ престола, продолжавшейся вплоть до воцаренія Императора Павла, и въ полной безпринципности относительно вѣроисповѣдныхъ требованій, которымъ должны удовлетворять лица, могущія наслѣдовать престолъ. Отсутствіе мужскихъ линій (со смертью Петра II

мужскія линіи Дома Романовыхъ кончились) содѣйствовало еще болѣе тому, что престолъ оказался игрушкой въ рукахъ партій оставашагося женскаго поколѣнія Петра и Іоанна и ихъ потомковъ и женъ государей, когда на ряду съ волей предшествовавшаго Государя конкурирующимъ началомъ при занятіи престола явилась и наличность лѣвкисти въ составленіи при помощи гвардіи дворцовыхъ переворотовъ.

Ждать соблюденія вообще какихъ бы то ни было принциповъ при такихъ обстоятельствахъ довольно трудно, а, разъ воля царствующаго Государя вообще была признана за единственный, ничѣмъ неограниченный источникъ полномочій его преемника, то могла утратиться всякая преемственность идей особенно при неоставленіи имъ завѣщательнаго распоряженія. Печальнымъ послѣдствіемъ указа 5 фев. 1722 г. являются постоянныя замѣшательства при открытіи престолонаслѣдія.

Иллюстраціей полной безпринципности въ преемствѣ престола, а также полной безпринципности въ отношеніи лицъ его занимающихъ, особенно, усугублявшимися отсутствіемъ мужскихъ линій, является исторія преемства престола отъ Петра до воцаренія Павла.

Самъ Петръ не назначилъ себѣ преемника, но при жизни имъ была коронована его жена Екатерина Алексѣевна. Этимъ воспользовались Синодъ, Сенатъ и Генералитетъ и выбрали ее на престолъ, минуя сына Алексѣя Петровича Петра, который, по прежнему обычаю, какъ единственный мужской потомокъ, черезъ отца связанный съ предшественникомъ, и долженъ былъ зянуть престолъ. Но онъ вступилъ на престолъ позже въ силу завѣщанія Екатерины I, которая назначила, въ случаѣ его бездѣтной кончины, наслѣдницей дочь Анну Петровну съ потомствомъ, а, въ случаѣ отсутствія такого потомства, вторую дочь Елисавету Петровну. Но Всемогушій Верховный Тайный Совѣтъ рѣшилъ иначе и выбралъ на царство герцогиню Курляндскую Анну Іоанновну, дочь Іоанна, какъ будто никакого завѣщанія Екатерины I и не было. Послѣ ея смерти престолъ перешелъ по завѣщанію Анны Іоанновны къ Іоанну Антоновичу, сыну ея племянницы Анны Леопольдовны, дочери Екатерины Іоанновны (дочери Іоанна брата Петра) Мекленбургъ-Шверинской, и бывшей замужемъ за герцогомъ Бра-

уншвейгъ Люнебургскимъ; вслѣдствіе малолѣтства Императора регентами были сначала Биронъ, а потомъ мать Императора Анна Леопольдовна. Затѣмъ дочь Петра I Елисавета арестовала Императора и его родителей и заняла престолъ. Въ своемъ манифестѣ она ссылалась на завѣщаніе Екатерины I и кромѣ того, говорила о своемъ законномъ правѣ на престолъ, „какъ ближней по крови къ нашимъ вседражайшимъ родителямъ“; въ томъ же манифестѣ она объявила наслѣдникомъ престола своего племянника Петра, сына Анны Петровны Голштинской, „яко по крови ближайшаго къ Императрицѣ“ и Петръ III, вступая на престолъ, объявлялъ, что вступаетъ на „престолъ, ему, какъ, существу наслѣднику по правамъ, преимуществамъ и узаконеніемъ принадлежащій.“

Мысль о томъ, что основаніе къ престолу даетъ кровь, не вполне исчезла и въ это время, но не она была дѣйственнымъ юридическимъ принципомъ. Въ присягѣ Петру III подчеркивалось не его законное по крови право, а принципъ завѣщательный: присягали Императору Петру Ѳеодоровичу и по немъ „по Высочайшей его волѣ избираемымъ и опредѣляемымъ наслѣдникамъ“. Екатерина II вступила на престолъ посредствомъ переворота. Такимъ образомъ, если въ силу завѣщанія вступали на престолъ Екатерина I (это можно признать съ натяжкой, ибо коронованіе не есть распоряженіе на случай смерти), Петръ II, Іоаннъ Антоновичъ, Петръ III, то Анна Іоанновна, Елисавета Петровна и Екатерина II вступали въ силу переворота. Хотя Елисавета Петровна была указана въ завѣщаніи Екатерины I, но для нея Екатерина I не была послѣднецарствовавшей Государыней; и наконецъ, по тому же завѣщанію раньше ея слѣдовать должны были Анна Петровна съ потомствомъ. Сама Екатерина II, хотя назначила сначала наслѣдникомъ сына Павла, но потомъ хотѣла отмѣнить это распоряженіе въ пользу внука Александра, но не успѣла этого привести въ исполненіе.

Прекращеніе агнатовъ (мужчинъ черезъ мужчинъ связанныхъ по крови съ родоначальникомъ) въ домѣ Романовыхъ со смертью Петра II было причиной того, что престолъ, перейдя въ женскія поколѣнія, оказывался попеременно во власти разныхъ фамилій, чѣмъ уничтожалась всякая преемственность идей въ управленіи государствомъ. Помимо

дочери Петра Елисаветы и дочери Іоанна Анны, Герцогини Курляндской, на престолѣ была фамилія Брауншвейнъ Люнебургская при управленіи герцогини Мекленбургъ — Шверинской, затѣмъ фамилія Ангальтъ Цербсткая въ лицѣ Екатерины II, пока, наконецъ, представитель Голштинской линіи Павелъ I, связанный по женской линіи черезъ мать своего отца Анну Петровну съ династіей Романовыхъ, не установилъ порядокъ престолонаслѣдія, во первыхъ поставленный выше воли царствующаго Государя, а во вторыхъ устраняющій изъ основного порядка престолонаслѣдія женщинъ и потомство, черезъ женщинъ связанное по крови съ родоначальникомъ (когнатовъ). Согласно австрійскому образцу, онъ отнесъ когнатское престолонаслѣдіе въ субсидіарный порядокъ, который наступаетъ лишь за отсутствіемъ наличности агнатовъ (мужского поколѣнія сыновей Императора.)

Когда г. Корево (на стр. 75) приводитъ въ доказательство того, что происхожденіе отъ родителей иновѣрцевъ не мѣшаетъ занимать престола, факты царствованія Іоанна Антоновича (его отецъ былъ протестантъ) и Петра III (онъ въ качествѣ наслѣдника Шведскаго престола былъ воспитанъ въ лютеранствѣ и перешелъ въ православіе въ день объявленія его Императрицей Елисаветой наслѣдникомъ престола), то его примѣры недоказательны. Именно въ устраненіе всѣхъ тѣхъ нежелательныхъ явленій и произвелъ реформу Императоръ Павелъ. Неопредѣленность въ преемствѣ престола при опредѣленіи его волей cadaго царствующаго Государя побудила его установить преемство по системѣ, закономъ разработанной, а невозможность сохранить необходимую для династіи культурную преемственность при наслѣдованіи женскихъ поколѣній побудила его издать законъ о допущеніи женскихъ поколѣній лишь при пресѣченіи всего мужского поколѣнія сыновей Императора, то есть агнатовъ, съ тѣмъ однако, чтобы наслѣдованіе, перейдя къ женскому лицу, снова происходило съ предпочтеніемъ лица мужского женскому и при непремѣнномъ условіи принятія православія какъ самимъ лицомъ, до котораго дошелъ престолъ, такъ и слѣдующимъ за нимъ наслѣдникомъ престола.

И въ то безпринципное въ вѣроисповѣдномъ отношеніи время установленнымъ началомъ считалось не только, что Императоръ можетъ исповѣдывать только православную

вѣру, но, при предполагавшихся бракосочетаніяхъ лицъ мужского пола Императорскаго Дома съ иностранными принцессами, послѣднія обычно принимали православіе до бракосочетанія. Такъ поступали и до введенія Императоромъ Павломъ Учрежденія Императорской фамиліи первые представители мужского поколѣнія новаго Голштинскаго Дома: царицы Петръ III и Павелъ, вступавшіе въ бракъ до открытія престолонаслѣдія. И принцесса Ангальтъ Цербтская приняла православіе 25 авг. 1745 г. до брака съ царевичемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ съ нареченіемъ Екатериной Алексѣевной. Также поступила и первая невѣста Цесаревича Павла принцесса Вильгельмина Гессенъ Дармштадтская, въ православіи Наталья Алексѣевна, повѣнчанная съ нимъ 29 сент. 1773 г., и вторая его невѣста принцесса Вюртембергская Софія Доротея, въ православіи Марія Ѳеодоровна, повѣнчанная 26 сент. 1776 года.

Также вел. князь Александръ Павловичъ женился на принцессѣ Баденской, въ православіи Елисаветъ Алексѣевна послѣ принятія ею православія, какъ значится въ манифестѣ Екатерины II отъ 10 мая 1793 г.; о томъ же свидѣлствуетъ ея манифестъ объ обрученіи 3 февраля 1796 г. вел. князя Константина Павловича съ принцессой Саксенъ Зальфельдъ Кобургской. Правило о необходимости принятія православія до бракосочетанія съ русскими князьями Императорскаго Дома настолько было общимъ правосознаніемъ, что во время путешествій великаго князя Павла по нѣмецкимъ дворамъ передъ женитьбой, никому изъ возможныхъ его невѣстъ и родителей ихъ при семейныхъ обсужденияхъ и въ голову не приходила мысль о возможности оставаться при своемъ вѣроисповѣданіи при выходѣ замужъ за него.*)

Учрежденіе объ Императорской фамиліи ничего объ этомъ правилѣ не говоритъ; это правило тогда не было основано на писаномъ законѣ, но его почти можно было считать нормой общаго права. Также передъ бракосочетаніемъ вел. кн. Николая Павловича его невѣста, принцесса

*) Также Екатерина II передъ женитьбой Александра I требовала отъ своего посла въ Баденъ гр. Румянцова изслѣдовать предварительн., какъ отнесется Герцогъ Баденскій къ переѣзду вѣроисповѣданію своей дочери, если на нее падеть выборъ ея внука.

Прусская Шарлотта, согласно опредѣленному требованію Императора Александра I, приняла православіе до брака и была наречена Александрой Ѳеодоровной; Вюртембергская принцесса Шарлотта, въ православіи Елена Павловна, принимала православіе до брака съ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ. Первымъ неисполненіемъ этого обычая со времени воцаренія Голштинскаго Дома и даже со временъ Петра I (цес. Алексѣй Петровичъ) былъ второй бракъ вел. кн. Константина Павловича съ польской графиней Юоанной Грудзинской 13 мая 1820 года.

Игнорированіе имъ обычая можетъ быть объяснено отчасти и тѣмъ, что вел. кн. Константинъ Павловичъ въ теченіе 20 лѣтъ неоднократно высказывалъ, что онъ ни при какихъ обстоятельствахъ на престолъ не вступить; а Императоръ Николай Павловичъ въ своихъ запискахъ*) приводитъ слова Государя Александра I, сказавшаго ему, что „вел. кн. Константинъ, будучи однихъ съ нимъ лѣтъ и въ тѣхъ же семейныхъ обстоятельствахъ, имѣлъ природное отвращеніе къ сему мѣсту и рѣшительно не хочетъ наследовать на престолъ.“ Вел. кн. Константинъ подтвердилъ впослѣдствіи отреченіемъ своимъ отъ престола, несмотря на уже принесенную ему по всей Россіи присягу, что таково было его давнее убѣжденіе, которое освобождало его отъ всякихъ ограниченій въ личной жизни, сопутствующихъ жизни возможнаго кандидата на престолъ.

Однако, быть можетъ, его дѣйствія и были побудительной причиной къ внесенію ясности въ юридическое положеніе, и уже при первомъ изданіи Свода Законовъ въ 1832 г. Императоръ Николай I формально запретилъ лицамъ мужского пола Импер. Дома, могущимъ имѣть право на наследованіе престола, браки съ особами другой вѣры до воспріятія ими православной вѣры. Статья эта 142 (185 изд. 1906 г.) гласитъ: „Бракъ мужского лица Императорскаго Дома, могущаго имѣть право на наследованіе престола, съ особою другой вѣры, совершается не иначе, какъ по воспріятіи ею православнаго исповѣданія (40).“

„Позже мы будемъ говорить о спорахъ при толкованіи этой статьи, а теперь обращаемъ вниманіе читателя, что за-

*) Шильдеръ, Николай I, т. I, стр. 122.

конодатель употребилъ выраженіе „могущій имѣть право на наслѣдованіе престола“, а не выраженіе статьи 15 (37 изд. 1906) „имѣющій на престолъ право“, то есть разумѣль всякое мужское лицо Императорскаго Дома (агната), могущее оказаться престолонаслѣдникомъ, а не только уже состоящее престолонаслѣдникомъ.

Цѣль статьи этой, введенной Императоромъ Николаемъ I, совершенно ясна — обезпечить престолонаслѣдіе отъ лицъ, могущихъ по своему воспитанію не соотвѣтствовать основному требованію для монарха — представлять интимнѣйшее нравственное и культурное единство съ своимъ народомъ. Такимъ требованіемъ является въ глазахъ закона происхождение отъ православныхъ родителей и женитьба на православною.

Законъ не можетъ вникать во внутреннее настроеніе чловѣка, но устанавливаетъ, какъ минимумъ, внѣшній признакъ, по которому лицо можетъ считаться соотвѣтствующимъ тѣмъ или инымъ требованіямъ. Въ данномъ случаѣ критеріемъ надлежащей внутренней готовности къ воспріятію православія онъ устанавливаетъ моментъ его официальнаго принятія со стороны принцессы, выходящей замужъ за лицо Императорскаго дома. Если принцесса оставляетъ свое исповѣданіе и принимаетъ православіе до брака, законъ можетъ предполагать, что она уже доказала этимъ готовность воспріять новую для нея культуру и, слѣдовательно, можетъ воспитывать и потомство свое въ духѣ православной культуры; если же до брака она не приняла православія, то тѣмъ самымъ она не показала готовности внутренне и культурно слиться съ принявшей ее страной и потому не можетъ предполагаться въ роли надлежащей воспитательницы лицъ, могущихъ наслѣдовать престолъ въ соотвѣтствіи съ ихъ священной задачей, и бракъ ея является лишь дѣломъ личной жизни.

Та же мысль относится и къ лицу мужскаго пола; если онъ не добился перехода своей невесты въ православіе до бракосочетанія, то слѣдовательно, онъ индифферентенъ къ вопросамъ вѣры, что недопустимо для лица, принимающаго священный санъ царя: значить онъ дѣло личной жизни поставилъ выше безраздѣльной готовности принадлежать идеѣ, служить выразителемъ національно — религіозныхъ идеаловъ своего народа.

Что именно такъ думалъ самъ законодатель, вытекаетъ изъ того, что

1) во первыхъ, эта статья имѣетъ въ скобкахъ указаніе на ст. 40 (62 изд. 1906 г.), то есть внутренно связывается съ этой статьей, гласящей, что первенствующая и господствующая въ Россійской Имперіи вѣра есть православная, каѳолическая восточнаго исповѣданія.

2) во вторыхъ, подъ статьей приводится ссылка на указъ 5 апр. 1797 г. за № 17910. Въ этомъ актѣ, хотя нѣтъ соотвѣтствующаго буквального постановленія, но говорится, что Государь Россійскій есть глава Церкви: такимъ образомъ, самъ законодатель вторично связываетъ свое требованіе съ положеніемъ Государя въ Церкви.

3) Въ третьихъ, самъ законодатель поясняетъ. въ какомъ смыслѣ онъ называетъ Государя Главой Церкви въ ст. 42 (64 по изд. 1906 г.), именно какъ верховнаго защитника и хранителя догматовъ Господствующей вѣры и блюстителя правовѣрія и всякаго въ Святой Церкви благочинія. Это положеніе Государь занимаетъ по отношенію къ Церкви въ силу своего рукоположенія и миропомазанія. Во время этого рукоположенія на него низводится благодать, какъ видно изъ читаемой молитвы надъ нимъ, какъ для управленія государствомъ, такъ и для несенія обязанностей передъ Церковью.

4) Какъ мы увидимъ ближе при разсмотрѣніи священнаго коронованія и миропомазанія, Государь является лицомъ съ особымъ священнымъ чиномъ и потому долженъ быть къ тому надлежаще подготовленъ всѣмъ своимъ воспитаніемъ. Удостовереніемъ этого является его происхожденіе отъ православныхъ родителей, женитьба на особѣ принявшей православіе до брака и торжественное чтеніе символа вѣры въ слухъ всего народа, предшествующее его рукоположенію.

5) Подъ ст. 142 изд. 1842 года имѣется еще ссылка на Высочайше утвержденное заключеніе св. Синода отъ 24 апр. 1841 года.

Намъ, въ условіяхъ эмиграціи, нѣтъ возможности имѣть его въ распоряженіи, и приходится удовольствоваться тѣмъ, что о ней говоритъ пр. Коркуновъ,*) очевидно, ее видѣвшій

*) Курсъ русскаго госуд. прав. т. I. 217 стр.

при составленіи своего курса. Вотъ что онъ пишетъ: „подъ ст. 63. Учрежд. Импер. Фамиліи, содержащей это правило, бывшей первоначально ст. 142 Осн. Зак. приведена ссылка на Актъ 5 апр. 1797 г., но въ немъ указаннаго правила вовсе не содержится. При составленіи второго изданія Свода Законовъ въ 1842 г., несоотвѣтствіе такой ссылки было, очевидно, замѣчено, и потому было испрошено Высоч. утвержденное заключеніе Св. Синода, указанное затѣмъ, какъ источникъ ст. 142-й и кромѣ того, сдѣлана ссылка на ст. 40 Осн. Зак., постановляющую что, Государь не можетъ исповѣдывать иной вѣры, кромѣ православной.“

Что касается указанія пр. Коркунова, что въ актѣ 5 апр. 1797 года нѣтъ такого постановленія, то мы знаемъ, что въ немъ однако есть указаніе на Императора, какъ на Главу Церкви, и потому законодатель былъ въ правѣ ссылаться на этотъ актъ по внутренней связи ст. 142-й съ постановленіемъ акта 5 апр. 1797 г. № 17910, какъ могъ ссылаться и на ст. 40 въ силу той же внутренней ихъ связи. Такъ какъ требованіе ст. 142-й тѣсно связано съ положеніемъ Императора, какъ церковнаго чина, то мы готовы допустить, что въ 1841 г. обратились къ Св. Синоду, какъ къ церковной законодательной власти. Въ церковныхъ правилахъ мы можемъ найти и нѣкоторую аналогію ст. 142-й: такъ 36-е постановление Карѣагенскаго собора требуетъ, чтобы рукоположеніе въ діаконство не раньше допускалось, чѣмъ рукополагаемый докажетъ, что онъ всѣхъ членовъ своей семьи привелъ въ православіе. Хотя это постановленіе относится къ другому совершенно случаю, но преслѣдуетъ ту же цѣль — имѣть доказательства соотвѣтствующей внутренней настроенности лица и соотвѣтствія его житейскихъ отношеній съ высотой аспирируемаго сана.

Вотъ почему и агнаты, не соотвѣтствующіе требованіямъ ст. 142-й, именно, или женатые на особахъ иной вѣры, не принявшихъ до брака православіе, или происходящіе отъ родителей, изъ коихъ хотя бы одинъ неправославный, являются въ глазахъ закона, не отвѣчающими требованіямъ престолонаслѣдія, установленнымъ для агнатовъ, и должны призываться въ томъ порядкѣ престолонаслѣдія, который установленъ, какъ субсидіарный. Основной порядокъ престолонаслѣдія (агнатскій) именно и созданъ для того, чтобы ли-

ца, могущія наследовать престолъ, могли отвѣчать основному требованію монарха — быть неразрывной частью своего народа и словомъ и дѣломъ исповѣдывать тотъ идеаль, изъ нѣдръ котораго создалась сама царская власть. Она была выращена исторіей русскаго народа и облеклась въ Византійской Церкви въ священныя одежды, и санъ ея священный не можетъ не предъявлять тѣхъ минимальныхъ требованій, которыя ставятъ и Церковный и Государственный законъ для соотвѣтствія съ саномъ извѣстныхъ объективныхъ данныхъ въ томъ, кто именуется верховнымъ защитникомъ и блюстителемъ правовѣрія.

XI.

УКАЗЪ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА О ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІИ
5 АПР. 1797 ГОДА И УЧРЕЖДЕНІЕ ОБЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ
ФАМИЛІИ ТОГО ЖЕ ЧИСЛА.

Для насъ съ именемъ Императора Павла связывается неразрывно его величайшая заслуга передъ русской исторіей по прекращенію того неопредѣленнаго положенія, въ которомъ оказывался Русскій Императорскій Престолъ при каждой перемѣнѣ царствованія и при постоянныхъ переворотахъ и захватахъ верховной власти послѣ Петра I въ результатъ его законодательства. Если Императора Александра II справедливо прославляютъ за сравнительно безболѣзненно проведенную реформу освобожденія крестьянъ, то нельзя не отдать должной дани и Императору Павлу за то, что онъ избавилъ все послѣдующее время отъ неопредѣленности въ преемствѣ престола.

Съ отмѣной Петровскаго указа 5 февр. 1722 года онъ сдѣлалъ монархію тѣмъ выше воли человека стоящимъ учрежденіемъ, которое соотвѣтствуетъ ея идеѣ — быть выразительницей неизмѣннаго религіознаго идеала, выращеннаго православнымъ народомъ. Неизмѣнности этого идеала соотвѣтствуетъ и непоколебимость правъ, регулирующихъ порядокъ преемства верховной власти. Тѣ нареканія, которыя справедливо обращаются особенно къ послѣднимъ годамъ жизни Павла I, когда онъ утратилъ обдуманность и уравновѣшенность въ проявленіяхъ своей воли и характера,

обнаруживавшими уже прямое психическое разстройство, едва ли способны уменьшить его заслуги по установленію законнаго престолонаслѣдія, одного изъ краеугольныхъ камней монархіи. Чуть не три вѣка Римская Имперія билась надъ этимъ вопросомъ: одно это показываетъ, какъ важенъ этотъ вопросъ для государства.

Любовь къ законности была одной изъ яркихъ чертъ въ характерѣ цесаревича Павла, въ ту пору его жизни. Умный, вдумчивый, впечатлительный, какъ его описываютъ иные біографы,*) цесаревичъ Павелъ, въ своей вынужденной до вступленія на престолъ и тягостной бездѣтельности, показалъ примѣръ абсолютной лояльности по отношенію къ виновницѣ своего удаленія отъ жизни. До 43 лѣтъ онъ находился подъ незаслуженнымъ подозрѣніемъ со стороны Императрицы матери въ покушеніяхъ на власть, которая ему по праву принадлежала больше, чѣмъ самой Императрицѣ матери, вступившей на престолъ цѣною жизни двухъ Императоровъ (Іоанна Антоновича и Петра III). Устраненный отъ всякой активной дѣятельности Императрицей изъ боязни заговора, окруженный клеветниками, шпіонами, лжецами, предателями, цесаревичъ уединялся среди своихъ интимныхъ друзей и много времени посвящалъ размышленіямъ о государственныхъ дѣлахъ. Чувство отвращенія къ государственнымъ переворотамъ и чувство законности было однимъ изъ основныхъ стимуловъ, побудившихъ его къ реформѣ престолонаслѣдія, обдуманной имъ и рѣшенной почти за 10 лѣтъ до ея осуществленія.

Французскій посланникъ въ Петербургѣ при Екатеринѣ II Маркизь Сегюръ въ своихъ мемуарахъ полагаетъ, что мысль о введеніи закона о престолонаслѣдіи и о приуроченіи его къ коронаціи подана цесаревичу имъ въ октябрѣ 1789 года во время его прощальной бесѣды съ нимъ въ Гатчинѣ. Бесѣда шла на тему о томъ, почему въ другихъ европейскихъ государствахъ государи царствуютъ и вступаютъ на престолъ одинъ вслѣдъ за другимъ, а въ Россіи иначе. „Причину этихъ неурядицъ, говорилъ Сегюръ, усмотрѣть нетрудно. Повсюду наслѣдственность въ мужскихъ поколѣніяхъ служить охраной народамъ и обезпеченіемъ государямъ. Въ этомъ

*) Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ.

заключается основное различіе между монархіями варварскими и монархіями европейскими; успѣхами образованности обязаны мы этой твердости престоловъ. Въ Россіи же въ этомъ отношеніи ничего не установлено, все сомнительно. Государь избираетъ себѣ наслѣдника по своей волѣ, а это служить источникомъ постоянныхъ замысловъ, честолюбія, козней и заговоровъ". „Согласенъ, сказалъ Павелъ, но что же дѣлать? Здѣсь къ этому привыкли: обычай господствуетъ. Измѣнить это можно только съ опасностью для того, кто это производитъ. Русскіе любятъ лучше видѣть на престолѣ юбку, чѣмъ мундиръ". „Однако я полагаю, сказалъ Сегюръ, что такая перемѣна къ лучшему могла бы совершиться въ какую нибудь завѣтную пору новаго царствованія, напр. по случаю коронаціи, когда народъ расположенъ къ надеждѣ, радости, довѣрію." „Да я понимаю, отвѣчалъ Павелъ, цѣлуясь съ Сегюромъ, это можно бы испытать."

Но Сегюръ ошибался, думая, что онъ подаль мысль о законѣ престолонаслѣдія. Еще въ предыдущемъ (1788) году, готовясь въ походъ на войну противъ Турціи, въ виду могущихъ произойти въ его отсутствіе случайностей, цесаревичъ Павелъ подписалъ 4 янв. 1788 года совмѣстно съ женой актъ о престолонаслѣдіи, заранѣе имъ подробно разработанный. Онъ оставилъ ей еще два письма, предусматривающія возможность, во время его отсутствія изъ Петербурга, смерти Императрицы Екатерины и его самого. Онъ и преподаль на этотъ случай ей образъ дѣйствій. Въ первомъ случаѣ, вел. кн. Марія Ѳеодоровна, его жена должна была потребовать присяги Павлу, какъ Императору, а сыну его Александру, какъ наслѣднику.

Во второмъ, если бы кончина Екатерины II послѣдовала послѣ смерти Павла, то вел. кн. Марія Ѳеодоровна должна была объявить Императоромъ старшаго сына Александра и быть правительницей до его совершеннолѣтія, опредѣляемаго въ 16 лѣтъ. Цесаревичъ Павелъ вводилъ наслѣдованіе по закону, какъ онъ выразился о мотивахъ изданія акта о престолонаслѣдіи въ самомъ актѣ, „дабы государство не было безъ наслѣдниковъ, дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ, дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать, дабы сохранить право родовъ въ наслѣдствіи, не нарушая права естественнаго, и избѣжать затрудненій при переходѣ изъ рода въ родъ."

Ставя законъ о престолонаслѣдіи выше воли монарха посредствомъ присяги, которую каждый монархъ долженъ дважды приносить: при вступленіи на престолъ и при миропомазаніи, Императоръ Павелъ выражалъ вѣру не въ челоуѣка, свойственную закону Петра I, а въ промыслъ Божій. Послѣ своего коронованія въ Успенскомъ соборѣ, 5 апр. 1797 г. Павелъ тутъ же присягнулъ самъ изданному акту, который и былъ положенъ на храненіе въ Успенскомъ Соборѣ; въ полномъ собраніи законовъ онъ записанъ подъ № 17910. Въ этомъ актѣ содержатся, кромѣ правилъ о престолонаслѣдіи, также правила о правительствѣ и опекѣ, о правахъ Императрицы, самостоятельно занимающей престолъ, есть также постановленіе о вѣрѣ Государя, который названъ Главою Церкви.

Въ тотъ же день изданъ былъ другой актъ—Учрежденіе объ Императорской Фамиліи, (въ полномъ собраніи законовъ подъ № 17906) содержащій въ себѣ постановленія 1) о степеняхъ родства въ Императорскомъ Домѣ, 2) о рожденіи и кончинѣ Членовъ Императорскаго Дома и о родословной книгѣ, 3) о титулахъ и гербахъ и прочихъ внѣшнихъ преимуществахъ, 4) о содержаніи Членовъ Императорскаго Дома, 5) о гражданскихъ правахъ Членовъ Императорскаго Дома и 6) объ обязанностяхъ Членовъ Имп. Дома къ Императору. Акты эти были составлены еще въ бытность Императора Павла Цесаревичемъ и подписаны имъ и его женой 4 янв. 1788 г.; имъ былъ приданъ характеръ семейнаго закона, но по обнародованіи ихъ 5 апр. 1797 г. имъ была сообщена санкція государственной власти и сила основныхъ законовъ государственныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ актъ 1797 г. явился этапомъ по пути установленія въ коренномъ вопросѣ—обезпеченіи непрерывности въ преемствѣ верховной власти принципа законности, являющагося жизненнымъ нервомъ самодержавнаго принципа въ отличіе отъ деспотической формы правленія. Подчиненіе самой власти началамъ права содѣйствовало развитію чувства законности и созданія долга повиновенія, на которомъ держится власть. Законность въ Россіи—созданіе самой верховной власти, а не результатъ ея ограниченія посторонними политическими факторами. Самый фактъ появленія актовъ Высочайшей воли, въ особой формѣ издан-

ныхъ и служащихъ неизмѣнной, непоколебимой основой, неприкосновенной и для Монарха, послужилъ началомъ для дальнѣйшаго развитія законности въ послѣдующее царствованіе, въ смыслѣ установленія различныхъ формъ для изъясненія воли монарха въ порядкѣ законодательномъ и исполнительномъ. Императоръ Павелъ прежде всего нормировалъ порядокъ престолонаслѣдія и порядокъ фамилнаго учрежденія, соблюдать которые обязуются и клянутся при объявленіи совершеннолѣтія ихъ и наслѣдникъ престола и всѣ лица, по крови къ Императорскому Дому принадлежащія (ст. 206 Осн. зак.).

Учрежденіе объ Императорской Фамиліи явилось перенесеніемъ на русскую почву нѣмецкаго обычая, признавашаго за высокодворянскими фамиліями право составлять корпораціи съ дисциплинарной властью надъ членами Дома. Въ нѣмецкихъ государствахъ эти семейные статуты наравнѣ съ правомъ, исходящимъ отъ государства, были параллельнымъ источникомъ права и регулировали не только внутренній семейный распорядокъ, но и вопросы престолонаслѣдія. Эти статуты при введеніи конституціоннаго режима частью вводились въ составъ Государственныхъ законовъ, частью оставались дополненіемъ къ нимъ. У насъ при введеніи новыхъ основ. законовъ въ 1906 г. Учрежденіе объ Императорской Фамиліи составило часть основ. законовъ, именно ихъ раздѣлъ II, подлежащій особому порядку измѣненія, именно по усмотрѣнію одного Государя, конечно, съ соблюденіемъ незыблемыхъ законовъ о вѣрѣ и о порядкѣ престолонаслѣдія, а также, согласно ст. 125 осн. законовъ, поскольку эти измѣненія не касаются законовъ общихъ и не вызываютъ новаго изъ казны ассигнованія.

Въ порядкѣ престолонаслѣдія Павелъ I воспроизвелъ цѣликомъ австрійскія основныя начала установленныя прагматической санкціей 19 апр. 1713 года и принятыя въ нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ государствахъ: Баваріи, Саксоніи, Вюртембергѣ. Что касается семейныхъ статутовъ, то обычай составлять ихъ въ высокодворянскихъ домахъ въ нѣмецкомъ правѣ восходитъ къ 14—15 вѣку. Обычное право давало этимъ Домамъ свойства союза съ корпоративными правами. Вполнѣ развитой видъ придается этому учрежденію романтической школой юристовъ 16 и 17 вѣка которая приз-

навала: *domus universitas familia est tamquam civitas*. Фамиліи въ договорахъ обозначались какъ *corpora* и за ними призывалось *jus statuendi*. Представителемъ Дома считалась совокупность полноправныхъ членовъ-совершеннолѣтнихъ агнатовъ.

Всѣ эти статуты среди членовъ Дома перечисляли кромѣ агнатовъ и принцессъ, происходящихъ отъ общаго родоначальника черезъ полноправные браки, супругъ агнатовъ и ихъ вдовъ во время вдовства. Кромѣ власти Дома въ лицѣ всѣхъ совершеннолѣтнихъ агнатовъ, надъ его членами, была еще дисциплинарная власть главы государства простиравшаяся на всѣхъ членовъ Дома, исключая царствующихъ на другихъ престолахъ а также принцессъ, вышедшихъ замужъ за агнатовъ другого равнороднаго Дома.

При толкованіи нашихъ основныхъ законовъ необходимо прежде всего уяснить смыслъ воспринятыхъ нами рецепированныхъ основныхъ юридическихъ принциповъ нѣмецкаго семейнаго права и правилъ престолонаслѣдія. Это касается въ особенности понятій Царствующаго Дома въ широкомъ и узкомъ смыслѣ, связи между принадлежностью къ Царствующему Дому и правами престолонаслѣдія, различія между основнымъ и субсидіарнымъ порядкомъ престолонаслѣдія, а также мысли, вложенной закономъ въ идею первородства. Только путемъ выясненія этихъ понятій мы можемъ избѣжать ошибокъ г. Корево, отождествляющаго принадлежность къ Царствующему Дому съ правомъ на престолонаслѣдіе и пользующагося правилами, регулирующими субсидіарный порядокъ престолонаслѣдія, для толкованія правилъ основного порядка.

Подобно тому, какъ историческое разсмотрѣніе идеи царской власти и вложенныхъ въ нее понятій священнаго чина въ Церкви показало намъ, что она не мыслится иначе, какъ стоящей подъ высшими нормами Церковнаго идеала, ее создавашаго, а положеніе Императора въ Церкви дало намъ руководящія начала для оцѣнки статей закона, констатирующихъ положеніе православія въ русскомъ государствѣ, съ точки зрѣнія канониста, исходящаго изъ православнаго, а не лютеранскаго воззрѣнія на Церковь—такъ историческое разсмотрѣніе вышеуказанныхъ рецепированныхъ нами юридическихъ понятій нѣмецкаго права покажетъ намъ, какія пред-

ставленія связываются съ ними, и предостережетъ отъ вливанія въ нихъ того смысла, котораго они не имѣютъ. Невозможно при толкованіи статей основныхъ законовъ ограничиться ихъ произвольнымъ сопоставленіемъ одна съ другой, ибо каждая статья является продуктомъ или отраженіемъ сложнаго историческаго процесса. Наше національное міросозерцаніе, выросшее на почвѣ православной культуры, ассимилировавшее римско-византійскія юридическія начала, воспринимало и нѣмецкіе юридическіе принципы, но при рецепціи послѣднихъ отбрасывало въ концѣ концовъ отъ себя послѣдніе постольку, поскольку они обуславливались инославнымъ міросозерцаніемъ,*) и принимало постольку, поскольку они могли быть восприняты безъ всякаго ущерба для культуры православной.

*) Такъ въ 1918 г. возстановлено патріаршество на мѣсто упраздненнаго Синода.

XII.

О СЕМЕЙНЫХЪ СТАТУТАХЪ. ОСНОВНЫЯ ЮРИДИЧЕСКІЯ ПОНЯТІЯ НѢМЕЦКАГО ПРАВА, РЕЦЕПИРОВАННЫЯ РУССКИМИ ОСНОВНЫМИ ЗАКОНАМИ: ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КЪ ЦАРСТВУЮЩЕМУ ДОМУ ВЪ ШИРОКОМЪ И УЗКОМЪ СМЫСЛѢ; О НЕОБХОДИМЫХЪ, ЕСТЕСТВЕННЫХЪ И СЛУЧАЙНЫХЪ ПРИЗНАКАХЪ ПОНЯТІЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КЪ ЦАРСТВУЮЩЕМУ ДОМУ. ОСНОВНОЙ (АГНАТСКІЙ) ПОРЯДОКЪ И СУБСИДІАРНЫЙ ПОРЯДОКЪ ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІЯ. СОСТАВЪ ЦАРСТВУЮЩАГО ДОМА (СТ. 126). СТ. 25 ОСНОВ. ЗАКОНОВЪ. СТ. 27, 28, 29, 30, ТАКЖЕ 35 СТ. 128, 129, 130. ПРИНЦИПЪ ПЕРВОРОДСТВА.

Въ монархическихъ государствахъ Главы государствъ не могли ограничиться общимъ подданическимъ подчиненіемъ имъ со стороны Членовъ своего Дома, ибо интересъ государства требуетъ, чтобы поведеніе и жизнь Членовъ Царствующаго Дома вызывали особое уваженіе къ ихъ личности. Въ виду этого они всюду подчинены особой семейной дисциплинарной власти царствующаго Государя. Такъ было не только въ Священной Римской Имперіи Германской націи, но и во всѣхъ нѣмецкихъ Домахъ послѣ того, какъ отдѣльныя государства выходили изъ подчиненія Имперіи; такъ было и при воцареніи Наполеона I, когда онъ въ 1806 г. 30 марта издалъ „Statut de famille impériale“, внесенной позже въ титулъ III органическаго сенатусъ-консульта 28 флореаля XII года; такъ сдѣлалъ и Императоръ Павелъ послѣ того, какъ онъ оказался, послѣ преждевременной смерти своего отца Императора Петра III, родоначальникомъ царствующаго въ Россіи Голштейнъ-Готторпскаго Дома, по женской линіи связаннаго черезъ дочь Петра I Анну Петровну съ домомъ Романовыхъ.

Въ силу этого статута Члены Императорскаго Дома подчинены Государю не только, какъ Главѣ государства, въ качествѣ подданныхъ, но и какъ Главѣ Дома; ст. 219 осн. зак. говоритъ: „Царствующій Императоръ во всякомъ случаѣ почтенъ быть долженъ Главой всей Императорской фамиліи и есть на всегдашнее время попечитель и покровитель оной“, а ст. 220 — „Каждый Членъ Императорскаго Дома обязуется къ Лицу Царствующаго, яко къ Главѣ Дома и Самодержцу, созершеннымъ почтеніемъ, повиновеніемъ, послушаніемъ и подданствомъ“. Эта дисциплинарная власть Государя является дополненіемъ и слѣдствіемъ принадлежности ему власти государственной, но не составляетъ ея интегральной части. Она создается государствомъ и имъ регулируется; она не оригинарна и не самостоятельна, а создается въ интересахъ государства и осуществляется не въ имя Дома; семейные законы, ее регулирующие—семейные въ томъ смыслѣ, что изданы государственной властью для Дома, и отличаются отъ семейныхъ законовъ, издаваемыхъ отъ имени Дома, какъ такового.

Надо отличать эту дисциплинарную власть Царствующаго Государя отъ общей семейной власти Дома, какъ корпорации, существующей независимо отъ того, царствуетъ ли этотъ Домъ или нѣтъ. Дисциплинарную власть Государя, какъ дополнительную къ его государственной власти имѣетъ въ виду ст. 222 осн. законовъ, когда она предоставляетъ ему, какъ неограниченному Самодержцу, отрѣшать неповинующагося ему Члена Дома отъ связанныхъ съ его полномочіемъ преимуществъ, и притомъ единолично безъ участія агнатовъ. Согласно общимъ принципамъ нѣмецкаго права, содержаниемъ этой дисциплинарной власти является: 1) право контроля надъ воспитаніемъ всѣхъ принцевъ и принцессъ Дома, 2) право разрѣшать и запрещать путешествія въ иностранныя государства, 3) право принимать всякія мѣры для спокойствія, чести и благосостоянія Дома, 3) право давать и не давать разрѣшеніе на бракъ, каковое разрѣшеніе у насъ въ частности является дополнительнымъ требованіемъ къ требованіямъ, установленнымъ Церковью для законности брака (ст. 183 Осн. Зак.).

Но есть еще другая (оригинарная) семейная власть, осуществляемая высшимъ семейнымъ органомъ, совокуп-

ностью совершеннолѣтнихъ агнатовъ, надъ Членами Дома, подчиненными правиламъ, установленнымъ этимъ высшимъ семейнымъ органомъ. Такъ какъ эта власть не есть дѣленіе къ государственной власти, а основана на самостоятельномъ правоисточникѣ, иномъ, чѣмъ государственное право, то ей могутъ въ извѣстной мѣрѣ подлежать и подданные чуждаго государства, напр., принцессы, вышедшія замужъ за иностранныхъ принцевъ. Эта семейная власть не исключаетъ дисциплинарной власти Главы государства, существующей въ силу особаго отношенія Дома къ Главѣ государства, и можетъ существовать подлѣ нея и безъ нея, напр., если Домъ перестаетъ царствовать. Если въ нашихъ основныхъ законахъ Царствующій Императоръ является Главой Дома съ исключеніемъ всѣхъ агнатовъ (это особенность русскаго права въ сравненіи съ нѣмецкимъ), то за отсутствіемъ въ настоящее время Царствующаго Императора, остается для Членовъ Нашей Династіи оригинарная семейная власть агнатовъ,

Для большей ясности остановимся на терминологіи, которая лежитъ въ основѣ и всего дальнѣйшаго изложенія предмета. Агнатами называются мужскіе Члены Фамилій, происходящіе отъ мужчинъ данной Фамиліи, когнатами же являются женщины Фамиліи, по крови ей родныя, и мужчины черезъ этихъ женщинъ происшедшіе. Когнантинъ—принцессъ, происшедшихъ черезъ мужчинъ по мужской линіи, еще называютъ агнатскими когнатами или полуагнатами ради обозначенія ихъ большей близости къ мужскому поколѣнію. Когда наслѣдованіе переходитъ въ женское поколѣніе, то когнаты—потомки принцессы, черезъ которую Престоль переходитъ въ женскую линію, становятся агнатами. Такъ Члены Голштейнъ Готторпскаго Дома со времени Петра III стали агнатами, будучи до вступленія на Россійскій Престоль Петра III, сына Анны Петровны, со времени ея замужества за герцогомъ Голштинскимъ, когнатами по отношенію къ Дому Романовыхъ. Совокупность потомковъ одного родоначальника называютъ линіей. Линія составляется черезъ прародительскую чету и ея потомковъ, происшедшихъ черезъ законныя равнородные браки. Каждый Домъ составляется изъ нѣсколькихъ линій, зависящихъ одна отъ другой. Чѣмъ выше поднимаемся мы по-

лѣстницѣ отцовъ, тѣмъ возрастаетъ число линій, стекающихся къ общему предку. Юридическое расчлененіе Дома по линіямъ имѣетъ громадное значеніе въ наслѣдственномъ правѣ.

Въ нѣмецкомъ правѣ всякій Домъ *hochadelig*, то есть высокаго дворянства, царствующій и царствовавшій является совокупностью родственниковъ, происшедшихъ отъ перваго приобрѣтателя тебриторіальнаго верховенства, у насъ же Императорскій Домъ составляетъ совокупность родственниковъ, происшедшихъ отъ Создателя Учрежденія объ Императорской Фамиліи — Императора Павла, какъ то видно изъ его Акта 5 апр. 1797 г.

Выше мы сказали о наличности двухъ дисциплинарныхъ властей, власти совокупности агнатовъ и власти Царствующаго Государя. Кругъ лицъ, подчиненныхъ той и другой власти не совпадаетъ; въ виду этого и отличаютъ понятіе Царствующаго Дома въ широкомъ и узкомъ смыслѣ. Первый обнимаетъ собой всѣхъ происходящихъ отъ одного общаго родоначальника (Имп. Павла), агнатовъ и когнатовъ вмѣстѣ съ супругами и вдовами и въ нѣмецкомъ правѣ еще всѣхъ черезъ особые юридическіе акты поставленныхъ наравнѣ съ происшедшими по крови отъ общаго родоначальника. Царствующій же Домъ въ узкомъ смыслѣ означаетъ совокупность всѣхъ подчиненныхъ власти Царствующаго Государя. Въ первомъ случаѣ на лицо корпорація, въ которой и Глава Государства — первый среди равныхъ, во второмъ Глава Государства — Глава надъ подчиненными.

Понятіе Дома въ широкомъ смыслѣ подразумѣваютъ и наши основные законы, говоря въ ст. 35 (изд. 1906 г.) о возможности перехода престола въ такое женское поколѣніе Императора, которое уже царствуетъ на другомъ престолѣ; такимъ образомъ, въ понятіе Дома входятъ когнаты, уже вышедшіе изъ круга лицъ, подчиненныхъ дисциплинарной власти Царствующаго Государя въ силу международно-правового принципа, исключающаго совмѣстимость самостоятельнаго занятія Престола съ подчиненіемъ дисциплинарной власти Главѣ чужого государства. Такъ оказывается, что могутъ быть лица, не теряющія способности къ престолонаслѣдію, но не принадлежащія къ Царствующему Дому въ

узкомъ смыслѣ. Ихъ положеніе другое: по ст. 126 Членами Императорскаго Дома являются всѣ лица происшедшія отъ Императорской крови въ законномъ, дозволенномъ Царствующимъ Императоромъ бракѣ съ лицомъ равнороднаго достоинства, но въ силу ст. 133. Осн. Законовъ „родившіеся отъ женскаго пола (когнаты) совершенно отличаются отъ родившихся отъ пола мужскаго (агнатовъ), и потому счета въ родствѣ съ Императоромъ для полученія титула, пенсіи и приданого вести не должны, а пользуются всѣмъ онымъ по праву отца ихъ принадлежащему и ничего отъ Государства и отъ Главнаго Управленія Удѣловъ требовать не имѣютъ“. Также принцессы, вышедшія замужъ за равнородныхъ принцевъ вступая въ Домъ мужа, выходятъ изъ подчиненія дисциплинарной власти Царствующаго Государя, но не теряютъ принадлежности къ Царствующему Дому въ широкомъ смыслѣ и могутъ подлежать нѣкоторому контролю со стороны агнатовъ Дома. *) Царствующій Государь, въ силу указа, заннаго международно-правового принципа, не подчиненъ ничьей семейной власти, пока царствуетъ, но онъ не перестаетъ принадлежать къ составу Дома ни во время царствованія, ни послѣ, въ случаѣ отреченія отъ престола, осуществляя въ послѣднемъ случаѣ и права агнатовъ и не лишаясь преимуществъ и имущественныхъ правъ, вытекающихъ изъ принадлежности къ Дому,

Извѣстный ученый Ремъ считаетъ, что въ нѣмецкомъ правѣ можно принадлежать къ Царствующему Дому и не имѣть ни правъ престолонаслѣдія, ни участія въ семейномъ законодательствѣ, не имѣть иныхъ привилегій, кромѣ однако почетныхъ правъ и правъ равнородства. Но нельзя быть Членомъ Царствующаго Дома въ узкомъ смыслѣ, не будучи Членомъ Царствующаго Дома въ широкомъ смыслѣ по

*) Такъ Бельгійскій король угрожалъ своей дочери принцессѣ Стефаніи, австрійской принцессѣ — вдовѣ Кронпринца Австрійскаго Рудольфа лишеніемъ титула и почетныхъ правъ Бельгійской принцессы, если она выйдетъ замужъ за графа Лоніэй. Такъ, въ качествѣ представителя агнатовъ, Австрійскій Императоръ лишилъ принцессу Луизу Тосканскую послѣ ея брака съ Саксонскимъ принцемъ, 27 янв. 1903 г. всѣхъ правъ и преимуществъ, которыя ей принадлежали, какъ прирожденной Австрійской эрцгерцогинѣ. Въ Саксоніи она получила 13 іюня 1903 г. имя графини Моктиньозе.

добно тому, какъ нельзя имѣть правъ гражданства въ государствѣ, не принадлежа къ его подданнымъ.*) Противоположность одного понятія къ другому можно еще опредѣлить, говоритъ Ремъ, какъ понятіе Царствующаго Дома въ государственно-правовомъ смыслѣ (Царствующій Домъ въ узкомъ смыслѣ) и въ семейно-правовомъ смыслѣ (Царствующій Домъ въ широкомъ смыслѣ).

Принадлежность къ Царствующему Дому влечетъ за собой рядъ правъ и обязанностей (по 25 статьѣ основ. законовъ принадлежность къ Царств. Дому въ широкомъ смыслѣ является первымъ условіемъ для престолонаслѣдія); одни изъ этихъ правъ и обязанностей являются необходимыми признаками этого понятія, иные естественными, иные случайными.

Необходимымъ слѣдствіемъ изъ свойства Дома, какъ корпораціи, является обязанность Членовъ Дома къ подчиненію семейной власти Дома; изъ принадлежности къ Дому высокаго дворянства вытекаетъ право на преимущества равнородства, то есть право заключать полноправные браки съ лицами, принадлежащими къ извѣстному кругу. Для нѣмецкихъ царствовавшихъ до 1918 г. Домовъ признаются равнородными браки 1) съ членами всѣхъ царствовавшихъ въ то время или царствовавшихъ послѣ 1815 г. въ Германіи Домовъ, 2) съ владѣтельными Домами, то естъ принадлежавшимъ къ Имперскимъ чинамъ, 3) съ внѣнѣмецкими европейскими Домами, царствующими или царствовавшими какъ международно - признанная династія въ международно-признанныхъ государствахъ. Изъ принадлежности къ семьѣ Главы государства необходимо вытекаютъ права на извѣстныя почести при дворѣ и въ государствѣ, на титулъ, церемоніальныя права и на нѣкоторыя привилегіи въ международномъ общеніи.

Естественными, по опредѣленію Рема, но не необходимыми слѣдствіями принадлежности къ Царствующему Дому является въ Домѣ: при совершеннолѣтіи участіе въ осуществленіи семейной власти агнатовъ, права на содержаніе изъ семейнаго имущества и, при извѣстныхъ условіяхъ, на

*) Rehm. "Modernes Fürsterecht" стр. 101.

владѣніе, управленіе, пользованіе и распоряженіе имъ; въ государствѣ же естественнымъ послѣдствіемъ, но не необходимымъ является право на престолонаслѣдіе. Естественность, а не необходимость даннаго права вытекають изъ того, что повсюду право ставить для занятія Престола и рядъ другихъ условій, помимо принадлежности къ Дому, такъ: исповѣданіе опредѣленной религіи, извѣстную непороченность. По этому поводу Ремъ пишетъ: „Осужденіе къ исправительному дому и отнятіе гражданской чести имѣетъ слѣдствіемъ потерю права спужить въ войскѣ и флотѣ и длительную неспособность къ занятію общественныхъ должностей, или продолжительную потерю правъ, вытекающихъ изъ общественныхъ выборовъ, потерю общественныхъ должностей, достоинствъ, титуловъ, орденовъ и знаковъ отличія и неспособность получать общественныя должности, достоинства, титулы, ордена и почетныя права, право голосовать, выбирать, быть выбираемымъ, или осуществлять иныя политическія права. Однако, несмотря на указаніе только въ отношеніи общественнаго избирательнаго права и общественныхъ отличій и несмотря на принципъ наслѣдственной монархіи, надо принять расширительное толкованіе и признать, что кто подпадаетъ этимъ судебнымъ наказаніямъ теряетъ пріобрѣтенную хотя бы и рожденіемъ способность сдѣлаться высшимъ Государственнымъ органомъ — Государемъ, но отъ этого не теряется принадлежность къ Царствующему Дому“. (Op. cit 381.) Могутъ быть и другія условія для престолонаслѣдія.

Случайными слѣдствіями принадлежности къ царствующему дому, то есть такими, которыя вовсе могутъ не предполагаться, являются въ Домѣ: участіе въ Фамильномъ Совѣтѣ, право на придворный штатъ, а въ государствѣ: права на регенство, на усиленную уголовную защиту чести, участіе въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, подчиненіе особому гражданскому праву, напримѣръ, въ смыслѣ опеки, привилегированная подсудность, свобода отъ налоговъ, отъ воинской повинности.

Всѣ эти права могутъ принадлежать разнымъ членамъ дома въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ, не будучи непременно связаны между собой. Въ нѣмецкомъ правѣ одни предположенія могутъ существовать для престолона-

слѣдія, иныя для участія въ имущественныхъ правахъ, иныя для пользованія фидеикомисснымъ имуществомъ на правахъ владѣнія, иныя для аллодіальнаго на правахъ собственности

Принципъ равнородства касается только брачныхъ правъ семьи, не затрагивая самого вступившаго въ неравнородный бракъ. Членъ Дома, вступившій на чужой Престоль, несетъ меньшія обязанности къ Дому, къ которому принадлежитъ по рожденію, и въ соотвѣтствіи съ этимъ терпитъ умаленіе и въ своихъ правахъ въ этомъ Домѣ.

Что понятіе принадлежности къ Дому не обусловливаетъ непременно права на Престоль, показываютъ случаи, когда въ нѣмецкомъ правѣ лицо по договору принимается въ Домъ опредѣленно безъ правъ престолонаслѣдія: такія пріятія, при чисто сословномъ характерѣ нѣмецкой монархіи, и возможны, и происходятъ въ дѣйствительности. Таковая принадлежность къ Дому безъ правъ престолонаслѣдія возможна и при приобрѣтеніи принадлежности къ Дому чрезъ кровное происхожденіе отъ родоначальника. Такъ напр. агнатскія принцессы, то есть происшедшія отъ родоначальника по мужской линіи, состоятъ Членами Дома, но положительное право можетъ, допуская субсидіарное когнатское наслѣдованіе, дать право на Престоль только потомкамъ этихъ принцессъ, минуя ихъ самихъ, но не лишая ихъ принадлежности къ Дому. Въ Имперскомъ правѣ въ Саксонскомъ Зерцалѣ предположеніемъ для права престолонаслѣдія было отсутствіе извѣстныхъ тѣлесныхъ или нравственныхъ дефектовъ, а также отсутствіе умаленія церковныхъ или гражданскихъ правъ, хотя бы данное лицо и принадлежало къ Царствующему Дому. Такъ и теперь, на ряду съ принципомъ законнаго наслѣдованія въ силу происхожденія отъ родоначальника Дома, дальнѣйшимъ предположеніемъ для права престолонаслѣдія является всюду принадлежность къ опредѣленному вѣроисповѣданію безъ исключенія однако изъ состава Дома. Такъ обстоитъ дѣло въ Великобританіи, Швеціи, Норвегіи, Даніи, гдѣ отъ короля требуется протестантское исповѣданіе; также въ Сербіи и для будущихъ поколѣній Царствующаго Дома въ Румыніи и Греціи требуется православная вѣра, а въ Португаліи, Испаніи — католическая; но исповѣданіе тамъ есть условіе права на Престоль, а не условіе принадлежности къ Дому. Также Австрійскій за-

конъ, лишая Члена Царствующаго Дома не - католика права на Престоль, не лишаетъ его принадлежности къ Дому и связанныхъ съ нимъ преимуществъ. Такъ и у насъ, помимо принадлежности къ Императорскому Дому, въ числѣ вѣроисповѣдныхъ требованій отъ престолонаслѣдника однимъ изъ предположеній для его правъ на Престоль является исповѣданіе православной вѣры. Примѣромъ, показывающимъ, что и наши Основ. Зак. не отождествляютъ понятія принадлежности къ Дому съ правами на Престоль, показываетъ между прочимъ наличность ст. 36. и 188, изъ которыхъ одна лишаетъ потомство отъ неравнородныхъ браковъ принадлежности къ Дому, а другая престолонаслѣдія.

Всѣ многочисленные приведенные нами примѣры ясно показываютъ, что совершенно недопустимо отождествлять принадлежность къ Царствующему Дому съ правами на престоль съ одной стороны, а съ другой предполагать, что всѣ Члены Царствующаго Дома обладаютъ въ силу одной принадлежности къ этому Дому равными правами и преимуществами. Между тѣмъ оба эти допущенія являются краеугольнымъ камнемъ въ построеніи г. Корево, для котораго одной наличности принадлежности къ Дому, опредѣляемой родословной книгой Императорскаго Дома, достаточно, чтобы въ очереди первородства наслѣдовать Престоль.

По методѣ г. Корево, если бы въ порядкѣ первородства оказался, на примѣръ, Членъ Дома — нигилистъ, по формѣ исповѣдующій православіе, заявившій, что онъ исповѣдуетъ не монархическій принципъ Основныхъ Законовъ, которому онъ въ день совершеннолѣтія согласно 166 ст. Осн. Законовъ (изд. 1857 г.) приносилъ присягу, въ установленной въ прил. IV къ Осн. Зак. формѣ, а народный суверенитетъ, заявившій, что вѣнчаться на царство онъ не будетъ, тѣмъ болѣе что никакой санкціи въ законѣ на этотъ отказъ нѣтъ; далѣе, если бы онъ женился на особѣ, принадлежащей къ какой либо сектѣ, и совершилъ тяжкое преступленіе — то, т. к. Основной Законъ, по методѣ г. Корево, нигдѣ не говоритъ о недопущеніи такого лица къ Престолу, такое лицо, несмотря на все это, по закону могло бы быть призваннымъ на Престоль,

Къ счастью, ничего подобнаго нѣтъ, и наши Основные Законы устанавливаютъ цѣлый рядъ положительныхъ пред-

положеній для занятіи трона, кромѣ принадлежности къ Царствующему Дому и права первородства. Хотя казусъ, приведенный нами — лишь академическаго свойства и едва ли въ дѣйствительности возможенъ, но все же а priori невозможно допустить, что Основные Законы такъ были бы редактированы, что таксе престолонаслѣдіе было бы теоретически возможнымъ. Законы о престолонаслѣдіи держатся не метода исключенія, а предполагають соотвѣтствіе престолонаслѣдника ряду положительныхъ требованій.

Разнообразіе правъ и преимуществъ членовъ Императорскаго Дома существуетъ и у насъ; мы уже видѣли, что когнаты, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ наслѣдовать Престолъ, а между тѣмъ они въ силу ст. 133 не имѣютъ цѣлаго ряда преимуществъ на титулы, содержаніе и проч. Равнымъ образомъ агнаты имѣютъ различные титулы, различные права на содержаніе и могутъ не имѣть правъ наслѣдованія Престола, напр., въ силу преступленія (напримѣръ, за тяжкое преступленія русскій уголовный законъ лишаетъ всѣхъ правъ состоянія, и осужденный судомъ за таковое, не можетъ наслѣдовать Престолъ) или въ силу неисполненія вѣроисповѣдныхъ требованій.

Г. Корево постоянно ссылается на ст. 25, гласящую: „Императорскій Всероссійскій Престолъ есть наслѣдственный въ нынѣ Царствующемъ Домѣ“, и считаетъ, что принадлежность къ Императорскому Дому уже сама по себѣ независимо отъ какихъ либо другихъ предпосылокъ, устанавливаетъ право престолонаслѣдія, для котораго требуется только первородство. Но подобныя опредѣленія, констатирующія права опредѣленнаго Дома, или вновь его устанавливающія, какъ напр. въ Германской Имперіи, существуютъ всюду. Такъ Саксонская Конституція устанавливаетъ: „Die Krone ist erblich im dem Mannesstamme des Sächsischen Fürstenhauses;“ Брауншвейгъ Люнебургская: „Die Regierung wird fernerbt in dem Fürstlichen Gesammthause Braunschweig-Lüneburg,“ и многія другія конституціи дѣлають соотвѣтственные постановленія; но нигдѣ съ этимъ не связывается представленіе о безусловномъ правѣ престолонаслѣдія.

Во всѣхъ этихъ статьяхъ устанавливается лишь, какъ первое основное условіе для права на Престолъ, принадле-

жность къ опредѣленному Дому въ широкомъ смыслѣ. Что и наши Осн. Законы разумѣютъ въ ст. 25-ой Домъ въ широкомъ смыслѣ, явствуется изъ того, что они допускаютъ въ ст. 35-ой престолонаслѣдіе для лица, занимающаго другой Престоль, слѣдовательно неподчиненаго дисциплинарной власти Царствующаго Государя и потому невходящаго въ составъ Дома въ узкомъ смыслѣ.

Составъ Императорскаго Дома устанавливается въ ст. 126-ой положительными признаками: „Всѣ лица, происшедшія отъ Императорской крови въ законномъ дозволенномъ Царствующимъ Императоромъ бракѣ съ лицомъ соотвѣтственнаго по происхожденію достоинства, признаются Членами Императорскаго Дома.“ Принадлежность къ Императорской крови предполагаетъ происхожденіе отъ Императора Павла согласно Акту 5 апр. 1797 г. черезъ браки, удовлетворяющіе вышеуказаннымъ условіямъ. Статья 134 особо упоминаетъ вновь, что „дѣти, рожденныя отъ брака, на который не было соизволенія Царствующаго Государя, не пользуются никакими преимуществами, Членамъ Императорскаго Дома принадлежащими“. Статья же 188 говоритъ о status'ѣ дѣтей отъ неравнородныхъ браковъ. „Лицо Императорской Фамиліи, вступившее въ брачный союзъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то есть не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣтельному Дому, не можетъ сообщить ни оному, ни потомству, отъ брака сего произойти могущему, правъ, принадлежащихъ Членамъ Императорской Фамиліи.“ Доказательствомъ сопричтенія къ поколѣнію Императорскому является согласно ст. 142 изд. 1906 г. внесеніе имени въ родословную книгу, въ которую заносятся по повелѣнію Императора всѣ рожденія и смерти въ Императорскомъ Домѣ, согласно ст. 137 изд. 1906 г. Вотъ, согласно ст. 25, первымъ основнымъ условіемъ для престолонаслѣдія является принадлежность къ составу Императорскаго Дома въ широкомъ смыслѣ, опредѣляемаго Актомъ 5 апр. 1797 г. и ст. 126 Основныхъ Законовъ.

Императоръ Павелъ, какъ мы видѣли, имѣлъ своей главной задачей устранить ту неопредѣленность въ наслѣдованіи Престола, которая вытекаетъ изъ государственной концепціи Петра I и ставила Престоль въ зависимость отъ всякой случайности, лишая управление государствомъ

всякихъ традицій. Онъ самъ въ Актѣ 5 апр. 1797 г. выразилъ свою цѣль словами: „дабы государство не было безъ наслѣдника и дабы наслѣдникъ былъ всегда назначенъ закономъ самимъ.“ Онъ поставилъ своей задачей установить во первыхъ, твердые принципы наслѣдованія среди агнатовъ, намѣчавшіеся въ допетровскую эпоху силой обычая; затѣмъ, дабы государство не было безъ наслѣдника, онъ не желалъ слишкомъ суживать кругъ лицъ, могущихъ наслѣдовать Престолъ и допустилъ, какъ крайность, наслѣдованіе женскихъ поколѣній; но въ то же время, дабы дать устойчивость традиціи въ управленіи, Престолъ, перейдя къ женскому поколѣнію, потомъ опять долженъ былъ переходить съ предпочтеніемъ мужского пола женскому.

Средствомъ для воплощенія идеи ему послужили австрійскіе законы, дававшіе готовыя формы для осуществленія его идеи въ видѣ установленія двухъ порядковъ престолонаслѣдія: основного-агнатскаго и субсидіарнаго-когнатскаго. Въ агнатскомъ престолонаслѣдіи по нѣмецкому праву дѣйствуетъ преемство по кровной близости по принципу „Blut fließt abwärts, es klimmt nicht“ — кто по крови ближе всѣхъ стоитъ къ послѣднему обладателю трона, тотъ ему и наслѣдуетъ. Рѣшаетъ близость крови, не близость степени. Сынъ старшаго сына предпочитается собственному второму сыну. Наслѣдованіе идетъ не по степенямъ, а по линіямъ. При наслѣдованіи по линіямъ дѣйствуетъ право представленія, и самый отдаленный потомокъ вступаетъ на мѣсто своего ранѣе умершаго предка, и переходъ въ другую линію возможенъ только, если въ старшей линіи нѣтъ болѣе ни одного, хотя бы самаго отдаленнаго потомка, способнаго къ престолонаслѣдію.

Это именно и устанавливають наши Основные Законы, какъ мы сейчасъ увидимъ. Прежде всего они въ ст. 27 устанавливаютъ два порядка престолонаслѣдія, основной для мужского пола по праву первородства и субсидіарный для женскаго пола по праву заступленія, то есть для обоихъ порядковъ примѣнены совершенно различные принципы. Ст. 27 гласитъ: „оба пола имѣютъ право къ наслѣдію Престола; но преимущественно принадлежитъ сіе право полу мужскому по праву первородства; за пресѣченіемъ же послѣдняго мужского поколѣнія, наслѣдіе Престола поступаетъ

къ поколѣнію женскому по праву заступленія". Затѣмъ идутъ двѣ статьи 28 и 29, устанавливающія наслѣдованіе по линиямъ въ порядкѣ первородства; именно ст. 28-я говоритъ: „посему наслѣдіе Престола принадлежитъ прежде всѣхъ старшему сыну Царствующаго Императора и по немъ всему его мужскому поколѣнію“, а ст. 29 говоритъ: „по пресѣченіи сего мужскаго поколѣнія, наслѣдство переходитъ въ родъ второго сына Императора и въ его мужское поколѣніе; по пресѣченіи же второго мужскаго поколѣнія, наслѣдство переходитъ въ родъ третьяго сына и т. д.“

Слѣдующая же статья 30-я говоритъ уже о субсидіарномъ порядкѣ престолонаслѣдія, особенно подчеркивая его субсидіарность допущеніемъ его лишь, по пресѣченіи послѣдняго поколѣнія сыновей Императора“, когда Престоль переходитъ къ женскому поколѣнію послѣднецарствовавшего. Статья 30-я слѣдуетъ возстановить и при переходѣ въ женскія линии опять порядокъ предпочтенія мужскаго лица женскому, дѣлая исключеніе лишь для того женскаго лица отъ „котораго право непосредственно пришло.“

Въ нашу задачу входитъ лишь изученіе перваго—основного порядка престолонаслѣдія — агнатскаго. Важно прежде всего уяснить, кого разумѣетъ законодатель подъ сыновьями Императора. Разъясненіе этому даетъ ст. 129 Осн. Законовъ, которая говоритъ, что „всѣ младшіе сыновья Императора или младшіе Его поколѣнія, то есть всѣ, кромѣ первороднаго, считаются по рожденію своему, яко сыновья Государевы.“ Въ силу ст. 130 „вторые и всѣ младшіе сыновья старшихъ поколѣній, яко сыновья опредѣленнаго для заступленія Престола, считаются наравнѣ съ сыновьями Государевыми съ предоставленными для нихъ правами.“ Въ противоположность сыновьямъ Государевымъ законъ нашъ знаетъ Государевыхъ дѣтей, о которыхъ говоритъ ст. 128-я: „Старшій сынъ Императора и всѣ старшіе отъ старшаго поколѣнія происшедшіе, доколѣ Фамилія Императорская существуетъ, уважаются и почитаются, въ виду Императора, яко наслѣдники Престола и носятъ наименованіе Государевыхъ дѣтей.“

Для уясненія этихъ терминовъ самъ Императоръ Павелъ въ §§ 16 и 18 учрежденія 5 апр. 1797 г. за №17906

далъ поясненія примѣрами для всѣхъ послѣдующихъ родовъ поколѣній Императорской крови. „Дабы все вкупѣ ясно изображено было, и чтобы никто подъ видомъ справедливости нѣкотораго двоякого толка изреченіямъ всего нашего учрежденія не представилъ, назначаемъ мы точный одному смыслъ объяснить именами, предполагая въ примѣръ нашихъ двухъ сыновей, Александра и Константина, въ видѣ размноженныхъ ихъ фамилій, а посему опредѣляемъ, что 1) Константинъ, яко младшій нашъ сынъ, не имѣя права къ наслѣдованію Престола, доколѣ мужское поколѣніе Александрово не пресѣчется, получаетъ все опредѣленное для Императорскаго сына..... 2) Александръ, старшій нашъ сынъ, по праву наслѣдства почитается наслѣдникомъ и наслѣдное имѣетъ содержаніе. Дѣти его, происходя отъ наслѣдника Престола, быть должны въ видѣ дѣтей Императора, и для того старшій его сынъ считается наслѣдникомъ и пользуется титуломъ, содержаніемъ и всѣми прочими преимуществами для послѣднихъ нами предположенными. Второй сынъ и всѣ прочіе его сыновья, хотя по родству намъ уже внучата, но титулъ и содержаніе получаютъ равное съ назначеннымъ для великаго князя Константина. Дѣти второго сына сына нашего Александра на равной будутъ степени съ дѣтьми Константина, и все поколѣніе его подобно и того правомъ пользоваться должно. Дѣти старшаго сына сына нашего Александра раздѣленіе между собой имѣтъ будутъ согласное съ раздѣленіемъ, назначеннымъ для дѣтей нашихъ, и старшій потому будетъ наслѣдникъ, а младшіе получаютъ равную степень въ титулахъ и пенсіяхъ съ опредѣленными для второго сына нашего, и такъ далѣе во всѣ послѣдующіе ряды поколѣній Императорской крови. Изъ всего сказаннаго и заключается, что всѣ старшіе отъ старшаго поколѣнія происшедшіе, доколѣ Фамилія Наша существуетъ, почитаемы быть должны касательно до преимуществъ и содержанія, какъ наслѣдники. Всѣ младшіе сихъ старшихъ поколѣній, яко сыновья опредѣленнаго для заступленія Престола, считаются будутъ сыновьями Императора съ предположенными для нихъ правами.“

Подъ это опредѣленіе сыновей Императора подойдутъ всѣ лица мужского пола отъ Царствовавшихъ Императоровъ, то есть всѣ агнаты Дома. Ихъ порядокъ преемства и регу-

лируется, какъ основной, въ первую очередь въ вышеуказанныхъ статьяхъ 28 и 29. Устанавливается наслѣдованіе по линіямъ съ предпочтеніемъ линіи старшаго сына, исключаящей линіи младшихъ сыновей; дѣти и потомки старшаго сына исключаютъ еще живущаго втораго сына. Въ нѣмецкой терминологіи линія старшаго сына именуется главной линіей, а другія побочными; но въ то же время понятіе главной линіи является относительнымъ, ибо кругъ лицъ, входящихъ въ нее измѣняется въ зависимости отъ того, кого изъ обладателей трона мы возьмемъ за исходный пунктъ; чѣмъ ближе онъ къ намъ въ порядкѣ времени, тѣмъ уже кругъ лицъ, относящихся къ главной линіи. Въ линію отца, занимающаго тронъ, включены всѣ линіи его сыновей. Наконецъ, главная линія въ нѣмецкой терминологіи не есть непременно старшая, ибо, въ случаѣ занятія Престола младшей линіей, если въ старшей линіи нѣтъ соотвѣтствующихъ требованіямъ закона наслѣдниковъ, эта младшая линія становится главной, по отношенію къ которой всѣ другія являются побочными. Главной линіей, такимъ образомъ, является линія царствующая, а всѣ другія — нецарствующими линіями Царствующаго Дома, хотя бы онѣ были и старшими.

Прежде, чѣмъ перейти къ принципу первородства и разсмотрѣнію вложенныхъ въ него идей, надо указать на то, что весь этотъ агнатскій порядокъ престолонаслѣдія является именно основнымъ, по отношенію къ которому наслѣдованіе женщинъ и когнатовъ является порядкомъ субсидіарнымъ, не только у насъ, но и вообще въ нѣмецкомъ правѣ, откуда до мельчайшихъ подробностей заимствованы всѣ основные принципы нашего престолонаслѣдія.

Въ большей части нѣмецкихъ государствъ наслѣдованіе женщинъ и вообще когнатовъ или вовсе исключено, какъ въ Пруссіи, Ольденбургѣ, Кобургъ-Гота, Ангальтѣ, Веймарѣ, обоихъ Рейссахъ, въ обоихъ Мекленбургахъ, или же допущено субсидіарно, именно: въ Австріи, Баваріи, Вюртембергѣ, Брауншвейгѣ, Гессенѣ, Саксоніи, Мейнингенѣ, Шаумбургъ-Липпе, Рудольфштадтѣ, Зандергаузенѣ и Вальденѣ (въ Баденѣ при этомъ допускаются къ престолонаслѣдію только мужскіе потомки принцессъ, но не онѣ сами). Предположеніе противъ наслѣдованія когнатовъ всегда подразумѣвается и въ нѣмецкомъ государственномъ правѣ, и въ семей-

ныхъ статутахъ, и это вполне понятно, ибо въ основѣ системы наслѣдованія лежитъ ленное право; лены же въ принципѣ наслѣдовались только мужчинами, и наслѣдственное право женщинъ вводилось, какъ особое исключеніе въ силу особой Императорской привилегіи. Такъ было сдѣлано для Австріи въ 1156 году и для Брауншвейгъ—Люнебурга въ 1235 году.

Въ силу такого положенія, при отсутствіи особыхъ законодательныхъ опредѣленій, считалось возможнымъ умалить наслѣдственные права когнатовъ, установленныя нормами семейныхъ статутовъ, безъ ихъ согласія, чего не допускалось въ отношеніи агнатовъ. Такъ въ Шварцбургъ—Зондергаузенѣ, законъ котораго допускаетъ къ престолу наслѣдію женскія линіи, при пресѣченіи мужскихъ, введеніемъ въ Домъ съ правами престолонаслѣдія князя Сниццо Лейтенбергскаго была отдалена возможность перехода къ женскимъ линіямъ безъ ихъ согласія.*)

Въ женскихъ линіяхъ порядокъ престолонаслѣдія слѣдуетъ не праву первородства, а праву заступленія, обратному праву первородства, такъ и названному въ австрійскомъ правѣ „Rückwärtsprimogeniturordnung“. Изъ того, какъ онъ описанъ у насъ при заимствованіи изъ австрійскаго права видно, что таковымъ является онъ и у насъ. Дѣйствительно призывается къ престолонаслѣдію прежде всего ближайшая родственница послѣднецарствовавшаго представителя мужскихъ линій, то есть самой младшей линіи, въ виду порядка наслѣдованія въ мужскихъ линіяхъ по старшинству линій; наслѣдованіе женскихъ линій такимъ образомъ пойдетъ не отъ старшихъ линій къ младшимъ, а отъ младшихъ къ старшимъ. Призывъ ближайшей родственницы послѣднецарствовавшаго вноситъ еще иной принципъ въ сравненіи съ наслѣдованіемъ мужскихъ линій, ибо призывается лицо, ближайшее не по линіи, а по степени.

При установленіи у насъ этого субсидіарнаго порядка наслѣдованія законодателю пришлось установить особыя предписанія на тотъ случай, когда Престоль дойдетъ до такого лица, которое и царствуетъ на другомъ Престолѣ, и исповѣдуетъ иную вѣру. Ради того, чтобы избѣжать такого

*) Rehm.Mod. Fürst., 208 стр.

положенія, когда не законъ. а люди оказались бы вынужденными избирать носителя короны въ силу престѣченія мужского поколѣнія агнатовъ и избѣжать связанныхъ съ этимъ смутъ законодатель допустилъ къ наслѣдованію женскія линіи но установилъ для наслѣдующаго въ женской линіи требованіе отреченія отъ инославнаго исповѣданія съ указаніемъ что, если этого отреченія не послѣдуетъ, то онъ призываетъ къ престолонаслѣдію слѣдующее лицо, отвѣчающее вѣроисповѣднымъ требованіямъ. Лишь въ этомъ крайнемъ случаѣ въ (женскихъ линіяхъ) законодатель допустилъ отступленіе отъ вѣроисповѣдныхъ правилъ, особо повышенныхъ для всякаго лица, могущаго наслѣдовать Престоль и по этому обязаннаго удовлетворять всѣмъ требованіямъ законъ и принциповъ, вложенныхъ въ Императорское достоинство самой идеей этого учрежденія.

Дѣлать изъ этого факта допущенія къ престолу слѣдію лица, которое до открытія этого престолонаслѣдія само исповѣдывало инославную вѣру,—допущенія, сдѣланнаго законодателемъ лишь въ крайнемъ случаѣ и при томъ въ порядкѣ субсидіарнаго наслѣдованія—выводъ, что, слѣдовательно, законодатель индифферентенъ къ созданію уловій, могущихъ дать для трона наслѣдника, отвѣчающаго предстоящему ему сану, совершенно недопустимо. Между тѣмъ г. Корево (на стр. 24) дѣлаетъ заключеніе, что законъ даже не требуетъ отъ супруги такого лица перехода въ православіе, и слѣдовательно, полагаетъ онъ, возможенъ случай, когда супруга наслѣдника, супруга Императора или Супругъ Царствующей Императрицы оказались бы не православными. Дѣйствительно, въ этомъ крайнемъ случаѣ, такое положеніе возможно, но тотчасъ же новая воцарившаяся линія подпадаетъ подъ всѣ требованія для агнатскаго престолонаслѣдія и должна ассимилироваться въ слѣдующемъ же поколѣніи.*

Если бы г. Корево обратилъ вниманіе, что законодатель допускаетъ это положеніе въ послѣдней крайности, чтобъ избѣжать еще худшаго положенія, когда государство остается безъ наслѣдника, и притомъ въ субсидіарномъ, т

*) Само лицо, до котораго дошелъ Престоль, должно принять православіе, если не хочетъ терять право на Престоль; то же требованіе предъявляется закономъ и къ наслѣднику, слѣдующему за нимъ.

есть исключительномъ порядкѣ престолонаслѣдія, и если бы онъ исходилъ изъ пониманія царской власти, выработаннаго Церковью и вѣковыми традиціями нашей исторіи, — то онъ едва ли бы въ основу своего толкованія поставилъ принципъ индифферентнаго отношенія къ вопросамъ вѣры въ одномъ изъ тѣхъ учреждений, которое стояло вѣками на стражѣ нашей вѣры и высокой самобытной, своеобразной культуры, составляющей смыслъ существованія нашего государства. Забвеніе этого положенія и лютеранизированіе Императорскаго Дома уже показало свои плоды въ печальную эпоху отъ Петра I до Павла I и едва ли придется по сердцу русскимъ людямъ, нуждающимся сейчасъ въ восстановленіи оплота своей вѣры и національности въ эпоху господства инородныхъ и иновѣрныхъ принциповъ въ Россіи.

Точно также принципъ первородства, который хотять сдѣлать какимъ-то абсолютнымъ, безусловнымъ началомъ, являясь объективнымъ принципомъ, призваннымъ регулировать порядокъ престолонаслѣдія, вовсе не является такимъ безъ предъявленія всякихъ дальнѣйшихъ требованій къ лицу, могущему наслѣдовать Престолъ. Мы уже говорили о томъ, что принадлежность къ Царствующей Фамиліи есть лишь первое и основное условіе для права на Престолъ; также и первородство не является абсолютнымъ принципомъ, а лишь указателемъ пути, по которому надо искать престолонаслѣдника, отвѣчающаго требованіямъ закона; первый, въ порядкѣ первородства, отвѣчающій этимъ требованіямъ, и призывается къ престолонаслѣдію.

Именно такъ и понимается всюду принципъ первородства. Государства, принявшія его, устанавливають и другія требованія для престолонаслѣдія, напримѣръ, требованіе исповѣданія опредѣленной религіи, и, если лицо не отвѣчаетъ этимъ требованіямъ, то законъ призываетъ слѣдующее за нимъ лицо въ порядкѣ первородства, то-есть принципу первородства вовсе не усвоается того значенія, что первое лицо въ порядкѣ первородства освобождается отъ всѣхъ требованій закона. Въ этомъ же можетъ насъ утвердить и разсмотрѣніе тѣхъ мыслей, которыя связывались съ идеей первородства.

Намѣченный еще въ Московскую эпоху, принципъ первородства не былъ тамъ абсолютнымъ началомъ; при Іоаннѣ III,

во время борьбы между его внукомъ Дмитріемъ и сыномъ Іоанна Василіемъ, онъ былъ нарушенъ, но и шелъ себѣ защитниковъ въ лицѣ бояръ, положившихъ за нѣго жизни (князь Ряполовскій). Послѣ онъ регулировалъ до конца Рюриковской династіи порядокъ престолонаслѣдія, а также и въ новой династіи до воцаренія Петра I, занявшаго Престолъ уже съ нарушеніемъ порядка первородства. Въ Московскую эпоху этотъ принципъ только чувствовался, какъ норма, могущая внести извѣстный порядокъ, но онъ не былъ окончательно укрѣпившимся въ сознаніи и былъ, конечно, далекъ отъ облеченія въ стройную систему. Московское право вообще творилось ощупью, прецедентами и даже въ законодательныхъ памятникахъ закрѣплялись лишь нажитые обычаи безъ внесенія новыхъ разработанныхъ принциповъ.

Облеченіе принципа въ стройную систему было совершено Императоромъ Павломъ, рецепировавшимъ его въ томъ видѣ, какъ онъ былъ разработанъ въ нѣмецкомъ правѣ. Какъ же смотрѣло на него нѣмецкое право? Одинъ изъ классическихъ знатоковъ княжескаго права Rehm говоритъ: „Die Aufstellung des Primogeniturprinzips in Staatsgesetz drückt aus dasz für den Staat letztwillige Verfügungen unferbindlich sind durch welche Nachgeborene den Vorgeborenen vorgesetzt werden,“ то есть установленіе принципа первородства въ государственномъ законѣ означаетъ то, что для государства необязательны завѣщательныя распоряженія, которыя передаютъ Престолъ послѣрожденнымъ предпочтительно передъ раншерожденными.

Такимъ образомъ, въ нѣмецкомъ правѣ недопустимы завѣщанія, но допустимы соглашенія объ измѣненіи очереди престолонаслѣдія между лицами, могущими быть призванными къ замѣщенію Престола, и этимъ принципъ первородства не считается нарушеннымъ. Рема допускаетъ такіе соглашенія не только между отдѣльными лицами, но и между цѣлыми линіями и даже отдѣльными Домами. „Auch hier,“ говоритъ онъ, „der Fassungssatz von der Reihenfolge der Linien nach dem Alter nicht verletzt denn dieser Rechtssatz bedeutet nur: Ausschluss von gekorenen Erben (testamentarischer Thronfolgebestimmung), nicht Ausschluss von Verträgen welche in bezug auf Thronfolgeleihe lediglich

als Rangsausveichung wirken.“ То есть, и въ этомъ случаѣ конституціонный принципъ наслѣдованія линій по старшинству не нарушается, ибо этотъ юридическій принципъ означаетъ только исключеніе наслѣдниковъ, опредѣленныхъ черезъ завѣщательное распоряженіе, а не исключеніе договоровъ, которые въ отношеніи порядка престолонаслѣдія касаются уступки очереди. Если выполнение этихъ договоровъ въ государствѣ дѣлаетъ необходимымъ соотвѣтственное измѣненіе въ государственномъ законѣ о престолонаслѣдіи, то этимъ не затрагивается ихъ обязательная сила въ нѣдрахъ Дома подобно тому, какъ дѣйствительность международныхъ договоровъ не зависитъ отъ того, что ихъ выполненіе зависитъ отъ проведенія ихъ въ палатахъ.

Такія сужденія не остаются въ области доктрины, а напротивъ, въ теченіе 19 вѣка были нормами положительнаго нѣмецкаго права. Такъ Греческій Король Оттонъ въ 1836 г. условно отказался отъ Баварскаго Престола, уступивъ свое право и право своей линіи на занятіе Престола, при наличіи извѣстныхъ условій, линіи послѣрожденной при предоставленіи ему апанажей въ Баварской Палатѣ на это посмотрѣли, какъ на субъективное измѣненіе въ порядкѣ престолонаслѣдія, не покушающееся на объективное право, установленное государственнымъ закономъ. Такъ Основной Законъ Шварцбургъ-Зондергаузена отъ 8 іюня 1857 года устанавливаетъ наслѣдственность Престола въ мужскомъ поколѣніи Княжескаго Дома по праву первородства и по порядку линій. Въ случаѣ полного прекращенія мужского поколѣнія въ Княжескомъ Шварцбургскомъ Общемъ Домѣ Престоль по закону переходитъ къ женской линіи. Въ 1896 г. были изданы новые законы о престолонаслѣдіи для Шварцбургъ-Рудольштадта и Шварцбургъ-Зондергаузена, которые признали для своихъ государствъ соглашеніе о наслѣдованіи, состоявшееся между Домами Рудольштадта и Зондергаузена въ лицѣ всѣхъ агнатовъ Дома. Въ качествѣ ихъ представителей выступали оба царствующіихъ Государя, а со стороны Дома Зондергаузена еще братъ Государя, принцъ фонъ-Лейтенбергъ, происшедшій отъ неравнороднаго второго брака покойнаго князя Фридриха

Гюнтеръ фонъ Рудольштадтъ, затѣмъ двоюродный братъ царствующаго въ Рудольштадтѣ Государя въ качествѣ равнороднаго агната Шварцбургскаго Общаго Дома; оба агната Зондергаузеновскаго Дома уступили этому новому агнату очередь престолонаслѣдія въ Рудольштадтѣ и дали ему право престолонаслѣдія и въ Зондергаузенѣ. Для сообщенія юридической силы этому соглашенію въ государственномъ правѣ былъ изданъ въ каждомъ изъ государствъ соотвѣтствующій законъ. Изданный 1 іюня 1896 г. въ Рудольштадтѣ законъ гласитъ: „Къ наслѣдованію нашего княжества, въ случаѣ нашей смерти безъ мужского потомства, въ силу состоявшагося 21 апр. 1896 г. между всѣми агнатами Княжескаго Общаго Дома призывается князь Сиццо фонъ-Лейтенбергъ и его потомство, а, въ случаѣ отсутствія такового, агнаты Дома Зондергаузенъ, въ силу Княжескаго семейнаго Статута отъ 7 сент. 1713 года“.

Эти примѣры, вполнѣ согласные съ сословно-правовымъ строеніемъ нѣмецкой монархіи, число которыхъ можно было бы увеличить, показываютъ, что принципъ первородства на мѣстѣ своей родины, гдѣ онъ разработанъ, вовсе не имѣетъ того абсолютнаго значенія, которое хотятъ у насъ въ него вложить, и имѣетъ своей цѣлью лишь исключить вмѣшательство завѣщательной воли царствующаго Государя. Если этотъ принципъ допускаетъ нарушеніе его волею людей, то тѣмъ болѣе допустимо, что онъ можетъ быть подчиненъ другимъ объективнымъ нормамъ, вытекающимъ изъ самаго закона и идеи того самого учрежденія, въ которомъ принципъ первородства призванъ быть регуляторомъ, лишь указывающимъ путь исканія наслѣдника, соотвѣтствующаго требованіямъ закона. Но принципъ этотъ никоимъ образомъ не утверждаетъ, что всѣ слѣдующіе въ очереди по праву первородства въ силу одного этого уже призываются къ престолонаслѣдію.

XIII.

ПРИНЦИПЪ РАВНОРОДСТВА.

Ст. 188 и 36 Осн. Зак

Согласно ст. 188 Осн. Зак. „Лицо Императорской Фамилии, вступившее въ брачный союзъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣственнаго достоинства, то есть не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣтельному Дому, не можетъ сообщить оному правъ, принадлежащихъ Членамъ Императорской Фамилии.“ Дѣти слѣдуютъ состоянію родителѣ, принадлежащаго къ худшему состоянію, по нѣмецкому принципу „der ärgeren Hand.“ Достаточно взглянуть на браки Московскихъ царей, чтобы увидѣть, что Московской эпохѣ этотъ принципъ былъ вовсе неизвѣстенъ. Если Іоаннъ III былъ женатъ на Маріи Тверской и во второй разъ на Софіи Греческой, то есть на представительницахъ владѣтельныхъ или царствовавшихъ Домовъ, то въ бракахъ послѣдующихъ Царей встрѣчаемъ мы по преимуществу браки на подданныхъ: Василій III первой женой имѣлъ Соломонію Сабурову, второй Елену Глинскую, Іоаннъ IV Анастасію Романову; Ѳеодоръ Іоанновичъ Ирину Годунову, Михаилъ Ѳеодоровичъ Марію Долгорукую и Евдокію Стрѣшневу; Алексѣй Михайловичъ Марію Милославскую и Наталію Нарышкину; Петръ I Евдокію Лопухину и Екатерину Алексѣевну.

Роды, къ которымъ принадлежали эти лица, большей частью вовсе не занимали сувереннаго въ государственномъ смыслѣ положенія или утратили его давнымъ давно къ моменту ихъ бракосочетанія поступленіемъ на Московскую службу, не говоря уже о томъ, что среди нихъ встрѣчаются и лица низшаго соціальнаго положенія, какъ Екатерина, жена Петра I. Перемена наступаетъ съ воцареніемъ въ лицѣ Петра III Голштейнъ - Готторпскаго Дома. Съ нимъ начинаются браки на нѣмецкихъ принцессахъ изъ Царствующихъ въ нѣмецкихъ государствахъ Домовъ. Такъ Петръ III

былъ женатъ на принцессѣ Ангальтъ-Цербстской, Павелъ I въ первый разъ на принцессѣ Гессенъ-Дармштадтской, во второй разъ на принцессѣ Вюртембергской, Александръ I на принцессѣ Баденской, вел. кн. Константинъ Павловичъ въ первый разъ на принцессѣ Саксенъ Зальфельдъ Кобургской, Николай I на принцессѣ Прусской, вел. кн. Михаилъ Павловичъ на принцессѣ Вюртембергской.

Передъ тѣмъ, какъ вел. кн. Константинъ Павловичъ женился во второй разъ 12 мая 1820 г. на польской графинѣ Іоаннѣ Грудзинской, послѣдовалъ манифестъ Александра I отъ 20 марта 1820 года, по которому лица Императорской Фамиліи, вступая въ неравнородный бракъ, не могли сообщать преимуществъ, принадлежащихъ Членамъ Императорской Фамиліи, другому лицу, и дѣти отъ такого брака не имѣли; права наслѣдовать Престолъ. Понятіе неравнородства было принесено изъ нѣмецкаго права, гдѣ оно составляло сложныя таблицы расчетовъ, сложностью своей напоминающія наше старое наслѣдственное преемство служебныхъ отношеній въ Московскую эпоху, извѣстное подъ названіемъ мѣстничества, хотя оно было нѣчто отъ него совершенно отличное. Статутъ каждаго высокодворянскаго Дома опредѣлялъ, какой бракъ признается для его членовъ равнороднымъ; право это могло быть писанымъ или составлять домашній обычай, наличность котораго удостовѣрялась семейнымъ совѣтомъ; поскольку не устанавливалъ правъ статутъ Дома, примѣнялось общее княжеское право.

Чтобы опредѣлить основныя его черты, приходится заглянуть нѣсколько назадъ, въ нѣмецкую исторію. Одни рѣшающимъ моментомъ для возникновенія этого понятія считаютъ время 14 вѣка, именно былъ ли Домъ свободнымъ или несвободнымъ въ то время. Другіе считаютъ, что послѣднее воспоминаніе о несвободѣ рыцарскаго сословія исчезло въ 14 вѣкѣ, и что принципъ равнородства высокаго дворянства въ новое время 17 и 18 вѣка не связанъ ни исторически, ни юридически съ средневѣковымъ принципомъ 14 вѣка, который нашелъ свой конецъ много раньше, чѣмъ возникъ новый принципъ. Именно тотъ первый принципъ былъ приконченъ рецепціей римскаго права въ 1450—1550 годахъ въ Германіи. Римское же право позднѣйшей эпохи

не знаетъ о раниченіи браковъ между свободными; мать по римскому праву, независимо отъ принадлежности къ болѣе высшему или болѣе низшему сословію въ сравненіи съ мужемъ, раздѣляетъ всегда состояніе мужа, а дѣти слѣдуютъ состоянію отца.

При господствѣ въ юридической литературѣ до второй половины 17 вѣка въ Германіи римскихъ юридическихъ принциповъ, бракъ лица высокаго дворянства со всякимъ свободнымъ лицомъ считался равнороднымъ. Но уже съ начала 17 вѣка выскодворянскіе Дома начали вводить въ свои статуты, а затѣмъ и судебная практика и литература во второй половинѣ 17 вѣка стала прозодить взгляды, что въ Домахъ, принадлежащихъ къ чинамъ Священной Имперіи, только равнородные браки даютъ право наслѣдованія. Къ половинѣ 18 вѣка этотъ принципъ утвердился. Основой для него послужило то же стремленіе, что и выросшему съ конца 15 вѣка принципу первородства и недѣлимости территоріи, именно желаніе поддержать блескъ и по оженіе Дома. Такое намѣреніе ясно указано въ договорѣ о наслѣдствѣ между Брандербургами и Гогенцоллернами 30 янв. 1707 года, а также и въ Имперской избирательной Капитуляціи 1742 г., то есть въ Имперскомъ Законѣ. „Nicht eines der geringsten ist so zum perpetuirlichen flor und lustre durchlängtigster Häuser was groszes beitragen Kann das ein hohes Geblüth sich auch mit gleichen seines Standes und Herkommens ferbinde und nicht durch ungleiche geringe Heirathen ferkleinert und ferächtlich gemacht werde.“*) На сравнительную недавность принципа равнородства указы ваетъ и то, что въ средніе вѣка князь противопоставлялся барону и графу, а въ новое время они стоятъ вмѣстѣ; измѣнилось и понятіе князя. Съ 16 вѣка графы и бароны являются членами Имперскаго Совѣта Государей; новое понятіе князя употреблялось для обозначеніе части Имперскаго Рейхстага, какъ особаго чина.

Въ теченіе 16 вѣка Рейхстагъ получилъ твердую организацію и былъ раздѣленъ на три коллегіи съ точнымъ обозначеніемъ участниковъ: князья, графы и бароны составили одну коллегію; ихъ объединяла теперь принадлежность къ одному чину. Въ положеніи высокаго дворянства ока-

* Rehm Mod. Fürst., 157 стр.

залась совокупность Домовъ, составляющихъ Имперскій чинъ. Принципъ признанія равнородства между этими Домами образовался постепенно, ибо между князьями, графами и баронами была большая социальная разниа, и самое положеніе ихъ въ коллегіи Рейхстага было неодинаково; князья въ ней занимали болѣе вліятельное положеніе, подавая голоса поименно, а графы, сидѣвшіе на однѣхъ скамьяхъ съ баронами, составляли голоса по куріямъ. Въ концѣ 18 вѣка въ нѣмецкомъ Рейхстагѣ было 56 отдѣльныхъ голосовъ князей, 5 княжескихъ голосовъ по куріямъ и только 4 графскихъ голоса по куріямъ; причемъ 5 княжескихъ голосовъ подавались 12 князьями, а 4 графскихъ голоса 103 графами, Соотвѣтственно этому графскіе и баронскіе Дома и при бракахъ не считались равнородными княжескимъ.

Изъ дальнѣйшаго развитія Имперскаго сословнаго права чиновъ пошло и дальнѣйшее развитіе принципа равнородства, и преимущества равнородства распространились на принадлежащихъ къ низшему дворянству, по крайней мѣрѣ, на Имперскихъ графовъ. Сами графы и бароны долго въ силу ихъ невысокаго хозяйственнаго положенія считали равнородными браки со всѣми вообще свободными лицами. Съ 17 столѣтія принадлежность къ Имперскому чину пріобрѣла особо важное значеніе, ибо вступленіе въ него было весьма затруднено и было связано, во первыхъ, съ необходимостью владѣнія территоріей, подчиненной непосредственно Имперіи, а во вторыхъ, обусловливалось согласіемъ Рейхстага. Дома, входившіе въ этотъ чинъ до 1600, года составили старые княжескіе и графскіе Дома, а вошедшіе послѣ 1600 года отнесены къ новымъ княжескимъ и новымъ графскимъ.

Выгоды изъ этого раздѣленія въ смыслѣ повышенія родовой чести извлекли старые княжескіе Дома; новые же княжескіе Дома, вышедшіе изъ старыхъ графскихъ и баронскихъ, не могли не признавать равнородства браковъ съ тѣми, изъ среды которыхъ они только что сами вышли; для новыхъ княжескихъ и графскихъ фамилій считались равнородными браки съ низшимъ дворянствомъ. Съ середины 17 вѣка расчеты еще усложнились тѣмъ, что Императоръ, не имѣя права вводить въ Имперскій сословный чинъ, могъ

однако давать сословные титулы; черезъ полученіе княжескаго титула появились Имперскіе графскіе Дома съ княжескимъ титуломъ, появились, наконецъ, съ титулами графовъ и бароновъ Дома, вовсе не входящіе въ Имперскій чинъ (рыцарскіе), появились титулы Имперскихъ бароновъ.

Между всѣми этими Домами происходили сложные расчеты по равенству и неравенству родовъ при брачныхъ сочетаніяхъ, приче́мъ фактическое развитіе уклонилось отъ строго логическихъ выводовъ. Ясно только одно, что принципъ равнородства выросъ на почвѣ принадлежности къ Имперскому чину, входящему въ составъ Имперскаго Рейхстага, каковая мысль выражена въ избирательной капитуляціи Карла VII 1742 г. Тамъ говорится о дѣтяхъ Имперскихъ сословій отъ безспорно извѣстныхъ мезальянсовъ. Въ Наполеоновское время большое количество Домовъ было медиатизировано и лишено черезъ это непосредственнаго отношенія къ Имперіи; это еще болѣе усложнило расчеты равнородства. Принципъ равнородства регулировалъ браки среди дворянскихъ родовъ, онъ же регулировалъ и брачныя сочетанія Царствующихъ Домовъ въ силу уже ихъ принадлежности къ высокому дворянству и чисто сословнаго характера нѣмецкихъ государствъ.

Что касается княжескаго общаго права, выработаннаго относительно брѣковъ, то тамъ установлены были до послѣдняго времени слѣдующія положенія: 1) для всѣхъ Домовъ, принадлежавшихъ къ Имперскимъ чинамъ, считается мезальянсомъ бракъ съ лицами недворянскаго сословія, 2) для курфюрстскихъ и старыхъ княжескихъ Домовъ, то есть Домовъ, имѣвшихъ до 1600 года право голоса и входившихъ въ Имперскій чинъ, считался при сомнѣніи мезальянсомъ бракъ съ лицами дворянскихъ родовъ, не входящихъ въ составъ Имперскихъ чиновъ, хотя бы и принадлежавшихъ къ дворянству, непосредственно подчиненному Имперіи, даже если они имѣли титулъ и рангъ Имперскаго князя, Имперскаго графа и Имперскаго барона. Кромѣ Членовъ Домовъ, принадлежащихъ къ Имперскому чину, равнородными по общему княжескому праву считаются потомки семей, которые царствовали въ Германіи послѣ 1815 года, а также потомки внѣнѣмецкихъ европейскихъ христіанскихъ Домовъ, царствовавшихъ или царствующихъ въ качествѣ международно-

признанныхъ династій въ международно-признанныхъ государствахъ.

Принципъ равнородства признанъ былъ до послѣдняго времени только въ нѣмецкихъ государствахъ Германіи, а также въ Австро-Венгріи, гдѣ дѣйствовало общее нѣмецкое княжеское право. Въ Россіи этотъ принципъ введенъ манифестомъ 20 марта 1820 года. Въ 1886 г. онъ былъ еще усиленъ требованіемъ для равнородства принадлежности къ одной изъ царствующихъ династій, такъ, что изъ равнородства исключались прежде царствовавшіе европейскіе Дома. Въ 1889 г. 23 марта Именнымъ Высочайшимъ Указомъ вовсе запрещены Членамъ Императорскаго Дома браки съ неравнородными лицами, но сила этого указа была нѣсколько ослаблена Именнымъ Указомъ отъ 11. авг, 1911 года, запретившаго таковыя браки только великимъ князьямъ и великимъ княжнамъ, разрѣшивъ ихъ, такимъ образомъ, для князей и княженъ Императорской крови.

Напротивъ, во всѣхъ другихъ государствахъ, кромѣ нѣмецкихъ и Россіи, то есть въ Англіи, Испаніи, Норвегіи, Швеціи Члены Царствующихъ Фамилій могутъ заключать браки полноправные для своего потомства съ лицами, даже не принадлежащими къ дворянству. Гарантійю того, что бракъ будетъ соотвѣтствовать своему назначенію и не будетъ понижать нравственнаго культурнаго уровня, всюду считается достаточнымъ дисциплинарный контроль царствующаго Государя. И въ этихъ государствахъ, не знающихъ понятія равнородства, Лица Царствующихъ Домовъ могутъ посредствомъ брачнаго договора исключить послѣлствія, вытекающія изъ полнотравнаго брака, то есть заключить по договору бракъ законный, но морганатическій, въ смыслѣ непредоставленія женѣ и дѣтямъ правъ, связанныхъ съ принадлежностью къ Царствующему Дому.

Такимъ образомъ, и въ этихъ государствахъ также возможны неравнородные браки, но принципъ этотъ, имѣя здѣсь соціальный характеръ, не имѣетъ юридическаго характера и не замкнутъ въ неподвижныя рамки нѣмецкаго права, требующаго иногда большихъ историко-юридическихъ изысканій для опредѣленія наличности или отсутствія равнородства.

Институтъ этотъ подвергся жестокой критикѣ даже въ Германіи въ научной литературѣ еще въ половинѣ 9 вѣка. Тогда это сдѣлалъ Робертъ фонъ М ль, теперь въ началѣ 20-го вѣка сдѣлалъ Ремъ, Онъ пишетъ:*) „кто изучаетъ съ историко-юридической точки зрѣнія принципъ равенордства, тотъ, безъ сомнѣнія, придетъ къ заключенію, что едвали существуетъ теперь поводъ сохранять принципъ равенордства, какъ юридическій принципъ: вѣдь, онъ былъ введенъ тогда, когда агнаты Царствующаго Дома не были подчинены государственной власти; теперь же, когда агнаты сдѣлались подданными и, въ виду наличности дисциплинарной власти Государя, подлежатъ его контролю при заключеніи браковъ,—падаетъ надобность въ этомъ принципѣ, какъ юридическомъ принципѣ, ибо онъ для многихъ членовъ Царствующихъ Домовъ можетъ просто сдѣлать невозможнымъ заключеніе браковъ “ Противъ этого принципа въ виду его бесполезности создавалась большая литература: противъ него писали Seydel Schulze. Такъ какъ конституціонные законы не опредѣляютъ точно принципъ равенордства, то литература рекомендуетъ совершить его уничтоженіе черезъ постановленіе семейныхъ статутовъ, или черезъ признаніе посредствомъ этихъ статутовъ лицъ неравенордныхъ за равенордныхъ. Такъ принципъ равенордства, выросшій на ленно-феодальной почвѣ сословной Нѣмецкой Имперіи, нигдѣ не нашелъ себѣ въ другомъ мѣстѣ въ Европѣ примѣненія; сослуживъ когда то службу въ смыслѣ поддержанія богатства и блеска Царствующихъ Домовъ, будучи продуктомъ той эпохи, когда агнаты не подчинялись власти Главы государства, онъ утратилъ смыслъ даже у себя на родинѣ и подвергся тамъ серьезной критикѣ.

Одновременно съ утратой признанія своей цѣнности у себя на родинѣ, онъ былъ рецепированъ въ 1820 г. русскимъ закономъ и даже при составленіи Свода помѣщенъ въ неизблемую часть Основныхъ Законовъ, а при пересмотрѣ Учрежденія объ Императорской Фамиліи еще болѣе усиленъ до размѣровъ, неизвѣстныхъ нѣмецкому праву, ибо кругъ равенордныхъ лицъ ограниченъ Домами Царствующими или

*) Rehm Mcd. Fürst 175 стр.

владѣтельными*) но неравнородные браки вовсе воспрещены великимъ князьямъ и княжнамъ.

Будучи продуктомъ феодально-аристократической среды, этотъ принципъ совершенно чуждъ русскому праву, пропитанному римско византійскими воззрѣніями, и едва ли имѣлъ свое оправданіе въ томъ *raison d'être*, который далъ ему жизнь въ Германіи — содѣйство ать блеску Дома. Когда законъ не ограничивается уясненіемъ и опредѣленіемъ живого юридическаго принципа, уже нормирующаго жизнь путемъ обычая, а вводитъ совершенно чуждый принципъ, онъ естественно создаетъ искусственныя побужденія для его соблюденія. Такъ поступилъ законодатель и въ данномъ случаѣ. Въ одной статьѣ — 188-ой онъ женѣ и дѣтямъ лица Императорскаго Дома, вступившаго въ неравнородный бракъ, отказываетъ въ *status'ѣ* Члена Императорскаго Дома (обыкновенно создается для особы, съ которой заключенъ морган. бракъ, новая фамилія: такъ, женѣ вел. кн. Константина Павловича дано имя княгини Ловицкой; супругѣ Александра II — имя княгини Юрьевской и т. д.); въ другой, 36-ой статьѣ законодатель говоритъ, что дѣти отъ такихъ браковъ не могутъ наследовать Престола.

Авторъ одной анонимной брошюры усматриваетъ въ этихъ постановленіяхъ закона санкцію закона о неравнородныхъ бракахъ и выводитъ отсюда заключеніе о томъ, что, гдѣ не указано такой санкціи, тамъ, слѣдовательно, законъ совершенно безразлично относится къ его неисполненію и не связываетъ для нарушающаго его никакихъ юридическихъ послѣдствій. Мы позже скажемъ о томъ, какъ современная юридическая наука учитъ о санкціи въ государственномъ правѣ. Пока же скажемъ, что въ данныхъ постановленіяхъ ст. 36 и 188, строго говоря, нельзя говорить о санкціи.

Санкція предполагаетъ наличность требованій или запрещеній и особенно умѣстна въ уголовномъ правѣ. Здѣсь же при неравнородныхъ бракахъ тѣхъ лицъ, кому они разрешены, даже нѣтъ на лицо и нарушенія закона. Напро-

*) Объемъ термина „владѣтельный“ въ русскомъ правѣ, за неимѣніемъ для этого источниковъ, мы не можемъ установить: означаетъ ли онъ вообще царствовавшія династіи (напр., Бурбоновъ, Бонапартовъ) или фамиліи, принадлежавшія къ нѣмецкимъ Имперскимъ чинамъ.

тивъ, мѳрганатическій бракъ можетъ быть совершенъ съ соблюденіемъ всѣхъ церковныхъ и государственныхъ законовъ съ разрѣшенія Царствующаго Государя, какъ это и бываетъ часто въ дѣйствительности. Здѣсь никто ни за какое нарушеніе закона не наказывается, лишь заранее опредѣляется status лицъ неравнородныхъ, вступившихъ въ бракъ съ Членомъ Императорскаго Дома.

Еще два слова о принципѣ равнородства. Г. Корево на стр. 89 и 90 говоритъ, что „заключеніе браковъ лицъ Императорскаго достоинства, при условіи особыхъ требованій соотвѣтственнаго по происхожденію достоинства, сопряжено съ значительными затрудненіями. Поэтому законодатель не могъ де установить столь суроваго правила, которое требовало бы отъ невѣстъ всѣхъ лицъ мужскаго пола Императорскаго Дома предварительнаго воспріятія православія. Какъ извѣстно, пишетъ онъ, принцессы католическаго исповѣданія строго держатся своего исповѣданія, среди принцессъ протестантскихъ вѣроученій не встрѣчается столь много особъ, которыя признавали бы преимущества православной вѣры и соглашались на ея воспріятіе. Принцессы православныхъ мало и то уже въ родственныхъ Домахъ. Суровость вѣроисповѣдныхъ требованій лишь увеличить число мѳрганатическихъ браковъ; и черезъ это суживается кругъ лицъ, имѣющихъ права на Престоль.“ Какъ же выйти изъ такого затруднительнаго положенія? Г-нъ Корево выходитъ, стараясь искусственно извратить прямой смыслъ ст. 185-ой и сузить кругъ лицъ, къ которымъ предъявляются извѣстныя вѣроисповѣдныя правила, то есть не останавливается передъ возможностью внутренняго разложенія Учрежденія, созданнаго православіемъ.

Можно бы искать выхода для облегченія браковъ лицамъ Императорскаго Дома въ другомъ направленіи — уничтожить чуждый русскому праву принципъ равнородства, выросшій въ монархіи сословной въ совершенно чуждыхъ намъ историческихъ обстоятельствахъ. Казалось бы логичнѣе уничтожить институтъ намъ не свойственный и всюду отвергаемый, чѣмъ разрушать, тотъ, который вытекаетъ изъ самой идеи царской власти, какъ учрежденія церковнаго; ибо Русская монархія выросла не изъ сословій, а изъ Церкви

и может игнорировать институты, созданные сословным строемъ, къ тому же чужимъ, но не может игнорировать институтовъ, вытекающихъ изъ ея органической связи съ создавшей ее Церковью.

Что касается незыблемости принципа равнородства, то не существуетъ въ свѣтскомъ правѣ *lex in perpetuum valitura*, и принципу незыблемыхъ для монарха законовъ не можетъ противорѣчить уничтоженіе его властью юридическихъ принциповъ, уже не отвѣчающихъ болѣе общему правосознанію и потерявшихъ свой смыслъ. Какъ извѣстно и наши незыблемые законы о престолонаслѣдіи подвергались измѣненіямъ: такъ, на примѣръ, они не знали сначала при изданіи Акта 5 апр. 1797 г. принципа равнородства вплоть до 1820 г. А святость по вѣга православнаго царя и его сана не можетъ быть ни усилена, ни ослаблена никакимъ инымъ блескомъ, никакими сочетаніями: можно по этому поводу вспомнить переписку Грознаго съ высокородной англійской королевой Елисаветой; понятіе равнородства—чисто сословное понятіе и не можетъ ничего прибавить къ тому, что держится на самоцвѣтномъ блескѣ нравственнаго подвига.

XIV.

О НЕЗЫБЛЕМОСТИ ОСНОВНЫХЪ ЗАКОНОВЪ. ОБЪ ОСНОВНЫХЪ ТРЕБОВАНИЯХЪ ДЛЯ ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІЯ АГНАТОВЪ.

Постановленія Основныхъ Законовъ можно раздѣлить на три разряда по способу ихъ измѣненія: 1) особо незыблемыя для самого монарха, 2) тѣ, объ измѣненіи которыхъ возбуждать инициативу можетъ только монархъ и 3) тѣ, которыя могутъ быть измѣнены имъ единолично при соблюденіи извѣстныхъ ограниченій, вытекающихъ, какъ изъ ст. 125 Осн. Зак., такъ и изъ наличности особо незыблемыхъ законовъ, составляющихъ въ нашемъ подраздѣленіи первую группу.

Что касается этой первой группы, ограничивающей монарха при всѣхъ прясвленіяхъ его власти, то одни постановленія касаются правилъ престолонаслѣдія, установленныхъ въ ст. 25-39, а другія вытекаютъ изъ самого понятія царской власти, какъ Священнаго Чина, и ея связанности въ вопросахъ вѣры и Церкви. Это понятіе воспринято нашими Основными Законами 1) въ ст. 57 и 58 о священномъ коронованіи и миропомазаніи, 2) статьями 62-64 въ отдѣлѣ о вѣрѣ и 3) во всѣхъ статьяхъ, являющихся развитіемъ принциповъ, установленныхъ въ главахъ о священномъ коронованіи и о вѣрѣ; такъ напр. статья 185 въ скобкахъ содержитъ указаніе на ст. 62, какъ внутренне съ ней связаную, а подъ собой содержитъ ссылку на тотъ же принципъ, признающій Государя, какъ Главу Церкви, установленный въ актѣ 5 апр. 1797 г. за № 17910, которому присягаетъ Государь дважды: при вступленіи на Престолъ и при коронованіи. Содержаніе этого принципа указано въ ст. 64, устанавливающей, что Государь есть верховный защитникъ вѣры и блюститель правовѣрія. Подъ той же статьей есть ссылка на актъ церковнаго законодательства Выссчайше утвержденное заклю-

чение Синода отъ 24 апр. 1841 года. Сначала будемъ говорить о статьяхъ 25-39, касающихся порядка престолонаслѣдія. Въ этотъ отдѣлъ отнесена первая часть постановленій акта 5 апр. 1797 г. за № 17910. На присягѣ Государя и основывается ихъ особая прецептивная для самого Императора сила.

На практикѣ незыблемость эта понималась относительно, и не могло быть иначе, ибо нѣтъ свѣтскихъ законовъ вѣчныхъ и всѣ они продолжаютъ существовать *rebus sic stantibus*. Незыблемость требуетъ сохраненія основной идеи закона—назначеніе наслѣдника закономъ самимъ и независимости престолонаслѣдія отъ воли царствующаго Государя, устраненіе его воли отъ выбора конкретнаго наслѣдника; она не можетъ однако абсолютно устранить возможность изданія правилъ общаго характера, опредѣляющихъ отношенія будущія. Напр., съ измѣненіемъ правовыхъ возрѣній возможно констатированіе закономъ уже измѣнившихся въ правосознаніи понятій. Такъ напр., не видно, почему Государь не можетъ уничтожить принципъ равенства, не отвѣчающій болѣе тѣмъ политико-юридическимъ возрѣніямъ, которыя его породили въ 17 в. Но Государь не можетъ дѣлать такихъ нововведеній, которыя поражаютъ основную идею Царской власти—быть выразителемъ нравственнаго идеала народа и носителемъ власти, обязаннымъ ею только Божьему Промыслу, а не многоятежнаго челоувѣчества хотѣнію. Это понятіе, какъ вытекающее изъ христіанской религіи есть въ идеѣ Закона Священный и потому составляетъ *lex in perpetuum valitura*.

На практикѣ законъ о преемствѣ Престола подвергался нѣкоторымъ измѣненіямъ и послѣ Павла I. Въ него вносились дополненія: такъ Императоръ Александръ I издалъ правило о неравнородныхъ бракахъ въ манифестѣ 20 марта 1820 года. Тамъ говорилось: „Мы признали за благо для непоколебимаго сохраненія достоинства и спокойствія Императорской Фамиліи и самой Имперіи Нашей присовокупить къ прежнимъ постановленіямъ слѣдующее дополнительное правило: если какое лицо изъ Императорской Фамиліи вступить въ брачный союзъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то есть не принадлежащимъ ни къ

какому Царствующему или владѣтельному Дому, въ такомъ случаѣ Лицо Императорской Фамиліи не можетъ сообщить другому правъ на наслѣдованіе Престола.* Правило это составило теперешнюю ст. 36 Осн. Зак., а правило о непринадлежности къ Императорскому Дому неравнородной супруги и дѣтей отъ неравнородныхъ браковъ ст. 188, лишній разъ показывая, что понятіе принадлежности къ Императорскому Дому и право на Престолъ не равнозначны и въ глазахъ закона.

Хотя манифестъ 29 марта 1820 г. лишь дополнялъ правила престолонаслѣдія, но онъ по существу ихъ измѣнялъ, поскольку возможное потомство Лица Императорскаго Дома отъ неравнороднаго брака, могущаго наслѣдовать по праву первородства, этимъ нововведеніемъ отъ Престола устраняется. Это лишній разъ показываетъ, что и въ этомъ случаѣ законодатель не усматривалъ въ принципѣ первородства принципа абсолютнаго, которымъ онъ, впрочемъ, нигдѣ и никогда не былъ. Онъ оставался лишь путеводной звѣздой къ указанію очереди для престолонаслѣдія, но нигдѣ не являлся какъ единственное требованіе закона для престолонаслѣдія.

Въ другое время другія прибавленія были сдѣланы въ незыблемой части Осн. Законовъ въ другія царствованія. Такъ Императоръ Николай I ввелъ статьи 37 и 38 объ отреченіи отъ правъ на Престолъ; при кодификаціи законовъ о престолонаслѣдіи въ женскомъ поколѣніи были замѣнены выраженія „мой“, „моей“ словомъ „Императоръ Родоначальникъ.“ Императоръ Александръ III въ 1886 г. производилъ общій пересмотръ Учрежденія объ Императорской Фамиліи и совершенно измѣнилъ, между прочимъ, ст. 142-ю, а въ 1889 г. возстановилъ дѣйствіе прежней У насъ нѣтъ въ распоряженіи соотвѣствующихъ актовъ для документальнаго подтвержденія, но и понятіе равнородства мѣнялось: то размѣлись подъ равнородными лица только Царствующихъ Домовъ, то вмѣстѣ съ ними и лица Царствовавшихъ ранѣе Домовъ.

Но понятію незыблемости Осн. Законовъ и всему ихъ смыслу и духу абсолютно противорѣчитъ изданіе Царствующимъ Государемъ конкретнаго распоряженія по отношенію

къ конкретному лицу Императорскаго Дома, касающагося его права на Престолъ. Самъ законъ указываетъ предѣлы вліянію воли Государя на престолонаслѣдіе. Таъ косвенно оно возможно по закону, поскольку законъ предоставляетъ право Государю разрѣшать или не разрѣшать браки Членамъ Императорскаго Дома и тѣмъ косвенно вліять на права престолонаслѣдія этого потомства, но онъ не можетъ касаться правъ престолонаслѣдія самого лица, вступающаго въ бракъ.

Также при бракѣ неравнородномъ. Государь можетъ его разрѣшить и не разрѣшить, но не можетъ поражать права на Престолъ самого лица, вступающаго въ неравнородный бракъ, и дать права на Престолъ потомству отъ этого брака. Государь можетъ разрѣшить и не разрѣшить бракъ съ иновѣрной принцессой, но не можетъ дать этимъ разрѣшеніемъ право на ту очередь престолонаслѣдія, которую данное лицо утрачиваетъ черезъ таковой бракъ, какъ не можетъ возстановить и потомству отъ этого брака его очереди престолонаслѣдія, которая отдалается происхожденіемъ отъ иновѣрныхъ родителей въ силу статьи 185 (объ этомъ послѣ). Государь не можетъ своимъ распоряженіемъ измѣнять права престолонаслѣдія, вытекающія изъ самого закона. Поэтому примѣненіе ст. 70 Осн. Зак. изд. 1892 г. при опредѣленіи правилъ престолонаслѣдія абсолютно исключено*). Признаніе такового права было бы фактическимъ возвращеніемъ къ принципамъ указа Петра I о престолонаслѣдіи, абсолютно исключеннымъ Актомъ 5 апр. 1797 года.

Поэтому, когда г. Корево на стр. 72 и 73, въ качествѣ примѣра изъятія изъ общихъ правилъ Учрежденія объ Императорской Фамиліи, приводитъ Именной указъ 15 іюля 1907 года о дарованіи супругѣ и дочери вел. кн. Кирилла Владиміровича титула Высочества и исправленіи того юридическаго дефекта, который былъ въ заключеніи этого брака 25 сентября 1905 г. безъ предварительнаго разрѣшенія Государя, то здѣсь необходимо различать различное. Государь могъ дать свое разрѣшеніе на состоявшійся бракъ, ибо давать и не давать такое разрѣшеніе закономъ предоставлено

*) Статья эта говорила: „Высочайшій Указъ, по частному дѣлу послѣдовавшій или особенно на какой либо родъ состоявшійся, по себѣ именно дѣлу или роду дѣлъ отмѣняетъ дѣйствіе законовъ общихъ.“

Его усмотрѣнію, и тѣмъ самымъ ввести семью Вел. Князя Кирилла Владиміровича въ составъ Императорскаго Дома и дать черезъ это ей права на равнородство, на титулы, на содержаніе и пр., чего семья Вел. Кн. Кирилла Владиміровича была бы лишена безъ соотвѣтствующаго разрѣшенія Государя на бракъ; но Государь не могъ устранить дефекты, не отъ его воли зависящіе, а отъ воли закона, представляющаго еще другія требованія для престолонаслѣдія въ силу ст. 185-й. Введеніе семьи Вел. Кн. Кирилла Владиміровича въ составъ Императорскаго Дома даетъ потомкамъ его одно изъ условій для престолонаслѣдія, вводя ее въ составъ Императорскаго Дома. Государь, давая и не давая разрѣшеніе на бракъ, могъ вліять на status потомства отъ этого брака, но не могъ измѣнять status'a лицъ въ отношеніи престолонаслѣдія, основаннаго на законѣ, ни въ сторону ослабленія требованій закона, ни въ сторону ихъ усиленія.

Въ актѣ 15 іюля 1907 года сказано: „Супругу Его Императорскаго Высочества Вел. Кн. Кирилла Владиміровича именовать Великой Княгиней Викторіей Ѳеодоровной (она въ 1906 г. приняла православіе, уже послѣ вступленія въ бракъ) съ титуломъ Императорскаго Высочества, а родившуюся отъ брака Вел. Кн. Кирилла Владиміровича съ Вел. Кн. Викторіей Ѳеодоровной дочь, нареченную при Св. крещеніи Маріей, признать Княжной крови Императорской съ принадлежащимъ правнукамъ Императора титуломъ Высочества.“*)

Признаться, мы видимъ здѣсь лишь включеніе жены и дочери Вел. Кн. Кирилла Владиміровича въ составъ Императорскаго Дома. Такимъ образомъ одно изъ условій для престолонаслѣдія — принадлежность къ составу Императорскаго Дома дана этимъ Актомъ его потомству. Это было полнымъ правомъ Государя, какъ Главы Фамиліи, могущаго давать и не давать разрѣшенія на бракъ. Если же были другіе юридическія дефекты для правъ Вел. Кн. Кирилла Владиміровича и потомства его на Престолъ въ порядкѣ агнатскаго престолонаслѣдія, вытекающіе изъ закона, то, во первыхъ, ни откуда не видно, чтобы данный Указъ имѣлъ въ виду ихъ устранить, а во вторыхъ, если бы и

*) Выдержка эта цитируется по книгѣ г. Корево.

имѣлъ въ виду, то юридическимъ заключеніемъ изъ этого было бы то же, которое совершенно справедливо дѣлаетъ г. Корево относительно отреченія Императора Николая II за своего сына Вел. Кн. Алексѣя: именно, что Государь не вправе измѣнять объективныя нормы закона о престолонаслѣдіи, и таковой актъ юридически былъ бы ничтоженъ.

Другой примѣръ такого исправленія дефекта, доступнаго воздѣйствію воли Государя при наличности другихъ независимыхъ отъ его воли, является собой исторія актовъ въ связи съ бракомъ Вел. Кн. Михаила Александровича. Послѣдній вступилъ въ неравнородный бракъ 16 окт. 1912 г. съ Натальей Сергѣевной Брасовой. Государь Николай II указомъ 15 дек. 1912 г. и манифестомъ 30 дек. 1912 г. сложилъ съ него возложенную на него обязанность быть Правителемъ Государства въ случаѣ смерти Императора Николая II до совершеннолѣтія Наслѣдника Вел. Кн. Алексѣя и учредилъ опеку надъ его лицомъ, имуществомъ и дѣлами. Однако въ мартѣ 1915 г. Государь далъ разрѣшеніе на уже состоявшійся бракъ, и бракъ, бывшій доселѣ не только морганатическимъ, но и незаконнымъ въ силу ст. 183 Осн. Зак., сдѣлался чрезъ этотъ указъ законнымъ, а сынъ Вел. Кн. Михаила Александровича былъ признанъ его законнымъ сыномъ. 29 сентября 1915 г. была снята и опека, но правъ престолонаслѣдія потомству Вел. Кн. Михаила Александровича Государь дать не могъ бы, ибо оно не имѣло его по закону, также отнять права престолонаслѣдія у Вел. Кн. Михаила Александровича Государь не могъ бы, ибо тотъ ихъ имѣлъ въ силу закона.

Соблюденіе законовъ о престолонаслѣдіи является границей для власти Государя; не противорѣчитъ этому положенію и статья 222 Осн. Зак., по которой „Царствующій Императоръ, яко неограниченный Самодержецъ, во всякомъ противномъ случаѣ (въ случаѣ неповиновенія) имѣетъ власть отрѣшати неповинующагося отъ назначенныхъ въ семъ законѣ правъ и поступать съ нимъ, какъ съ преслушнымъ волѣ Монаршей“. Что здѣсь не имѣется въ виду неограниченная власть, видно уже изъ того, что ст. 125 Осн. Зак. ставитъ власти Государя при измѣненіи статей этого отдѣла общую границу въ соблюденіи законовъ общихъ и

въ неистребованіи новыхъ изъ казны ассигнованій. Но Государь связанъ еще законами о престолонаслѣдіи и о вѣрѣ. Слово „неограниченный“ имѣетъ скорѣе остріе, обращенное въ другое направленіе — въ сторону агнатовъ; то есть Государь проявляетъ свою дисциплинарную семейную власть безъ участія агнатовъ.

Вполнѣ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что эта статья не даетъ Государю правъ лишать права престолонаслѣдія, является помимо общаго принципа незыблемости законовъ о престолонаслѣдіи, и источникъ этой статьи, именно § 71 Учрежденія объ Импер. фамиліи № 17906, изъ котораго ясно вытекаетъ, что подъ правами, которыя имѣются въ виду въ семъ законѣ, разумѣются лишь права на содержаніе. Тамъ говорится: „Расположивъ такихъ образомъ волю Нашу о содержаніи всего Нашего поколѣнія и обезпечивъ каждого въ полученіи ему опредѣленнаго, хотя симъ и дали Мы всѣмъ право получать и требовать принадлежащаго, однако изъ всѣхъ сихъ данныхъ преимуществъ ненарушимымъ залогомъ поставляемъ имѣть каждому изъ Фамиліи Нашей къ Царствующему Лицу совершенное почтеніе, повиновеніе и подданство, равномѣрно и миролюбное обращеніе въ сохраненіи семейной тишины и согласія. Царствующій яко неограниченный Самодержецъ, во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ право отъ назначеннаго Нами отрѣшати и поступать съ неповинующимъ воль Нашей, и воль каждого, мѣсто Наше занимающаго.“

Связывая начало параграфа съ концомъ, видно, что рѣчь идетъ о лишеніи Государемъ содержанія неповинующагося ему Члена Императорскаго Дома; но ни прямо, ни косвенно, путемъ исключенія изъ состава Дома, Государь не можетъ лишать права на Престоль. Весь смыслъ незыблемости закона заключается въ опредѣленіи Наслѣдника закономъ самимъ и въ изъятіи престолонаслѣдія изъ усмотрѣнія Царствующаго Государя. Въ силу закона (ст. 135—143) Императоръ извѣщается о всѣхъ перемѣнахъ въ составѣ Императорскаго Дома (о рожденіи, бракахъ, смерти) и объ этомъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе; Онъ же ведетъ родословную книгу, и запись туда является доказательствомъ сопричтенія къ Императорскому Дому.

Правила о престолонаслѣдіи не ограничиваются ст. 25 —39, составляющими отдѣлъ о порядкѣ наслѣдія Престола, но въ значительной степени зависятъ и отъ другихъ статей въ иныхъ отдѣлахъ Осн. Зак. расположенныхъ. Такъ въ силу ст. 25 Осн. Зак. первымъ основнымъ условіемъ для престолонаслѣдія является принадлежность къ Царствующему Дому, а составъ этого Дома опредѣляется Учрежденіемъ объ Императорской Фамиліи. Въ отдѣлѣ о степеняхъ родства есть ст. 126 и 134, которыя опредѣляютъ качества браковъ, отъ которыхъ должны происходить Члены Императорскаго Дома; въ отдѣлѣ о вѣрѣ ст. 63 устанавливаетъ вѣроисповѣданіе Императора; въ отдѣлѣ о бракахъ ст. 185 предписываетъ лицамъ мужского пола Императорскаго Дома, могущимъ имѣть права на Престолъ, совершать заключеніе брака съ иностранными принцессами лишь по воспріятіи ими православія; слѣдовательно въ моментъ открытія престолонаслѣдія законъ требуетъ отъ каждого наличности исполненія этого предписанія.

Мы еще вернемся къ ст. 185, пока же посмотримъ, съ какими предположеніями связывается агнатское престолонаслѣдіе по Осн. Законамъ:

I. Въ силу ст. 25, какъ мы говорили, требуется принадлежность къ Императорскому Дому въ широкомъ смыслѣ; составъ Дома опредѣляется ст. 126.

II. Требуется быть среди агнатовъ первымъ въ порядкѣ первородства, отвѣчающимъ всѣмъ остальнымъ предположеніямъ Осн. Законовъ.

III. Принадлежность къ православному исповѣданію въ силу ст. 63 и готовность къ совершенію священнаго коронованія и миропомазанія по чину православной Церкви, предписанному ст. 58 и предполагаемому статьей 39.

IV. Женитьба на принцессѣ, принявшей православіе до брака по силѣ ст. 185.

V. Происхожденіе отъ родителей, принявшихъ православіе до брака въ силу ст. 185.

VI. Согласіе даннаго лица на принятіе священнаго подвига самодержавной власти, ибо по силѣ ст. 36 и 37 допускается отреченіе отъ Престола для лица, имѣющаго на

него право; кромѣ того, по существу дѣла всякій подвигъ не можетъ не предполагать участія воли человѣка въ его пріятіи. Когда Вел. Кн. Константинъ Павловичъ получилъ извѣстіе о присягѣ ему изъ Госуд. Совѣта, онъ въ письмѣ отъ 3 дек. 1825 г. писалъ его предсѣдателю кн. Лопухину, „что въ семъ случаѣ отступили отъ законной обязанности принесеніемъ мнѣ неслѣдуемой присяги, тѣмъ болѣе, что сіе учинено безъ моего вѣдома и согласія. Вашей Свѣтлости и то должно быть извѣстно, что присяга не можетъ быть сдѣлана иначе какъ по манифесту за Императорской подписью.“*)

VII. Въ отдѣлѣ о гражданскихъ правахъ Членовъ Императорскаго Дома статья 166 изд. 1857 г. (соотвѣт. № изд. 1906 у насъ нѣтъ) говоритъ: „При торжественномъ объявленіи совершеннолѣтія лицъ, по крови къ Императорскому Дому принадлежащихъ, они присягаютъ въ присутствіи самаго Государя, какъ въ вѣрности Царствующему Государю и отечеству, такъ равно и въ соблюденіи правъ наслѣдства и установленнаго семейнаго распорядка*. Присяга эта приводится въ приложеніи IV къ Основнымъ Законамъ и составляетъ клятву вѣрности монархическому принципу, запечатлѣнному въ Основныхъ Законахъ. Вотъ эта присяга: „Именемъ Бога Всемогущаго передъ Святымъ Его Евангеліемъ клянусь и обещаюсь Его Императорскому Величеству моему Всемилоостивѣйшему Государю... и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу Великому Князю... вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ Его высокому Его Императорскаго Величества Самодержавію, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, споспѣшествуя всему, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной относиться можетъ, а по званію моему Члена Императорскаго Дома обязуюсь и клянусь соблюдать всѣ постановленія о наслѣдіи Престола и порядкѣ Фамиліаго Учрежденія, въ Основ-

*) Шильдеръ. Императоръ Николай I стр. 220

ныхъ Законахъ Имперіи изображенныя, во всей ихъ силѣ и неприкосновенности, какъ передъ Богомъ и Судомъ Его Страшнымъ отвѣтъ въ томъ дать могу. Господь Богъ мнѣ въ семъ душевно и тѣлесно поможетъ. Аминь*.

Если такимъ образомъ престолонаслѣдіе дойдетъ до такого Члена Императорскаго Дома, который отказался отъ такой присяги, или не соблюлъ таксй присяги, то ясно, что законъ его не можетъ призывать къ наслѣдованію по тѣмъ законамъ, которыхъ онъ самъ явно не признаетъ. Такъ напримѣръ, если бы Вел. Кн. Михаилъ Александровичъ не по революціонному насилію, а добровольно объявилъ, что онъ приметъ власть только отъ Учредительнаго Собранія, то есть въ силу лишь народнаго суверенитета, то это было бы отказомъ съ его стороны признать обязательность Основныхъ Законовъ, построенныхъ на монархическомъ принципѣ, и таковое его публичное волеизъявленіе исключало бы его призваніе къ престолонаслѣдію по силѣ этихъ Основныхъ Законовъ, ибо законъ не можетъ призывать къ престолонаслѣдію того, кто отвергаетъ вложенную въ него идею и его обязательность.

VIII. Хотя Основные Законы ничего не говорятъ объ этомъ, но они не могутъ не предполагать извѣстной непопорочности призываемаго лица въ силу уже общихъ законовъ. Законъ не можетъ призывать къ престолонаслѣдію лицо присужденное по суду къ лишенію права занимать общественныя должности. Мы уже приводили мнѣніе Рема относительно осужденныхъ уголовнымъ судомъ преступниковъ. Такъ какъ Члены Императорскаго Дома не изъяты изъ подсудности общимъ уголовнымъ законамъ то, въ случаѣ осужденія къ наказанію, лишающему правъ состоянія и права на занятіе общественныхъ должностей, они, не теряя принадлежности къ Царствующему Дому, теряютъ права на престолонаслѣдіе, ведущее къ осуществленію высшей государственной власти. Равнымъ образомъ надъ такимъ лицомъ Церковь по церковнымъ правиламъ не могла бы совершать рукоположенія и миропомазанія, ибо согласно 4 прав. Кирилла Александрійскаго, принятаго 2 правиломъ Трулльскаго Вселенскаго Собора въ число правилъ, стоящихъ наравнѣ съ постановленіями Вселенскихъ Соборовъ,

Церковь до рукоположенія должна предварительно изслѣдовать жизнь рукополагаемаго.

Что касается того, какія преступленія препятствуютъ рукоположенію, то многія церковныя правила говорятъ объ этомъ въ связи съ принятіемъ въ клиръ и въ священный чинъ. Такъ какъ царская власть, какъ мы еще разъ увидимъ при обзорѣ священнаго коронованія и миропомазанія, есть именно священный чинъ, то тѣмъ болѣе не могутъ игнорироваться церковныя правила, существующія для введенія въ клиръ; правила же эти очень строги, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. По 18 Апостольскому правилу: „кто взялъ въ супружество отверженную отъ супружества не можетъ быть ни епископомъ, ни пресвитеромъ, ни діаконъ, ни вообще въ спискъ „священнаго чина“. По правилу 19 Апостольскому: „Имѣвшій въ супруествѣ двухъ сестеръ или племянницу, не можетъ быть въ клиръ“. Согласно 22 правилу Анкирского Собора, поставленному 2 Правилъ VI Вселенскаго Собора на ряду съ Вселенскимъ, „виновные въ вольныхъ убійствахъ да будутъ въ разрядѣ припадающихъ, совершеннаго же общенія да удостоиваются при концѣ жизни“. По толкованію св. Василія Великаго такія лица должны нести эпитимію 20 лѣтъ съ лишеніемъ причастія. Также толкуетъ Византійскій юристъ Вальсамонъ; по толкованію Зонары, для такихъ лицъ причастіе допустимо только при смерти. Какъ же Церковь могла бы совершить царское рукоположеніе и миропомазаніе съ преподаніемъ особой благодати для такихъ лицъ? Также по существу дѣло стоитъ съ точки зрѣнія Церкви, если Членъ Им. Дома совершить дѣяніе, не наказанное уголовнымъ закономъ пораженіемъ его правъ состоянія и правъ на занятіе общественныхъ должностей, но тѣмъ не менѣе уже констатированное общественной властью и препятствующее Церкви по ея правиламъ совершить рукоположеніе и миропомазаніе. Вопросъ же о наличности соотвѣтствующаго покаянія для прощенія и принятія въ священный чинъ можетъ быть рѣшенъ только высшей іерархической властью Помѣстной Церкви.

Русская историческая традиція идетъ дальше и отводитъ высшему іерархическому главѣ помѣстной церковной власти огромное значеніе при замѣщеніи Престола не только,

когда требуется выяснить чисто церковный вопросъ, который никто вообще не можетъ рѣшить кромѣ духовной власти, но и при чисто свѣтской борьбѣ отдѣльныхъ князей за Престолъ [Митрополиты Пѣтръ, Ѳеогностъ, Алексѣй въ XIV столѣтіи, татары, какъ извѣстно не только не мѣшали вліянію Церкви, но покровительствовали ей) Митрополиты Фотій, Іона въ XV столѣтіи], а въ патріаршій періодъ участіе патріарха имѣло руководящее значеніе и при установленіи новой династіи за пресеченіемъ старой. Такъ избраніе на царство Бориса Годунова было рѣшено голосомъ патріарха Іона, а Михаилъ Ѳеодоровичъ, задолго до избранія, былъ предугазанъ патріархомъ Гермогеномъ. Послѣднее такъ соотвѣтствуетъ пониманію царскаго сана, какъ священнаго чина въ Церкви.

Патріархъ Іовъ въ соборномъ опредѣленіи объ избраніи Бориса на царство выражается такъ: „Понеже видѣхомъ безгосподарно Россійское Царствіе и стадо Христово небрегомо и гиблемо, и того ради скорбѣхомъ и въ печали быхомъ, яко овца не имуще пастыря, и по благодати св. Духа даже и до насъ смиренныхъ епископовъ дойде, тою благодатью имамы власть, яко Апостольскіи ученици многи испытани, и по правиломъ, сшедшимся Соборомъ поставляти своему отечеству пастыря и учителя и Царя достойно, егоже Богъ избра.“ Въ эпоху смуты, когда терялись въ исканіяхъ выхода изъ безгосударнаго положенія, всѣмъ руководили не бояре, о которыхъ, современникъ писалъ, что „они прельстися на славу вѣка сего, Бога отступили и приложились къ западнымъ и жестокосерднымъ, на своя овца обратились“, а св. патріархъ Гермогенъ, отсранившій кандидатуру инославнаго Королевича Владислава, которому уже подъ вліяніемъ бѣяръ присягнула Москва. И властно сказалъ онъ посламъ, ѣздившимъ къ Владиславу: „а будетъ въ Вашемъ умыслѣ нарушеніе православной христіанской вѣрѣ, то не буди на васъ милость Божія и будьте прокляты отъ всего Вселенскаго Собора“. Въ живомъ сознаніи единства вѣры, руководимая патріархомъ Россія спасла свою политическую независимость и цѣлость.

Г. Корево и авторъ одной анонимной брошюры исходятъ, при опредѣленіи правъ престолонаслѣдія, изъ совершенно необоснованнаго предположенія, что статья 25 сама

по себѣ содержать въ себѣ всѣ титулы для предъявленія права на Престоль, очередь котораго опредѣляется только голымъ правомъ первородства, и что законъ непременно долженъ упоминать о послѣдствіяхъ неисполненія его требованій, если лицо не удовлетворяетъ требованіямъ закона. Законъ же держится другой методы и въ разныхъ отдѣлахъ упоминаетъ о тѣхъ требованіяхъ, наличность которыхъ онъ предполагаетъ для престолонаслѣдія, а, въ случаѣ отсутствія таковыхъ у лицъ, слѣдующихъ въ порядкѣ первородства, призываетъ слѣдующихъ, удовлетворяющихъ его требованіямъ, какъ это дѣлается и во всѣхъ другихъ законодательствахъ. Мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ, къ какимъ страннымъ заключеніямъ приводилъ бы законъ, если бы опредѣлять наслѣдника по методѣ г. Корево.

XV.

СТАТЬИ 184 и 185 ОСН. ЗАКОНОВЪ. ВОПРОСЪ О САНКЦИИ ЗАКОНОВЪ. О ЗНАЧЕНІИ 185 СТ., КАКЪ ОХРАНЫ ПРАВОСЛАВІЯ НОСИТЕЛЯ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ. ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНІЯ И ИЗМѢНЕНІЯ СТ. 185-й ВЪ 1886 И 1869 г. О СОПОСТАВЛЕНІИ СТАТЕЙ 184 и 185. СВЯЗЬ СТАТЬИ 185-й СЪ ПОНЯТІЕМЪ О ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ. О ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫХЪ АУТЕНТИЧНЫХЪ ТОЛКОВАНІЯХЪ СТ. 185.

Вслѣдствіе переименованія метода закона при отысканіи наслѣдника по закону получается оригинальное положеніе. Законъ предполагаетъ наличность опредѣленныхъ предположеній и исполненныхъ требованій для престолонаслѣдія, а авторъ анонимной брошюры спрашиваетъ, гдѣ же указано въ законѣ послѣдствіе неисполненія этого требованія. Послѣдствіе опредѣленное: законъ призываетъ къ престолонаслѣдію того, кто его требованіямъ соответствуетъ. Выводъ г. Корево и автора анонимной брошюры основанъ на томъ, что въ случаѣ неравнородныхъ браковъ указаны самимъ закономъ въ ст. 36 опредѣленные послѣдствія для потомства въ видѣ лишенія правъ на Престоль но не надо забывать, что въ вопросѣ равнородныхъ браковъ

во-первыхъ дѣло касалось введенія совершенно новаго для русскаго права юридическаго принципа, который требоваль особыхъ мѣръ для своего укрѣпленія, а во-вторыхъ рѣчь идетъ объ особомъ status'ѣ потомства, о полномъ устраненіи всего потомства отъ престолонаслѣдія; тогда какъ статья 185 я лишь отодвигаетъ очередь въ пользу лицъ, отвѣчающихъ требованіямъ закона въ агнатскомъ порядкѣ престолонаслѣдія; кромѣ того, въ потомствѣ лицъ, женившихся на инославныхъ принцессахъ, могутъ явиться лица, отвѣчающія правиламъ агнатскаго престолонаслѣдія (примѣръ: въ потомствѣ Вел. Кн. Константина Константиновича отъ брака сына его Іоанна Константиновича съ сербской православной принцессой Еленой Петровной произошелъ князь Всеволодъ, имѣющій въ основномъ порядкѣ престолонаслѣдія права на Престолъ. Поэтому сопоставленіе этихъ двухъ статей 36 и 185, какъ говорящихъ о разныхъ вопросахъ, совершенно неумѣстно.

Авторъ анонимной брошюры говоритъ по поводу ст. 185-й, что никакой санкции по поводу нарушенія Членомъ Императорскаго Дома, могущимъ имѣть право на наслѣдованіе Престола, въ 185-й ст. не имѣется. Поэтому де предположеніе, что такое нарушеніе влечетъ за собой устраненіе отъ престолонаслѣдія какъ самаго нарушителя, такъ и его потомства, является совершенно необоснованнымъ, тѣмъ болѣе, что названная статья 185-я находится не въ раздѣлѣ о порядкѣ наслѣдованія Престола, а въ главѣ о гражданскихъ правахъ членовъ Императорскаго Дома. Но неужели изъ того, что статья о присягѣ Членовъ Императорскаго Дома находится въ главѣ о гражданскихъ правахъ, Членъ Императорскаго Дома, отказавшійся присягать Основнымъ Законамъ, можетъ быть ими призываемъ къ престолонаслѣдію только потому, что эта статья не помѣщена въ порядкѣ преемства Престола? Неужели изъ того, что ст. 57 и 58 о священномъ коронованіи не помѣщены въ отдѣлѣ о преемствѣ Престола, вытекаетъ, что на Престолъ можетъ вступить лицо, которое заранѣе объявитъ, что оно не станетъ принимать ни священнаго коронованія, ни миропомазанія за ненужностью этого въ его глазахъ? Законъ въ ст. 57 и 58 ничего не говоритъ о санкции. Слѣдовательно, по этой методѣ ихъ тоже можно не исполнять безъ послѣдствій для лица отказывающагося?

Кромѣ то о, саччія предтолагаетъ отредѣленное нарушеніе правила, при совершеніи же бракосочетанія съ инославными принцессами, таковое бракосочетаніе можетъ происходить съ разрѣшенія Государя въ силу разрѣшенія закона, имен- но статьи 184-й, которая допускаетъ таковыя браки и такимъ образомъ не исключаетъ ни жену, ни потомство изъ состава Императорскаго Дома. Но въ силу ст. 185-й, если лицо мужского пола Императорскаго Дома, которое, какъ таковое, призывается въ агнатскомъ порядкѣ престолонаслѣдія, не исполнить этого требованія, то, оно, сохраняя въ силу ст. 184-й всѣ прочія права, присущія Членамъ Императорскаго Дома, въ случаѣ, если дойдетъ до него Престоль, обходится въ пользу слѣдующаго лица въ порядкѣ первородства. Сама редакція ст. 185-й указываетъ, что ея постановленія поставлены въ связь съ вопросами престолонаслѣдія.

Что статья эта разумѣетъ обращеніе ко всѣмъ агнатамъ, а вовсе не только къ тѣмъ изъ нихъ, которые непосредственно имѣютъ право на Престоль, показываетъ ея ясный грамматическій смыслъ. Если бы законъ хотѣлъ имѣть въ виду лишь послѣднихъ лицъ, то онъ употребилъ бы извѣстное ему по ст. 37-й и болѣе подходящее для выраженія этой мысли выраженіе „имѣющій право“ а, не „могущій имѣть.“*)

Чтобы не исполнять требованія ст. 185-й, надо было бы предзарительно ее отмѣнить компетентной властью и если она основана на Церковномъ законѣ, то отмѣна ея должна происходить въ порядкѣ существующаго церковнаго законодательства съ участіемъ Помѣстнаго Церковнаго Собора и Патріарха. Можно, конечно, сомнѣваться, чтобы Церковный Соборъ и Патріархъ вступили на путь обезсиливанія правилъ, оберегающихъ православіе лицъ, призванныхъ носить священный чинъ. Монархъ же ограниченъ въ изданіи такового рода правилъ уже въ силу своей обязанности быть по силѣ ст. 64-й Осн. Законовъ верховнымъ защитникомъ вѣры и блюстителемъ православія. Какъ же могъ бы онъ ослаблять правила, установленныя для того, чтобы но-

*) Напомнимъ ст. 185-ую: Бракъ мужского лица Императорскаго Дома, могущаго имѣть право на наслѣдованіе Престола, съ особою другою вѣры совершается не иначе, какъ по воспріятіи ею православнаго исповѣданія (62)

ситель верховной власти отвѣчалъ принципу своей власти и своему назначенію — быть не номинальнымъ выразителемъ вѣры народа, а, въ качествѣ священнаго чина, исполнителемъ жизнью и кровью своей возложеннаго на него подвига вѣры, и стяжателемъ благодати Божьей черезъ смиреніе этого подвига.

Ослабленіе вѣроисповѣдныхъ правилъ законъ допустилъ только въ субсидіарномъ когнатскомъ престолонаслѣдіи, въ крайности, во избѣжаніе лишь горшаго зла — переимѣны династіи, избѣгать чего побуждаетъ исторія всѣхъ странъ. Тамъ поэтому законъ не остановился передъ допущеніемъ не только лицъ, происходящихъ отъ иновѣрныхъ родителей и женатыхъ на особѣ иной вѣры, но примирился даже съ фактомъ иного вѣроисповѣданія самого кандидата до вступленія на русскій Престоль, если призываемое лицо раньше занимало другой Престоль и исповѣдывало иную вѣру. Но и тогда это положеніе разсматривается закономъ, какъ переходное, ибо въ таковомъ случаѣ когнаты превратятся въ агнаговъ, и вступятъ въ силу правила основнаго порядка престолонаслѣдія.

Постановленіе закона въ ст. 185-й ясно требуетъ въ связи съ престолонаслѣдіемъ отъ агнаговъ Дома, вступающихъ въ бракъ, совершенія брака съ принцессами уже принявшими до брака православіе. Исполненіе этого требованія должно быть на лицо при престолонаслѣдіи агната; вотъ если не окажется въ Царствующемъ Домѣ агната, отвѣчающаго этимъ требованіямъ закона, и на лицо окажутся съ одной стороны агнаты, не отвѣчающій вѣроисповѣднымъ требованіямъ закона, а съ другой стороны когнаты, отвѣчающій вѣроисповѣднымъ требованіямъ, уступающій агнату въ очереди, какъ таковому, то такой конфликтъ можетъ быть разрѣшенъ лишь законодательнымъ толкованіемъ, ибо конфликтъ касается столкновенія двухъ принциповъ — принципа преимущества агнатскаго престолонаслѣдія съ принципомъ охраны вѣры носителей верховной власти.

Законодатель допускаетъ послабленіе вѣроисповѣдныхъ требованій только въ субсидіарномъ порядкѣ престолонаслѣдія, и потому совершенно напрасно г. Корево и авторъ анонимной брошюры ссылаются на примѣръ Герцога Петра Голштинскаго, крещеннаго въ лютеранской вѣрѣ и приня-

вшаго православіе лишь при объявленіи его наслѣдникомъ. Тогда какъ разъ дѣйствовалъ порядокъ, ради устраненія котораго и созданъ Актъ 5 апр. 1797 г., и самое наслѣдованіе Петра III-го происходило по женской линіи за неимѣніемъ мужскаго потомства. Вернемся къ 185-й статьѣ.

Мы видѣли, что, создавая предположеніе для агнатскаго престолонаслѣдія, она по существу вовсе не нуждается въ санкціи, ибо она не устраняетъ данное лицо вообще отъ престолонаслѣдія, но создаетъ, конечно, предпочтеніе въ пользу другого лица, соотвѣтствующаго требованіямъ закона. Однако, если бы норма закона и могла бы по существу своему ждать санкціонированія, то и тогда не надо забывать, что въ государственномъ правѣ вопросъ о санкціяхъ не можетъ быть рѣшаемъ такъ же, какъ въ уголовномъ, гдѣ *nulla poena sine lege*.

Вотъ что пишетъ о санкціяхъ закона вообще Дюги: „Есть много законовъ, которыхъ нельзя санкціонировать силой государства. Это — всѣ тѣ законы, съ которыми государство обращается къ самому себѣ или къ своимъ прямымъ органамъ. Если, на примѣръ, парламентъ въ согласіи съ главой государства издаетъ противоконституціонный законъ, то, очевидно, невозможно, чтобы сила вмѣшивалась для противодействія этому нарушенію закона (предполагается нарушение закона, стоящаго выше воли обыкновеннаго законодателя). Если парламентъ игнорируетъ дѣлать то, что онъ обязанъ, то невозможно заставить его дѣлать это силой. Если глава государства превышаетъ свою власть, совершаетъ незаконный роспускъ, то нѣтъ средствъ подавить это силой. Употребленіе силы повело бы къ гражданской войнѣ. Декларация правъ, конституціонные законы вообще не могутъ быть нормально санкціонированы силой. Они не имѣютъ въ иные моменты иной санкціи, какъ лояльность и добросовѣстность людей, ихъ примѣняющихъ. Надо прибавить, что они имѣютъ санкціей социальную реакцію, болѣе или менѣе сильную, но определенную, которую производитъ всегда ихъ нарушеніе; хотя бы они не были санкціонированы матеріальной силой, они суть истинные законы въ матеріальномъ смыслѣ, т. е. правила, устанавливающія объективное право. Пусть не возражаютъ, что нѣтъ верховнаго суда для санкціи

актовъ, совершенныхъ органами власти. Такого рода суды могутъ быть для сужденія о конституціонности законовъ. Но, если бы судъ такой и былъ, изъ этого не вытекало бы санкціонированія конституціонныхъ законовъ принужденіемъ. Въдь если судъ аннулируетъ противорѣчащее деклараціи правъ рѣшеніе парламента, объявленное главой государства, то это рѣшеніе еще надо привести въ исполненіе силой, а сила въ рукахъ парламента и главы государства; нельзя употребить силу противъ нихъ, и рѣшеніе будетъ приведено въ исполненіе только, если этого хотятъ высшіе органы государства. Такимъ образомъ, конституціонный законъ остается лишеннымъ прямой санкціи закона.“

Мы привели эту длинную выписку только для того, чтобы показать, что государственные законы, опредѣляющіе основные принципы государства (въ Франціи декларація правъ, въ Россіи законъ о престолонаслѣдіи) обычно лишены санкціи, какъ въ смыслѣ указыванія послѣдствій ихъ нарушенія такъ и въ смыслѣ обычнаго примѣненія силы для ихъ исполненія, но опираются на правосознаніе и лояльность, которыя всегда предполагаются у высшихъ органовъ власти. Поэтому, разъ законъ требуетъ, чтобы лицо мужского пола Императорскаго Дома, могущее наслѣдовать Престолъ, вступившее въ бракъ, было женато на принцессѣ, принявшей православіе до брака, то оно и должно удовлетворять этому требованію, если оно хочетъ использовать свои права на Престолъ въ своей очереди по первородству. Безъ этого оно можетъ натолкнуться на ту социальную реакцію народнаго правосознанія, о которой говоритъ Дюги, въ силу несоотвѣтствія лица требованіямъ православнаго правосознанія народа, запечатлѣннымъ въ статьѣ 185-й Основныхъ Законовъ.

Г. Корево на стр. 91 спрашиваетъ: „сказано ли въ ст. 185-й или въ какой-либо иной статьѣ Осн. Зак., чтобы мужское лицо Императорскаго Дома, могущее имѣть право на наслѣдованіе Престола, женись съ соизволенія Царствующаго Императора, согласно ст. ст. 183-й и 184 на иновѣрной равнородной особѣ безъ предварительнаго воспріятія православной вѣры, обязано было отречься отъ правъ на наслѣдованіе Престола или лишалось сихъ правъ? Сказано ли въ Основныхъ Законахъ, чтобы дѣти отъ подобнаго брака,

хотя и сопречтенныя къ Императорскому Дому волею Императора въ силу надлежаще обнародованныхъ манифестовъ или указовъ и пользующіеся по сему преимуществами, принадлежащими Членамъ Императорскаго Дома, не имѣли права на наслѣдованіе Престола?" Отвѣтимъ: 1) законъ не обязываетъ къ отреченію уже потому, что отреченіе могло бы поразить и потомство, для котораго означенныя препятствія могутъ въ дальнѣйшемъ устраниться. Хотя *communis opinio doctorum* утверждаетъ, что отречься можно только за себя, но относительно потомковъ *communis opinio* различаетъ потомковъ, существовавшихъ или, по крайней мѣрѣ зачатыхъ въ моментъ отреченія, относительно которыхъ отреченіе считается безусловно недѣйствительнымъ, и потомковъ зачатыхъ послѣ отреченія. Относительно послѣднихъ многіе юристы, въ томъ числѣ такой первостепенный знатокъ княжескаго права, какъ Ремъ, считаютъ, что отрекшійся не можетъ быть проводникомъ правъ наслѣдованія для своего потомства, зачатого послѣ отреченія. Корона пріобрѣтается рожденіемъ, но черезъ рожденіе можетъ быть пріобрѣтено только то свойство, которое родители имѣли во время зачатія; если же они его утратили ко времени зачатія, то его и не могутъ наслѣдовать тѣ, которыхъ не было въ зачатіи во время отреченія. Общее положительное право признаетъ, на примѣръ, дѣйствительность отреченія за будущее потомство со стороны принцессъ, выходящихъ замужъ, когда онѣ совершаютъ такое отреченіе.

Примѣръ устраненія препятствія въ линіи дѣда, не отвѣчающаго въ силу ст. 185-й требованіямъ о наслѣдованіи агнатовъ, и отца, также не отвѣчающаго, въ лицѣ внука мы видимъ на примѣрѣ князя Императорской Крови Всеволода Іоанновича. Погибшій отъ большевиковъ его отецъ Князь Іоаннъ Константиновичъ имѣлъ мать лютеранку, но женился на православной принцессѣ сербской Еленѣ Петровнѣ и отъ этого брака имѣлъ сына, который въ лицѣ своемъ имѣетъ всѣ права на Престолъ въ основномъ порядкѣ престолонаслѣдія, какъ происходящій отъ православныхъ родителей.

2) Что касается того, сказано ли въ ст. 185 о лишеніи права на Престолъ, то не сказано, ибо 185 не устраняетъ вовсе отъ престолонаслѣдія, а устраняетъ лишь изъ основнаго порядка престолонаслѣдія, установленнаго для агнатовъ, и от-

носить этимъ самымъ лицъ, не отвѣчающихъ правиламъ агнатскаго престолонаслѣдія, къ субсидіарному когнатскому престолонаслѣдію. Не измѣняя *status'a* лица, статья и не говоритъ о лишеніи правъ на престолонаслѣдіе; она говоритъ лишь о наличности положительныхъ предположеній у кандидатовъ на Престоль, призываемыхъ въ агнатскомъ порядкѣ.

3) Относительно дѣтей статья не говоритъ буквально, но это ясно вытекаетъ изъ ея смысла, котораго неоспариваетъ самъ г. Корево, говорящій, что очевидно статья (стр. 89, 90) эта имѣла въ виду обезпечить православіе супруги будущаго Императора. Ясно, что законъ, оберегая православіе супруги лица взрослого, имѣетъ еще болѣе въ виду вліяніе на потомство, чѣмъ на него самого, ибо одинъ уже воспитанъ въ православіи и семимъ саномъ и передкоронаціонной клятвой поддерживается въ вѣрѣ и традиціяхъ своего народа, а потомство еще подлежитъ соотвѣтственному воспитанію, возложенному самимъ закономъ природы на мать. Законъ и это потомство не лишаетъ правъ престолонаслѣдія, но призываетъ его въ порядкѣ субсидіарномъ.

Въ эпоху отъ Петра I до Павла I, когда дѣйствовали порядоки, ставившіе Престоль въ зависимость отъ воли Царствующаго Императора и воли случая, при отсутствіи завѣщанія, русская исторія была свидѣтельницей полнаго отчужденія Престола отъ вѣры и міросозерцанія народа. Именно къ устраненію этихъ прискорбныхъ явленій Императоръ Павелъ возстановилъ монархію, Престоль которой не зависитъ отъ воли случая и настроенія людей, а Императоръ Николай I особо охранилъ Престоль — носитель православнаго міросозерцанія — отъ вторженія въ него иновѣрной культуры введеніемъ статьи 142 й (нынѣ 185-й). По выраженію проф. Суворова, „неправославный Государь также невозможенъ на Русскомъ Престолѣ, какъ Римскій папа лютеранинъ.“ И если тамъ его духовная культура обезпечена стажемъ службы и выборомъ со стороны лицъ, прошедшихъ такой же стажъ, то у насъ для этого служить соотвѣтствующій бракъ лица, вступающаго на Престоль, какъ гарантія для православной культуры его потомства. Эту роль и играетъ ст. 142 (185).

Самъ Государь въ качествѣ блюстителя правовѣрія не можетъ ее отмѣнить: ея особый и основной характеръ подчеркнуть упоминаніемъ въ скобкахъ статьи 40(теперь 62) и ссылкой на Актъ 5 апр. 1797 г. № 17910. Въ виду такого прямого назначенія ст. 185 казалось бы излишне останавливаться на значеніи словъ „могущій имѣть право на наслѣдованіе Престола“, ибо цѣль статьи ясна: она озабочивается, чтобы Престоль былъ замѣщаемъ лицами, наилучшее обеспечивающими несеніе высокаго священнаго сана, и очевидно, обращается ко всякому агнату, предъявляющему права на Престоль.

Но лица, пожелавшія возвести генеалогическое древо въ исключительную роль Фатума древнихъ грековъ, не желаютъ читать опредѣленныхъ требованій закона. Они спрашиваютъ, гдѣ санкція. Пусть спросятъ еще, гдѣ санкція у ст. 64 й, гласящей: „Императоръ есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры и блюститель православія и всякаго въ святой Церкви благочинія“. Санкція есть очень опредѣленная — невозможность имѣть преданность со стороны народа къ лицу, не отвѣчающему самому смыслу учрежденія, выросшаго не только изъ національной исторіи, но и изъ Церкви. При наличіи агнатовъ, удовлетворяющихъ требованіямъ закона, агнаты, не удовлетворяющіе таковымъ, могутъ наслѣдовать лишь за неимѣніемъ такихъ, которые имъ удовлетворяютъ, ибо они не лишены права на наслѣдованіе Престола, но лишь уступаютъ имъ въ очереди.

Вмѣсто признанія прямого смысла ст. 185-й вмѣстѣ съ признаніемъ ея цѣли г. Корево и авторъ анонимной брошюры поставили себѣ задачей ограничить кругъ лицъ, обнимаемыхъ понятіемъ „могущаго имѣть право на наслѣдованіе Престола,“ упуская изъ виду назначеніе самой статьи призвать изъ генеалогическаго древа соотвѣтствующія царскому сану поколѣнія и то, что разъ таковыя имѣются, нельзя приносить ихъ въ жертву принципу первородства, неправильно понимаемому. Повторяемъ, принципъ этотъ лишь указываетъ путь, по которому надо искать наслѣдника, соотвѣтствующаго всѣмъ предположеніямъ закона для престолонаслѣдія. Такъ обстоитъ во всѣхъ государствахъ, гдѣ онъ примѣняется, такъ же обстоитъ и въ нашихъ Основныхъ Законахъ.

Чтобы доказать наличность вѣроисповѣднаго индифферентизма законодателя 1) приводятся для толкованія Основныхъ Законовъ примѣры изъ Петербургскаго періода исторіи до Павла I, устранить которые какъ разъ и призванъ. Актъ 5 апр. 1797 г., 2) игнорируется положеніе Императора въ Церкви, какъ особаго чина, и вмѣстѣ съ тѣмъ и ограниченія его власти, вытекающія не снизу, а свыше, 3) приводятся примѣры изъ когнатскаго престолонаслѣдія, 4) придается вопросу о санкціи значеніе, неподобающее въ государственномъ правѣ и, наконецъ, въ довершеніе всего 5) искусственно суживается кругъ лицъ, обнимаемыхъ статьей 185. Для означенной цѣли привлекается исторія этой статьи послѣ появленіи ея въ Сводѣ Законовъ.

Но исторія какъ разъ и доказываетъ то, что хотять ея опровергнуть. Статья эта впервые появилась въ сводѣ 1832 г., была замѣнена другой въ 1886 г. при пересмотрѣ Учрежд. объ Императорской Фамиліи. Пересмотръ этотъ былъ возложенъ Александромъ III на особую комиссію подъ предсѣдательствомъ Вел. Кн. Владиміра Александровича. Среди измѣненій явилось слѣдующее: ст. 142 (теперешняя 185) гласила въ редакціи этой комиссіи такъ: „бракъ наслѣдника Престола и старшаго въ его поколѣніи мужскаго лица съ особою другой вѣры совершается не иначе, какъ по воспріятіи ея православною вѣроисповѣданія (ст. 40 Осн. Зак.)“

Но не прошло и трѣхъ лѣтъ, какъ Императоръ Александръ III издалъ спеціальнй Указъ Сенату 6 Іюня 1889 года, гдѣ сказано: „Признавъ за благо возстановить дѣйствіе статьи 142 Свода Осн. Государственныхъ Законовъ изданія 1857 года, повелѣваемъ: согласно съ первоначальнымъ начертаніемъ Основныхъ постановленій о бракъ Членовъ Августѣйшаго Дома Нашею, ст. 60 Учрежд. объ Императорской Фамиліи, изложить въ слѣдующемъ видѣ: „Бракъ мужскаго лица Императорскаго Дома, могущаго имѣть право на наслѣдованіе Престола съ особою другой вѣры совершается не иначе какъ по воспріятіи ея православною исповѣданія (ст. 40)“. Особый Именнй Указъ возстановилъ дѣйствіе ст. 142; слѣдовательно, онъ исходилъ изъ мысли, что текстъ соотвѣтствующей статьи 1886 года измѣнялъ содержаніе, а не только редакцію ст. 142, какъ совершенно

справедливо отмѣтилъ г. Масленниковъ въ своей брошюрѣ „Записка по вопросу о престолонаслѣдіи“.

Въ соотвѣтствіи съ таковымъ фактомъ возстановленія въ 1889 году дѣйствія статьи 142, пр. Коркуновъ и установилъ совершенно ясное положеніе, что, если до 1889 года нѣкоторые изслѣдователи подѣ словомъ „могущій имѣть право на наслѣдованіе Престола“ и понимали лишь лицо, непосредственно имѣющее право, то теперь таковое толкованіе исключено, разѣ самъ законодатель возстановилъ текстъ статьи 142 въ отмѣну статьи, ограничивавшей требованіе перехода въ православіе только невѣстами лицъ, имѣющихъ непосредственное право на наслѣдованіе Престола, т. е. (прибавимъ выраженіе закона) наслѣдника Престола и старшаго въ его поколѣніи лица мужского пола.*) „Законъ, пишетъ онъ на предыдущей страницѣ, какъ бы ограничивалъ это правило, (запрещающее вступать въ бракъ съ принцессами неправославными), относя его только къ лицамъ, могущимъ имѣть право на Престолъ, а между тѣмъ это право могутъ имѣть всѣ мужскія лица Императорскаго дома. Исключеніе составляютъ только отрeksiеся“. Пр. Коркуновъ признаетъ правильность этого вывода, но говоритъ онъ, это какъ бы не вяжется съ фактомъ бракосочетаній съ неправославными принцессами.

Въ дѣйствительности, полагаемъ, мы здѣсь нѣтъ никакого несоотвѣтствія. Такіе браки совершаются въ силу ст. 141 (184), которая утвердила послабленіе, введенное при Петрѣ I (18 авг. 1721 г.), разрѣшившее бракосочетаніе съ иновѣрными принцессами; ст. 141 обусловила такіе браки: для лицъ обоего пола разрѣшеніемъ Царствующаго Императора. Очевидно законодатель считалъ, что Императоръ можетъ быть судьей, насколько такой бракъ вредитъ или не вредитъ интересамъ Дома и вѣроисповѣднымъ требованіямъ въ смыслѣ наличія достаточнаго количества лицъ для престолонаслѣдія. Статья эта очевидно подразумѣваетъ, что такой бракъ самъ по себѣ, отъ наличности иновѣрной супруги, не мѣшаетъ супругамъ и потомству входить въ составъ Имп. Дома, который по идеѣ представляетъ собой учрежденіе, гдѣ традиции вѣроисповѣдныя и національныя

*) Коркуновъ Русское Госуд. Право. Т. I, стр. 218.

должны блюстись особенно тщательно. Безъ этой статьи можно было бы допустить, что жена и дѣти отъ такихъ браковъ вовсе не могутъ входить въ составъ Импер. Дома, ибо онъ есть выразитель и служитель извѣстной религіозной идеи. Статья же 142 (185) говоритъ о другомъ предметѣ въ связи съ престолонаслѣдіемъ и говоритъ, что со всякаго агната будетъ при престолонаслѣдіи спрошено, удовлетворяетъ ли онъ условіямъ брака съ принцессой по крещенію иновѣрной.

Г. Корево думаетъ, что отмѣна въ 1889 г. статьи, составленной въ 1886 г., вызвана наличнымъ тогда составомъ Царствующаго Дома, именно наличіемъ трехъ неженатыхъ сыновей Александра III (Николай род. въ 1868 г., Георгій, род. въ 1871 г. и Михаилъ род. въ 1878 г.), а потому, въ случаѣ смерти Вел. Кн. Николая до брака или въ бракѣ, но до рожденія сына, могли бы наслѣдовать Георгій и Михаилъ, которые бы не подходили подъ запрещеніе соотвѣтствующей статьи 1886 г. Мы не имѣемъ въ распоряженіи актовъ Министерства Императорскаго Двора, и, конечно, можемъ гадать какъ угодно о мотивахъ возстановленія силы ст. 142, только обратимъ вниманіе на то, что составъ семьи Александра III оставался и въ 1889 г. тотъ же, что и въ 1886 г., а потому тѣ же мотивы были и тогда, и кромѣ того не думаемъ, чтобы законодатель не стремился бы въ Основномъ Законѣ формулировать свою мысль независимо отъ постоянно мѣняющагося состава Фамиліи: слишкомъ 'ужъ часто пришлось бы пересматривать тогда Основ. Законы, что не соотвѣтствуетъ ихъ назначенію. Если бы въ 1889 г. законодатель стремился ограничить кругъ агнатовъ, которымъ онъ ставитъ требованіе брака съ православной невѣстой, то онъ выразилъ бы эту мысль, однако онъ этого не сдѣлалъ; онъ просто говоритъ о лицахъ мужского пола Императорскаго Дома, могущихъ имѣть право на наслѣдоваіе Престола, т. е. объ всѣхъ агнатахъ, ставя въ связь этотъ вопросъ съ престолонаслѣдіемъ.

Почему было въ 1889 г. возстановлено дѣйствіе прежней ст. 142-й? Можно предполагать многое. Можетъ быть Императоръ Александръ III слишкомъ довѣрился комисіи и не обратилъ вниманіе, что нанесенъ этимъ измѣненіемъ

коренной ударъ самому назначенію Императорскаго Дома — быть хранителемъ вѣры, ибо снятіе такого ограниченія для агнатовъ Императорскаго Дома могло бы постепенно привести къ полному разрыву Императорскаго Дома съ православной народной стихіей; онъ могъ обратить вниманіе и на то, что законодатель ссылкой въ скобкахъ на статью 40 указывалъ на неразрывную связь статьи съ приципомъ господствующей вѣры; могъ обратить вниманіе на то, что она основана на актѣ о престолонаслѣдіи 5 апр. 1797 г. № 17910, гдѣ Государь названъ Главой Церкви въ смыслѣ блюстительства правовѣрія; могъ обратить вниманіе и на то, что статья ссылается на актъ церковнаго законодательства, слѣдовательно, и измѣнять ее можно только путемъ церковнаго закона; могъ вспомнить и то, что онъ — одинъ изъ вѣрнѣйшихъ сыновъ православной Церкви — обязанъ въ силу своего сана и чина блюсти интересы Церкви и православіе своего Престола. На эти мысли наводитъ торжественная форма возстановленія ст. 142 посредствомъ Именного Указа: такимъ способомъ простая редакція не возстановливается.

Комиссія подъ предсѣдательствомъ Вел. Кн. Владиміра Александровича, повидимому смотрѣла на вопросы вѣры легче и готова была ограничить требованіе брака съ православной невѣстой лишь наслѣдникомъ Престола и его старшимъ поколѣніемъ. Александръ III очевидно думалъ и рѣшилъ иначе. Думать, что въ 1886 г. законодатель измѣнилъ только редакцію, пояснявшую лишь смыслъ выраженія „могушій имѣть право на наслѣдованіе Престола“, а потомъ въ 1889 г. снова удовлетворился старой редакціей, — мы не имѣемъ никакого основанія. Напомнимъ, что г. Корево на стр. 28 при толкованіи ст. 37 подъ словомъ „имѣющій право на Престолъ“, подразумѣваетъ самыхъ отдаленныхъ отъ престолонаслѣдія лицъ Императорскаго Дома; почему же въ ст. 185 подъ „могущими имѣть право на наслѣдованіе Престола“ онъ разумѣетъ лишь непосредственныхъ наслѣдниковъ? Скорѣе бы наоборотъ. Къ тому же самъ г. Корево соглашается съ тѣмъ, что ст. 185 имѣетъ въ виду обезпечить православіе супруги будущаго Императора: при его же толкованіи оно всегда въ опасности въ случаѣ несчастія съ ближайшими лицами къ престоло-

наслѣдію или отреченія ихъ отъ Престола. Отчего же, признавая цѣль законодателя, онъ не хочетъ допустить, что законодатель совершенно ясно и точно указалъ средства достиженія этой цѣли при всѣхъ возможныхъ перемѣнахъ и превратностяхъ въ судьбѣ лицъ. ближайшихъ къ престолонаслѣдію?

Г. Корево находитъ, что если ст. 185 разумѣть всѣхъ агнатовъ, то такое толкованіе приведетъ къ противорѣчію ст. 185 со ст. статьей 184: одна какъ будто разрѣшаетъ Членамъ Императорскаго Дома браки съ иновѣрными, а другая запрещаетъ ихъ Членамъ Императорскаго Дома до принятія православія иновѣрными принцессами*.) Но противорѣчія никакого нѣтъ. Обѣ статьи говорятъ о разномъ кругѣ лицъ: кругъ ст. 184 гораздо шире: онъ обнимаетъ и мужчинъ и женщинъ, а ст. 185 говоритъ только объ агнатахъ. Затѣмъ обѣ статьи говорятъ о разныхъ предметахъ: ст. 184 вноситъ послабленіе въ обычай, требовавшій перехода въ православіе лицъ, вступающихъ въ бракъ съ лицами Императорскаго Дома, и разрѣшаетъ эти браки, не поражая правъ и преимуществъ, связанныхъ съ принадлежностью къ составу Императорскаго Дома; а ст. 185 говоритъ въ связи съ престолонаслѣдіемъ объ особо повышенныхъ требованіяхъ для агнатовъ.

Найдя это кажущееся противорѣчіе, г. Корево принимается за его устраненіе черезъ привольное ограниченіе круга лицъ, обнимаемыхъ ст. 185-й (стр. 86) и искусственно ограничиваетъ, вопреки смыслу статьи, этотъ кругъ лицами, имѣющими непосредственное право на наслѣдованіе Престола. вмѣсто этого слѣдовало бы правильно понять статью 184 и противорѣчіе исчезло бы. Въ глазахъ г. Корево произошло только неудачное измѣненіе редакціи статьи 142 (185), и выраженіе „могущее имѣть право на наслѣдованіе“ есть въ его глазахъ только примѣненная къ иному составу въ 1886 году семьи редакція. На дѣлѣ было, какъ мы видѣли, иначе, а составъ семьи Императора Александра III и въ 1886 и въ 1889 г. былъ одинъ и тотъ же, О возможныхъ мотивахъ Именного Указа 1889 г. мы уже говорили.

*) ст. 184 гласитъ: По соизволенію Царствующаго Императора Члены Императорскаго Дома могутъ вступать въ бракъ какъ съ особами православнаго исповѣданія, такъ и съ иновѣрными.

Также а priori невозможно допустить, чтобы законодатель 1832 г. ограждая православіе супруги будущаго Императора, дѣлалъ бы постановленіе, которое могло бы, при малѣйшей превратности въ жизни ближайшихъ къ престолонаслѣдію лицъ, сдѣлать Престоль достояніемъ лицъ, относительно которыхъ завѣдомо не принимается мѣръ сдѣлать ихъ достойными по своему воспитанію и подготовкѣ быть носителями священнаго сана и выразителями народныхъ вѣрованій. Особенно трудно это допустить, если вспомнить, что эту статью ввелъ столь вѣрный и преданный сынъ Церкви — Императоръ Николай I.

Пониманіе огромной важности вопросовъ о вѣрѣ, съ какой бы стороны они ни касались Царствующаго Дома, и поведенія, соотвѣтствующаго вѣрѣ, показываетъ письмо Императрицы Матери Маріи Ѳеодоровны, воспитательницы Государя Николая Павловича къ Вел. Кн. Константину Павловичу, которому она въ теченіе 19 лѣтъ отказывала въ согласіи на разводъ съ Вел. Кн. Анной Ѳеодоровной. Вотъ, что она ему писала: „При самомъ началѣ приведу Вамъ на память пагубныя послѣдствія для общественныхъ нравовъ, также огорчительный для всей націи опасный соблазнъ, произойти отъ этого долженствующій; ибо по разрушеніи брака Вашего послѣдній крестьянинъ отдаленнѣйшей губерніи, не слыша больше имени Великой Княгини, при церковныхъ молитвахъ возглашеннымъ, извѣстится о разводѣ Вашемъ, съ почтеніемъ къ таинству брака и къ самой вѣрѣ поколеблется Онъ предположитъ, что вѣра для Императорской Фамиліи менѣе священна, нежели для него, а такового довольно, чтобы отщетить сердце и умы подданныхъ отъ Государя и всего Царскаго Дома. Сколь ужасно вымолвить, что соблазнъ сей производится отъ Императорскаго брата, обязаннаго быть для подданныхъ образцомъ добродѣтели! Повѣрьте мнѣ, любезный мой Константинъ Павловичъ, единою прелестью неизмѣняющейся добродѣтели можемъ мы внушить народамъ сіе о нашемъ превосходствѣ увѣреніе, которое обще съ чувствомъ благоговѣйнаго почитанія утверждаетъ спокойствіе Имперіи. При малѣйшемъ же хотя въ одной чертѣ сей добродѣтели нарушеніи общее мнѣніе испровергается, почтеніе къ Государю и его роду погибаетъ“. Вотъ незабвенныя слова, о которыхъ

бы надо вспоминать толкователямъ Основныхъ Законовъ и радѣтелямъ религіознаго индифферентизма, съ которыми русскіе Основ. Законы ничего общаго не имѣютъ.

Также авторъ одной анонимной брошюры находитъ, что, если въ ст. 185-й разумѣть всѣхъ лицъ мужского пола Императорскаго Дома, то таковыми будутъ всѣ неотрекшіеся отъ Престола, и тогда, по его мнѣнію, окажется, что ст. 184-я, давая общее разрѣшеніе Членамъ Императорскаго Дома на браки съ иновѣрными, имѣетъ въ виду только отрекшихся отъ Престола, а у неотрекшихся это право отнимается ст. 185-я. Но, говоритъ онъ, если бы мысль законодателя была такова, то и статьи закона имѣли бы обратное расположеніе: сначала шелъ бы общій запретъ, а потомъ исключенія для отрекшихся. Очевидно, продолжаетъ онъ, подъ ст. 185-й надо разумѣть болѣе узкій кругъ лицъ, и онъ старается его найти въ указаніяхъ акта 5 апр. 1797 г. № 17906 г., гдѣ произведено дѣленіе, упомянутое нами ранѣе, 1) на старшаго сына Императора и всѣхъ старшихъ отъ старшаго поколѣнія, именуемыхъ наслѣдниками, и 2) всѣхъ остальныхъ, именуемыхъ, сыновьями Государевыми. Первую категорію онъ и отождествляетъ съ лицами могущими имѣть право на наслѣдованіе Престола, какъ, говоритъ онъ, и считали сами составители Учрежденія 1886 г., а если въ 1889 г. редакція возстановлена старая, то, вѣроятно, потому, что Государь счелъ неудобнымъ вносить измѣненіе въ текстъ, существовавшій болѣе 40 лѣтъ. Однако пересмотръ Учрежденія и былъ предпринятъ потому, что за 40 лѣтъ произошли измѣненія въ Фамиліи, требовавшія дополненій, такъ что, вѣроятно, не поэтому послѣдовало столь торжественное возстановленіе силы статьи 142-й; кромѣ того, подчеркиваемъ, что возстановлена согласно Указу 6 іюня 1889 г. не редакція, а сила прежней статьи, и мы не имѣемъ никакого права отождествить выраженіе первоначальное и послѣдующее послѣ 1889 г. „могущій имѣть право на Престоль“ съ выраженіемъ статьи 1886 года „наслѣдникъ Престола и старшій въ его поколѣніи.“

Кромѣ того ссылака автора на актъ 5 апр. 1797 года за № 17906 прямо ошибочна; подъ статьей 185-й имѣется ссылка не на Учрежденіе объ Императорской Фамиліи за № 17906, а на актъ 5 апр. 1797 г. о престолонаслѣдіи за № 17910,

и утверждать, какъ дѣлаетъ авторъ, что тамъ въ актѣ № 17906 имѣется поясненіе выраженія „могущій имѣть право на наслѣдованіе Престола“—также ошибочно. Въ актѣ же за № 17910 есть единственное звено, связующее его со ст. 142-й: это-указаніе, что Государь есть Глава Церкви, съ чѣмъ постановленіе ст. 185-й, какъ мы видѣли, внутренне связано.

Авторъ анонимной брошюры пришелъ къ необходимости переиначивать грамматическій смыслъ ст. 185-й и даже указывать ей другое болѣе подходящее мѣсто впереди ст. 142-й только потому, что онъ не видитъ, что ст. 184 и 185, какъ мы уже указывали, говорятъ о разномъ кругѣ лицъ, причемъ одна касается status'а лицъ, а другая разсматриваетъ браки агнатовъ въ связи съ престолонаслѣдіемъ. Практика многочисленныхъ браковъ Членовъ Императорскаго Дома съ лицами иновѣрными на основаніи статьи 184-й безъ лишенія женъ и дѣтей Членовъ Императорскаго Дома правъ и преимуществъ, связанныхъ съ принадлежностью къ Императорскому Дому, показываетъ правильность такого толкованія. Статья же 185-я разумѣетъ всѣхъ агнатовъ Императорскаго Дома, какъ то показываетъ исторія статьи и смыслъ, вложенный въ нее законодателемъ — обезпечить православіе супруги всякаго возможнаго будущаго Императора изъ агнатовъ Императорскаго Дома. Должно согласиться, что эта явная цѣль статьи совершенно обезпечена ея грамматическимъ выраженіемъ, а статья 184-я касается вообще вопроса о status'ѣ болѣе широкаго круга лицъ.

Надо еще сказать о двухъ такъ называемыхъ аутентичныхъ толкованіяхъ. Одно изъ нихъ усматривается въ томъ, что въ ноябрѣ 1825 года послѣ смерти Императора Александра I вел. князь Николай Павловичъ присягнулъ старшему брату вел. кн. Константину Павловичу, другое—въ томъ, что въ 1911 г. Императоръ Николай II прежде разрѣшенія своего на бракъ княжны Императорской Крови Татьяны Константиновны съ кн. Багратіонъ-Мухранскимъ получилъ отъ нея за собственноручной подписью отреченіе отъ Престола. Толкователи разсуждаютъ такъ: въ первомъ случаѣ вел. кн. Константинъ Павловичъ былъ женатъ на католической графинѣ Іоаннѣ Грудзинской—княгинѣ Ловицкой, и это не почиталось основаніемъ для лишенія его престоло-

наслѣдія; въ второмъ случаѣ княжна Императорской крови Татьяна Константиновна, дочь матери лютеранки отрекалась отъ Престола, слѣдовательно одно ея происхожденіе отъ неправославной матери не почиталось обстоятельствомъ, лишающимъ ее престолонаслѣдія.

При ближайшемъ разсмотрѣніи мы увидимъ, что здѣсь не могло и быть аутентичнаго толкованія статьи 142 (185). Оговоримся еще, что вообще доктринарное толкованіе можетъ не сходиться съ аутентичнымъ и не можетъ быть связано съ послѣднимъ; однако аутентичнаго толкованія здѣсь не могло быть. Возьмемъ первый случай и вспомнимъ даты. Вел. кн. Константинъ Павловичъ сочетался бракомъ съ графиней Грудзинской 12 мая 1820 г. въ Варшавѣ; status его морганатической супруги опредѣленъ манифестомъ 8 іюля 1820 г. Вел. кн. Константинъ Павловичъ официальнымъ письмомъ отъ 14 янв. 1822 г., на имя Императора Александра I просилъ его утвердить его рѣшеніе отречься отъ Престола. Императоръ Александръ I утверждаетъ это рѣшеніе въ отвѣтномъ письмѣ отъ 2 февр. 1822 г., а потомъ манифестомъ 16 авг. 1823 г. Однако даже манифестъ опубликованъ не былъ, но въ запечатанных конвертахъ былъ положенъ въ Успенскомъ Соборѣ, Государственномъ Совѣтѣ, Сенатѣ и Синодѣ съ надписью Импер. Александра: „вскрыть по его востребованіи, или въ случаѣ его смерти“. О существованіи этихъ двухъ актовъ Александра I отъ 2 февраля 1822 г. и отъ 16 авг. 1823 г. не зналъ Вел. кн. Николай; о послѣднемъ подъ строжайшимъ секретомъ было сообщено Александромъ I только тремъ лицамъ: Кн. Голицыну, митрополиту Филарету и гр. Аракчееву; о манифестѣ 16 августа 1823 г. не зналъ и Вел. кн. Константинъ. Когда 19 н. 1825 г. Императоръ Александръ I скончался въ Таганрогѣ, то Вел. кн. Константинъ былъ въ Варшавѣ, а Вел. кн. Николай въ Петербургѣ. Послѣдній, получивъ извѣстіе о смерти Государя 27 ноября во время всеобщей, не зналъ объ окончательномъ отреченіи Вел. кн. Константина, немедленно первый принесъ ему тутъ же присягу и побудилъ къ этому всѣхъ остальныхъ. Когда вечеромъ въ Государственномъ Совѣтѣ былъ вскрытъ пакетъ съ вышеупомянутыми документами объ отреченіи Вел. кн. Константина и объ утвержденіи этого отреченія, то Вел. кн. Николай Павловичъ заявилъ, что онъ не можетъ восполь-

зоваться актомъ, о которомъ никто не знаетъ въ Имперіи, кромѣ трехъ лицъ, и категорически отказался принять присягу въ качествѣ Императора. Дѣйствительно, если бы Вел. Кн. Константинъ передумалъ, взялъ бы назадъ необнародованное отреченіе, и принялъ бы въ Варшавѣ присягу, то получилось бы неопредѣленное положеніе, кто — Императоръ. Также Государь Николай Павловичъ впослѣдствіи заявлялъ, что иначе онъ и поступить не могъ бы. Лишь, когда онъ получилъ извѣстіе изъ Варшавы объ отказѣ Вел. Кн. Константина принять присягу въ качествѣ Императора и его подтвердительное письмо объ отреченіи отъ правъ на Престолъ, онъ манифестомъ 12 дек. 1825 г. объявилъ о своемъ вступленіи на Престолъ.

Какіе же выводы можно сдѣлать отсюда для толкованія статьи 185-й? Никакихъ. Статья 185-я, (а ранѣе эта же статья подъ № 142-й въ изданіи Свода Законовъ 1832, 1842, 1857, и 1892 г.) введена лишь въ 1832 г. при составленіи Свода Законовъ, а потому въ 1825 году она не существовала и потому не могла быть предметомъ аутентичнаго толкованія. Если находятъ, что поведеніе Вел. Кн. Николая Павловича было аутентичнымъ толкованіемъ правила, включеннаго въ ст. 142-ую и основаннаго на актахъ уже изданныхъ ко времени манифестовъ 1823 и 1825 г., то мы напомнимъ, что одна база этой статьи — постановление Синода состоялась лишь 24 апр. 1841 г. при составленіи второго изданія Свода, а двѣ другія — законъ 5 апр. 1797 г. за № 17910 и ст. 40 (62) Осн. Зак. дѣйствительно существовали раньше, но содержали лишь юридическіе принципы безъ соотвѣтствующаго развитія выводовъ и облеченія этихъ выводовъ въ обязательныя правила. Одинъ актъ опредѣлялъ, что православная вѣра есть господствующая, а другой, что Императоръ — Глава Церкви. Обычай требовать перехода инославныхъ принцессъ въ православіе до брака съ Членами Императорскаго Дома нигдѣ не былъ формулированъ, и бракъ Вел. Кн. Константина былъ первымъ его нарушеніемъ со времени воцаренія новаго Дома (Гольштинскаго.) Великій Князь Николай Павловичъ, человѣкъ абсолютной лойяльности передъ закономъ стоялъ въ моментъ смерти Александра I передъ правиломъ первородства, запечатлѣннымъ въ законѣ, и неизвѣстностью, какъ въ рѣшительную

минуту поступить Вел. Кн. Константинъ Павловичъ. Онъ и держался правила писанаго закона и при своей лойяльности не могъ поступить иначе. Однако самъ же онъ, вступивъ на Престолъ, и установилъ категорическое правило статьи 185-й для устраненія въ будущемъ всякихъ неопредѣленностей въ отношеніи браковъ съ неправославными принцессами, запретивъ ихъ агнатамъ Императорскаго Дома. Правило ст. 185-й, ранѣе содержавшееся *implicite* въ ст. 40-й Осн. Законовъ и въ актѣ 5 апр. 1797 г. № 17910, теперь только получило опредѣленное выраженіе, было облечено въ форму закона и потому подлежитъ исполненію.

Что касается второго примѣра съ бракомъ Кн. Императорской крови Татьяны Константиновны, то въ Именномъ Указѣ 24 Августа 1911 г. сказано: „Ея Высочество Княжна Татьяна Константиновна представила намъ за собственноручнымъ подписаніемъ отреченіе отъ принадлежащаго ей, какъ Члену Императорскаго Дома, права на наслѣдованіе Императорскаго Всероссійскаго Престола“. Г. Корево пишетъ: „указъ этотъ удостовѣряетъ, что Княжнѣ Татьянѣ Константиновнѣ это право принадлежало, какъ Члену Императорскаго Дома, и то же право принадлежитъ ея братьямъ и сестрѣ, и что бракъ, состоявшійся 15 апр. 1884 г. между ея родителями Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ и принцессой Саксенъ Альтенбургской Вел. Княгиней Елизаветой Маврикіевной, донынѣ лютеранскаго исповѣданія, не лишалъ Княжну Татьяну Константиновну и прочихъ дѣтей отъ сего брака принадлежащихъ Имъ правъ на наслѣдованіе Престола“.

Вспомнимъ однако, что Кн. Татьяна Константиновна по полу своему не можетъ наслѣдовать въ основномъ порядкѣ престолонаслѣдія, въ которомъ призываются одни агнаты, и потому для нея дѣйствуютъ правила порядка субсидіарнаго, въ которомъ происхожденіе ея отъ матери лютеранки не вредитъ ея правамъ престолонаслѣдія; какъ мы говорили, на основаніи ст. 35 Осн. Зак. наслѣдованіе можетъ дойти до такого поколѣнія женскаго, которое исповѣдуетъ само иную вѣру, отъ каковой оно должно отречься вмѣстѣ съ наслѣдникомъ для занятія русскаго Престола. Г. Корево думаетъ, что указанное отреченіе бы-

ло бы излишне, если бы ст. 185 уже лишала Княжну Татьяну Константиновну въ глазахъ Императора правъ на престолонаслѣдіе. Но ст. 185 уже потому не относится къ Кн. Татьянѣ Константиновнѣ, что она говоритъ лишь о лицахъ мужского пола Императорскаго Дома.

Выводить изъ этого указа заключеніе, что очевдно и братья ея не лишаются права на Престоль, странно—во первыхъ потому, что братья ея—агнаты, а для агнатскаго престолонаслѣдія существуютъ другія требованія, а во вторыхъ потому, что никто, кажется, не утверждаетъ, что ея братья лишаются правъ на наслѣдованіе Престола вообще, а только то, что братья ея, какъ сыновья неправославной матери, могутъ наслѣдовать лишь въ субсидіарномъ порядкѣ за неимѣніемъ агнатовъ, удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ закона.

Въ такомъ же положеніи находятся всѣ сыновья Вел. Кн. Владиміра Александровича. Онъ сочетался бракомъ съ дочерью владѣтельнаго великаго Герцога Мекленбургъ Шверинскаго Герцо иней Маріей. По установленному закономъ порядку Императоръ Александръ II объявилъ объ этомъ въ манифестѣ и приказалъ именовать супругу Вел. Кн. Владиміра Александровича Маріей Павловной съ титуломъ Императорскаго Высочества. Бракъ былъ законный церковно, Государемъ дозволенный, равнородный. Въ силу ст. 184 она вошла въ составъ Императорскаго Дома; на основаніи ст. 141 (184) и она и дѣти ея отъ этого брака пользуются правами и преимуществами лицъ Императорскаго Дома. Но она приняла православіе 10 апр. 1908 г., послѣ брака, и дѣти ея, вмѣстѣ съ ней входя въ составъ Императорскаго Дома, въ наслѣдованіи Престола уступаютъ въ очереди тѣмъ агнатамъ Императорскаго Дома, которые удовлетворяютъ и статьѣ 185. Точно въ такомъ же положеніи находятся дѣти отъ брака Вел. Кн. Кирилла Владиміровича съ его двоюродной сестрой, разведенной женой принца Эрнеста Гессенъ-Дармштадскаго — брата Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, Великой Княгиней Викторіей Ѳеодоровной, состоявшагося 25 сент. 1905 г. до воспріятія ею православія.

Повторимъ вкратцѣ. Запрещеніе агнатамъ Императорскаго Дома браковъ съ иностранными иновѣрными принцес-

сами до принятія ими православія стало въ 1832 г. основнымъ принципомъ закона и приведено самимъ законодателемъ въ связь съ принципомъ главенства Государя въ Церкви (№17910) и положеніемъ православной религіи въ государствѣ (ст. 40). Принципъ этотъ подтвержденъ ссылкой на Высочайше утвержденное заключеніе Синода 24 апр. 1841 г. и, послѣ временнаго ослабленія этого принципа въ 1886 г. комиссіей, застѣдавшей подъ предсѣдательствомъ Вел. Кн. Владиміра Александровича, былъ снова возстановленъ Особымъ Именнымъ Указомъ 6 іюня 1889 г. Императора Александра III. Это возстановленіе его дѣйствія уже устраняетъ всякія сомнѣнія относительно намѣренія законодателя обезпечить православіе супруги всякаго будущаго Императора, какъ жены и матери, независимо отъ того, кто изъ агнатовъ, сынъ ли Царствующаго Государя, братъ ли его родной, братъ ли двоюродный, племянникъ ли, или кто другой волею Промысла Божьяго окажется преемникомъ Престола. Уже признаніе одного этого намѣренія законодателя, помимо логическаго смысла статьи, ясно выражающей и средства для достиженія таковой цѣли, достаточно для признанія требованія статьи 185, относящейся ко всякому агнату, призываемому принять священный санъ Царя.

Разъ это правило, постановленное къ тому же въ связи съ престолонаслѣдіемъ, существуетъ, оно должно быть исполненнымъ при престолонаслѣдіи агнатовъ, и никто ни Императоръ, ни весь Императорскій Домъ не могутъ освободить отдѣльныхъ лицъ отъ исполненія категорическаго предписанія закона. Оно вытекаетъ не только изъ 185 статьи, но изъ самого принципа царской власти, олицетворяющей народную вѣру и народное міросозерцаніе; она — верховный принципъ — устроитель политической жизни и связана съ саномъ, призваннымъ быть верховнымъ защитникомъ и хранителемъ догматовъ господствующей вѣры, блюстителемъ правовѣрія и всякаго въ святой Церкви благочинія.

Означенное обстоятельство вызываетъ другой вопросъ: въ правѣ ли Государь ослабить вообще этотъ принципъ, какъ общую норму, другой общей нормой. Не забудемъ,

что Самодержавный Монархъ не есть абсолютный Монархъ, принципиально ничѣмъ не связанный, а выразитель и слуга извѣстнаго религіозно-нравственнаго пониманія жизни, что власть его опирается не только на самородное историческое развитіе, но есть еще церковное установленіе и интегрально связана съ понятіемъ защиты православія, а потому требуетъ принятія особыхъ законодательныхъ мѣръ къ тому, чтобы носитель этого сана всѣмъ сердцемъ исповѣдалъ православіе.

Лежащее въ основѣ всего православнаго культурнаго міросозерцанія — смиреніе, недовѣріе къ силамъ человѣческимъ, непроникнутымъ воздѣйствіемъ благодати свыше, упованіе на Промыслъ Божій въ корнѣ противорѣчитъ раціоналистической культурѣ, построенной на человѣческой гордости, на вѣрѣ въ силы человѣческаго разума, въ умѣніе людей устроиться безъ воздѣйствія благодати свыше. Весь смыслъ и вся сила власти самодержавнаго монарха въ томъ, что онъ, какъ учрежденіе, является выразителемъ этого міросозерцанія, налагающаго свою печать на весь гражданскій и политическій строй, на всю общественную психологію.

Самый подвигъ жертвоприношенія, возлагаемый на монарха, отнимающій у него жизнь для себя, возможенъ только по вѣрѣ въ Промыслъ Божій. Онъ призванъ выражать не раціоналистическій деизмъ протестантизма, не автономную кантовскую мораль или индивидуалистическій мистицизмъ, свойственный протестантизму, а именно самоотреченіе, связанное съ упованіемъ, что Богъ не оставитъ его Своей благодатью, стяжаемой смиреніемъ подвига. Согласно чину священнаго коронованія, по возложеніи короны на главу и по воспріятіи скипетра и державы коронуемый, колѣнопреклоненный Императоръ читаетъ молитву, которая, составляя часть ст. 58 Осн. Законовъ, является выраженіемъ того міросозерцанія, безъ котораго нѣтъ самодержавнаго Царя, какъ церковно-государственнаго учрежденія.

Вотъ эта молитва: „Господи Боже отцовъ и Царю царствующихъ, сотворивый вся словомъ твоимъ и Премудростію твоею устроивый человѣка, да управляетъ міръ въ преподобіи и правдѣ!“ Ты избралъ мя еси Царя и Судію

людемъ Твоимъ. Исповѣдую неизслѣдимое Твое о Мнѣ смотрѣніе и благодаря Величеству Твоему поклоняюся. Ты же, Владыко и Господи Мой, настави Мя въ дѣлѣ на неже послалъ Мя еси, вразуми и управи Мя въ великомъ служеніи семъ. Да будетъ со Мной присѣдающая Престолу Твоему Премудрость. Посли ю съ небесъ святыхъ Твоихъ, да уразумѣю что есть угодно предъ очима Твоима, и что есть право въ Заповѣдяхъ Твоихъ. Буди сердце Мое въ руку Твоею, еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ Мнѣ людей и ко Славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего не постыдно воздамъ Тебѣ слово милостью и щедротами Единороднаго Сына Твоего, съ Нимъ же благословенъ еси со пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ во вѣки вѣковъ, аминь“.

XVI

СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНИЕ И МИРОПОМАЗАНИЕ ИМПЕРАТОРА. СТ. 57 И 58 ОСН. ЗАКОНОВЪ. ЗНАЧЕНИЕ МИРОПОМАЗАНИЯ, КАКЪ ТАИНСТВА. ИМПЕРАТОРЪ — СВЯЩЕННЫЙ ЧИНЪ,

Въ порядкѣ указаннаго міросозерцанія для Царя есть ограниченія, по силѣ своей превосходящія ограниченія, вытекающія изъ стат. 25 — 39 Осн. Законовъ. Конечно, онъ присягаетъ закону о престолонаслѣдіи, но этотъ законъ въ концѣ концовъ созданъ людьми и испытываетъ на себѣ судьбу всѣхъ человѣческихъ законовъ, дѣйствующихъ *rebus sic stantibus*; могутъ мѣняться соціально-политическія условія и видоизмѣнять общее правосознаніе, и могутъ мѣняться отдѣльныя части законовъ о престолонаслѣдіи, какъ показываетъ и наша практика 19 вѣка. Но при всѣхъ измѣненіяхъ одна идея должна оставаться всегда, какъ неразрывно связанная съ идеей православной легитимной монархіи — это преемство власти по закону, независимо отъ человѣческаго усмотрѣнія, лишь по указанію Промысла Божьяго. Однако эта мысль сама по себѣ про зводная и имѣетъ своей незыблемой основой ученіе православія о недовѣріи къ силамъ человѣческимъ, какъ продукту грѣховной человѣческой природы, и упованіе на то, что вѣрный правосла-

вію Царь — подвижникъ власти стяжаетъ смиреніемъ и подвигомъ благодать Всевышняго и будетъ, въ силу совершаемаго Церковью надъ нимъ таинства, проводникомъ дѣйствія этой благодати для всего народа.

Когда самодержавный монархъ измѣнитъ православію, то онъ самъ себя уничтожитъ, какъ учрежденіе, ибо его власть выросла изъ нѣдръ православнаго міросозерцанія и безъ него не имѣетъ никакой опоры. Русскій народъ недавно такъ чтилъ Царя Грознаго и Императора Павла, такъ вѣрно понимавшихъ идею самодержавія: свѣчи паломниковъ передъ гробомъ Императора Павла за упокой его души въ Петропавловскомъ Соборѣ никогда не угасали, а память о Грозномъ Царѣ жива въ былинахъ. Вотъ почему забота о православіи лицъ, могущихъ имѣть право на Престолъ и связанныхъ съ Нимъ жизненной судьбою, есть вопросъ бытія самого учрежденія православной монархіи.

Мысли о православной монархіи дано выраженіе въ разныхъ статьяхъ Основныхъ Законовъ. Уже ст 1 говоритъ, что верховной власти самодержавнаго монарха повиноваться не только за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ, именно потому, что подвигъ его самодовлѣющей власти освященъ Церковью. Согласно ст. 39, находящейся въ томъ отдѣлѣ законовъ, которымъ присягаетъ Царь, Царь принимаетъ миропомзаніе во время священнаго коронованія, которое производится, согласно ст. 57 Осн. Зак., по чину, установленному православной Церковью. Чинъ этотъ во всѣхъ существенныхъ чертахъ заимствованъ какъ и идея освященной царской власти, изъ Византійской Церкви. Ст. 58 упоминаетъ особо, что передъ священнымъ коронованіемъ Царь читаетъ исповѣданіе православной вѣры. Въ примѣчаніи къ этой статьѣ, какъ ея основа, упомянуть церковный чинъ священнаго коронованія; государственный законъ даетъ этимъ свою санкцію существующему церковному правилу священнаго коронованія и миропомзанія, безъ которыхъ царская власть теряетъ свою основу и свой смыслъ, ибо безъ нихъ нѣтъ царской власти, какъ священнаго чина, а лишь простая человѣческая власть, ничемъ не отличающаяся въ принципѣ отъ всякой другой человѣческой власти.

Въ краткихъ чертахъ мы опишемъ нѣкоторые моменты священнаго коронованія, ибо въ нихъ отражаются существенныя черты того міросозерцанія, которое создавало царскую власть. Русская церковная мысль, въ отличіе отъ Византійской, различаетъ власть ученія, священнодѣйствія и управленія и не связываетъ съ царской властью права учить въ Церкви и священнодѣйствовать, такъ что русскій царь не благославляетъ народъ архіерейскимъ благословеніемъ съ дикиріемъ въ рукахъ, не издаетъ указовъ по вопросамъ вѣроученія, какъ то было въ Византіи, но тѣмъ не менѣе остается на положеніи особаго чина въ Церкви: онъ допускается къ приобщенію Святыми Дарами въ Церкви по священническому чину у Престола отдѣльно отъ Тѣла и Крови Христовыхъ, входитъ черезъ царскія врата въ алтарь; согласно съ церковными правилами, передъ рукоположеніемъ онъ читаетъ исповѣданіе православной вѣры, принимаетъ рукоположеніе отъ патріарха или, за неимѣніемъ его, вѣнчающаго митрополита, принимаетъ миропомазаніе съ произнесеніемъ сакральныхъ словъ „печать дара Духа Святаго“, которое надъ всѣми прочими людьми совершается одинъ разъ въ жизни послѣ крещенія.

Въ главныхъ своихъ чертахъ чинъ этотъ сложился у насъ къ концу 17 вѣка. Въ существѣ своемъ онъ оставался одинаковъ со времени установленія царской власти, но происходили второстепенныя дополненія и измѣненія, не касающіяся основныхъ священнодѣйствій. Такъ при коронованіи съ самаго возникновенія чина возлагались на коронуемаго передъ рукоположеніемъ бармы, какъ знакъ посвященія въ церковный санъ; позже при Екатеринѣ I, когда царская шапка была замѣнена короной, то и царская одежда, цѣпь животворящаго древа и бармы были замѣнены порфирой и цѣпью ордена св. Андрея Первозваннаго; принятіе церковнаго сана соединяется нынѣ съ рукоположеніемъ и возложеніемъ порфиры. Со времени Θεодора Іоанновича коронуемому патріархъ вручаетъ скипетръ, который какъ посохъ, является символомъ власти. Со времени царя Василя Шуйскаго вручается держава (яблоко владомое), означающая власть надъ землей. У Римлянъ на верху скипетра былъ орелъ, какъ и у насъ, а на верху державы у нихъ было изображеніе богини побѣды, послѣ же введенія

христіанства — крестъ, какъ теперь у насъ. Какъ порфира-символь багряницы креста, такъ корона-символь терноваго вѣнца. Первая символизируетъ церковный санъ. вторая-государственную власть. Знаки царской власти со времени Грознаго возлагаются вѣнчающимъ іерархомъ, но корона возлагается самимъ Императоромъ на свою голову послѣ ея благословенія вѣнчающимъ іерархомъ. Одно время былъ русскій обычай при миропомазаніи помазывать бороду Государя, но потомъ этотъ обычай былъ оставленъ.

Коронованію въ первое время предшествовалъ молебенъ, но съ 18 вѣка они соединены вмѣстѣ; послѣ коронованія служится литургія и во время ея совершается миропомазаніе и причащеніе коронуемаго. Къ древнимъ молитвамъ присоединены еще двѣ, изъ которыхъ одну, приведенную въ концѣ послѣдней главы, читаетъ Государь, а другую послѣ него вѣнчающій іерархъ.

Священное коронованіе начинается молебномъ св. Петру Митрополиту Московскому, какъ виновнику объединенія Руси во главѣ съ Москвой, и св. Сергію Радонежскому, какъ освободителю отъ ига невѣрныхъ. Передъ приступленіемъ къ коронованію, когда Государь всходитъ на тронъ, вѣнчающій іерархъ становится передъ Государемъ и вопрошаетъ: „Благочестивѣйшій Великій Государь Нашъ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій! Понеже благословеніемъ Божіимъ и дѣйствіемъ Св. и Всеосвящающаго Духа и Вашимъ изволеніемъ имѣетъ нынѣ въ семъ первопрестольномъ храмѣ совершиться Вашего Величества коронованіе и отъ св. мира помазаніе; того ради по обычаю древнихъ христіанскихъ монарховъ и Боговѣнчанныхъ Вашихъ предковъ, да соблаговолитъ Величество Ваше вслухъ вѣрныхъ подданныхъ вашихъ исповѣдать православную каѳолическую вѣру. Како вѣруеши?“ По прсчтеніи Государемъ исповѣданія вѣры вѣнчающій іерархъ возглашаетъ: „Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ Тобой“ и начинаетъ молебенъ съ особыми прошеніями въ возглашаемой діакономъ ектеніи:

„О еже благословитися Царскому Его вѣнчанію благословеніемъ Царя Царствующихъ и Господа Господствующихъ.

„О еже укрѣплени быти скипетру Его Десницею Вышняго“.

„О еже помазаніемъ всесвятаго мира пріяти Ему съ небесъ въ правленіи и правосудіи силу и премудрость“.

„О еже получить Ему благоспѣшное во всемъ и долгоденственное царствованіе“.

„Яко да услышитъ Его Господь въ день печали и защититъ Его Имя Бога Іаковля“.

„Яко да пошлетъ Ему помощь отъ святого и отъ Сіона заступитъ Его“.

„Яко да подастъ Ему Господь по сердцу Его и весь совѣтъ Его исполнить“.

„Яко да подчиненные суды Его немздоимны и нелицепріятны сохранить“.

„Яко да Господь силъ всегда укрѣпляетъ оружіе Его“.

„О еже покорити подъ нозѣ Его всякаго врага и супостата“.

„О еже благословитися царскому его вѣнчанію и супруги Его благословеніемъ Его же Царя царствующихъ и Господа господствующихъ“.

Послѣ чтенія Евангелія на Императора Патріархъ возлагаетъ порфиру со словами: „Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа“, креститъ преклоненную голову Государя, возлагаетъ на нее крестообразно руки и читаетъ молитву: „Господи Боже нашъ, Царю царствующихъ и Господи господствующихъ, Иже чрезъ Самуила пророка и brave раба Своего Давида и помазавый его во царя надъ людемъ Твоимъ Израилемъ: Самъ и нынѣ услыши моленіе насъ недостойныхъ, и призри, отъ Святаго жилища Твоего, и вѣрнаго раба Твоего, Великаго Государя Его же благоволилъ еси поставити Императора надъ языкомъ Твоимъ, притяжаннымъ честною Кровію Единороднаго Твоего Сына, помазати елеомъ радо анія, одѣй Его силою и высоту, положи на Главу Его вѣнецъ отъ камене честнаго, и даруй ему долготу дней, даждь въ десницу Его скипетръ спасенія. посади Его на Престоль правды. огради его всеоружіемъ Святаго Твоего Духа, укрѣпи его мышцу, сложи передъ нимъ вся варварскія языки, хотящіе брани, всѣй въ сердце

Его страхъ Твой и къ послушнымъ состраданіе, соблюди Его въ непорочной вѣрѣ, покажи Его извѣстнаго хранителя Святыя Твоея католическія Церкви догматовъ, да судить люди Твоя въ правдѣ и нищія Твоя въ судѣ, спасетъ сыны убогихъ и наслѣдникъ будетъ небеснаго Твоего Царствія. Яко Твоя Держава и Твое есть царство и сила во вѣки вѣковъ“.

Затѣмъ по возгласу діакона всѣ преклоняють голову и патріархъ читаетъ другую молитву: „Тебѣ единому царю челоуѣковъ подклони выю съ нами, Благочестивѣйшій Государь, Ему же земное царство отъ Тебе ввѣрено: и молимся Тебѣ, Владыко всѣхъ, сохрани Его подъ кровомъ Твоимъ, укрѣпи Его царство, благоугодная Тебѣ дѣяти всегда Его удостой, возсіи во днехъ Его правду и множество мира, да въ тихости Его кроткое и безмолвное житіе проживемъ во всякомъ благочестіи и честности. Ты бо еси Царь мира и Спасъ душъ и тѣлесъ нашихъ, и Тебѣ Славу возсылаемъ Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“.

Патріархъ принимаетъ корону и передаетъ ее Императору, который самъ ее надѣваетъ при возгласѣ патріарха: „Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.“ Послѣ этого онъ читаетъ молитву: „Видимое сіе и вещественное Главы Твоея украшеніе, явный образъ есть яко Тебя, Главу Всероссийскаго народа вѣнчаетъ невидимо Царь славы Христосъ, благословеніемъ Своимъ благоднымъ утверждая Тебѣ владычественную и верховную власть надъ людьми Своими.“ Затѣмъ патріархъ вручаетъ въ правую руку скипетръ, а въ лѣвую жезлъ съ произнесеніемъ словъ: „Во Имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь“, и возглашаетъ: „О Богомъ вѣнчанный и Богомъ дарованный и Богомъ преукрашенный Благочестивѣйшій, Самодержавнѣйшій, Великій Государь Императоръ Всероссійскій! Пріими Скипетръ и Державу, еже есть видимый образъ даннаго Тебѣ отъ Вышняго надъ людьми Своими самодержавія къ управленію ихъ и ко устроенію всякаемаго желаемаго ихъ благополучія“

Послѣ колѣнопреклоненной молитвы Государя, приведенной въ концѣ предыдущей главы. Государь становится передъ трономъ, а патріархъ и всѣ присутствующие

опускаются на колѣни, и патріархъ отъ лица народа читаетъ молитву: „Боже великій и дивный, неисповѣдимою благостью и богатымъ промысломъ управляй всяческая. Его же премудрыми, но неиспытанными судьбами“

Затѣмъ патріархъ говоритъ коронованному Государю привѣтственную рѣчь и начинаетъ литургію, въ теченіе которой Императоръ сидитъ на тронѣ въ полномъ облаченіи, въ извѣстные моменты литургіи вставая и снимая корону (при чтеніи Евангелія, при великомъ выходѣ со Св. Дарами, при словахъ: „приидите, ядите“, „Достойно“, „Отче нашъ“ и при пѣсни „Святая Святыхъ“). Во время литургіи передъ причащеніемъ два архіерея подходятъ къ Государю и одинъ изъ нихъ возглашаетъ: „Благочестивѣйшій Великій Государь Нашъ Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Вашего Императорскаго Величества Миропомазанія и Святыхъ Божественныхъ Таинъ приобщенія приближися время: того ради да благоволитъ Ваше Императорское Величество сея Великія Соборныя Церкви къ Царскимъ вратамъ“. Тамъ у алтаря совершается миропомазаніе на челѣ, на очахъ ноздряхъ, устахъ, ушахъ, персяхъ и рукахъ съ извѣстнымъ сакральнымъ возгласомъ. Одинъ изъ митрополитовъ затѣмъ вводитъ Императора внутрь алтаря для причащенія Святыхъ Христовыхъ Таинъ по Чину Царскому, т. е. какъ и священнослужители. Послѣ литургіи Царь поклоняется праху предковъ въ Архангельскомъ соборѣ: этотъ обычай установленъ вмѣсто Византійской акакіи: „Вознесенные на высоту величія они приходятъ сюда, чтобы видѣть конецъ престающаго“ (2 Кор. 3,13). Обрядъ же акакіи заключался въ возложеніи при коронованіи въ лѣвую руку Императора шелкового платка съ землею въ напоминаніе о тлѣнности земного величія“.

Во всемъ этомъ чинѣ, заимствованномъ, какъ мы уже говорили, изъ Византіи, главными моментами являются: 1) чтеніе православнаго исповѣданія, предшествующее по правиламъ Церкви рукоположенію въ священный чинъ 2) возложеніе порфиры—багряницы и рукоположеніе патріархомъ, 3) миропомазаніе.

Съ рукоположеніемъ и возложеніемъ порфиры при чтеніи приведенныхъ нами молитвъ соединяется мысль о

выдѣленіи изъ состава обычныхъ мирянъ и возведеніи рукополагаемаго въ Церковный чинъ. Именно такая мысль соединяется съ рукоположеніемъ въ 19 правилѣ I Вселенскаго Собора. Объ изверженіи изъ священнаго чина правило говоритъ: „Аще же которые въ прежнее время къ клиру принадлежали, таковыя, явясь безпорочными и неукоризненными по перекрещеніи да будутъ рукоположены епископомъ каѳолич. церкви. Аще же испытаніе обрящетъ ихъ неспособными къ священству, надлежитъ имъ изверженнымъ быти изъ священнаго чина. Подобно и въ отношеніи къ діакониссамъ и ко всѣмъ вообще причисленнымъ къ клиру тотъ же образъ дѣйствій да соблюдается. О діакониссахъ же мы упомянули о тѣхъ, которыя по одѣянію за таковыхъ принимаются. Ибо впрочемъ онѣ ни какого рукоположенія не имѣютъ, такъ что могутъ совершенно счисляемы быти съ мірянами“.

Подобно монашескому чину, Царскій Чинъ, являясь учрежденіемъ высшей полезности для Церкви, не составляетъ неотъемлемой части церковнаго устройства въ томъ смыслѣ, чтобы Церковь безъ него переставала бы существовать, какъ таковая, такъ, какъ она не можетъ существовать безъ епископской власти. Тѣмъ не менѣе, вводя этотъ чинъ, какъ часть въ своемъ устройствѣ, Церковь выдѣляетъ среди сыновъ своихъ отъ мірянъ какъ тѣхъ, кто отрекся отъ личной земной жизни во имя сораспятія Христу, такъ и того, кто отрекся отъ нея во имя несенія подвига власти для дарованія другимъ безмятежнаго житія. Это хорошо понималъ Іоаннъ Грозный, когда въ просьбѣ къ патріарху о возведеніи его въ Царскій санъ, представлялъ не только свои заслуги передъ Церковью, по завоеванію татарскихъ иновѣрныхъ земель, но и заслуги предковъ, просіявшихъ въ Церкви и причисленныхъ къ лику святыхъ.

Что касается миропомазанія, то оно также, какъ и въ греческой Церкви, воспринимается, какъ таинство, и Императорами, и церковной іерархіей, и церковной богословской мыслью. Мысль эта высказывается всѣми передкоронационными манифестами: для примѣра возьмемъ манифестъ 18

дек. 1736 г. Императора Павла: „По вступленіи нашемъ на прародительскій нашъ Император кій Престоль мы первымъ долгомъ почитаемъ принесть жертву благодаренія Вседержителю, владѣющему царствами человѣческими, и, послѣдую съ достоудолжнымъ благоговѣніемъ примѣрамъ древнихъ царей израильскихъ, потомъ православныхъ греческихъ Императоровъ, такожъ благочестивыхъ предковъ нашихъ Самодержцевъ Всероссійскихъ и другихъ христіанскихъ государей, воспріять новый залогъ благодати Господней, возложеніемъ на себя короны и священнѣйшимъ миропомазаніемъ.“

При коронаціи Императора Александра III Митрополитъ Платонъ говорилъ ему въ привѣтствіи: „Мы радуемся и тому, что въ Таинствѣ миропомазанія, совершенномъ при коронованіи Твоемъ, Духъ Божій невидимо сошелъ на Тебя и будетъ носиться надъ Тобой, какъ нѣкогда носился надъ израильскимъ царемъ Давидомъ; значить ты вошелъ въ ближайшее общеніе съ Богомъ и находишься подъ особымъ покровомъ Господа силъ, Который, по слову пророка, будетъ охранять и исхожденіе Твое отъ нынѣ и до вѣка. Если же Богъ за насъ то кто противъ насъ. Наконецъ, мы радуемся и тому, что Духъ Божій, сошедшій на Тебя въ святомъ миропомазаніи, таинственно сообщилъ Тебѣ, по ученію нашей Церкви, различные дары Свои, потребные для Твоего великаго Служенія, дабы Ты, при помощи благодатной силы Божьей, которая, по выраженію Апостола, совершается въ немощи нашей, могъ надлежаще исполнить трудныя царскія обязанности къ благу Россіи“.

Церковь въ недѣлю православія подвергаетъ анаѣмѣ всѣхъ помышляющихъ, что „православные Государы возводятся на Престоль не по особливому о нихъ Божію благоволенію, и что при помазаніи на нихъ не изливаются дары Св. Духа“.

Вопросъ о томъ, есть ли царское миропомазаніе особое таинство, восьмое или повтореніе перваго, совершеннаго надъ всѣми однажды, не выясненъ вполнѣ. Проф. Суворовъ, утверждаетъ, что это есть восьмое таинство, основываясь на томъ, что таинства отличаются другъ отъ друга свойствомъ низводимой благодати; дары, ниспосылаемые въ первомъ

послѣ крещенія таинствѣ миропомазанія, сообщаютъ благодатныя силы, необходимыя для жизни духовной, т. е. въ области личной нравственности, тогда какъ въ царскомъ миропомазаніи сообщаются царю силы, потребныя для управленія государствомъ*). Такимъ образомъ, по мнѣнію Суворова, хотя по внѣшности здѣсь повтореніе таинства, совершеннаго въ дѣтствѣ, но по свойству благодати на лицо—особое таинство. Преосвященный Макарій высказывается недостаточно опредѣленно: въ своемъ догматическомъ богословіи онъ съ одной стороны отрицаетъ наличность особаго восьмого таинства въ царскомъ миропомазаніи, а съ другой стороны, усматривая въ царскомъ миропомазаніи особое таинство, какъ особый высшій способъ сообщенія даровъ Св. Духа, потребныхъ для царственнаго служенія, онъ въ тоже время говоритъ, что это не есть повтореніе однажды совершеннаго надъ всѣми таинства. Напротивъ, одинъ изъ здравствующихъ нынѣ іерарховъ русской церкви, весьма начитанный въ святоотеческой литературѣ, высказывается въ томъ смыслѣ, что царское миропомазаніе есть повтореніе однажды совершеннаго въ дѣтствѣ таинства. Онъ утверждаетъ, что Государю сообщается сугубая благодать въ виду его царскаго служенія, то есть та же благодать, которую онъ въ дѣтствѣ получилъ при миропомазаніи подобно тому, какъ существуетъ одно таинство священства, но три его степени, и епископъ при архіерейской хиротоніи получаетъ лишь сугубую благодать таинства священства. Таковы отдѣльныя мнѣнія представителей русской церковной мысли о таинствѣ царскаго миропомазанія, но соборнаго опредѣленія всей Церкви по этому вопросу пока не имѣется.

Въ Византіи Императоръ считался посвящаемымъ въ духовную іерархію и, по сообщенію историка Кодина Курополата, находился въ чинѣ депутата въ діаконской степени. Русская церковная мысль не считаетъ Императора возводимымъ въ духовную іерархію, но связываетъ съ нимъ понятіе объ особомъ священномъ чинѣ. Что въ Церкви внѣ іерархіи могутъ быть священные чины помимо епископа, пресвитера и діакона, показываютъ и церковныя правила. Объ

*. Суворовъ. Курсъ церк. вѣдоу. прваз., II, 28 стр.

этомъ говорятъ между прочимъ 17 и 18 апост. правила, а также и 3 правило VI Вселенскаго Собора: „Такожде взявшій въ супружество вдову или отверженную отъ супружества, или блудницу, или позорищную, не можетъ быть епископомъ, или пресвитеромъ, или діаконъ, ни же вообще въ спискѣ священнаго чина“.

Вслѣдствіе рукоположенія и миропомазанія Императора надо считать чиномъ священнымъ не въ смыслѣ вступленія въ духовную іерархію, ибо онъ не получаетъ благодати священства, но въ смыслѣ особаго освященія лица, открывающаго ему право на особыя преимущества: входитъ въ царскія врата и причащается наравнѣ съ священнослужителями; такимъ образомъ Царь при священнодѣйствіи ставится наряду съ священнослужителями выше низшаго клира и даже монашества. Съ этой точки зрѣнія Царская власть является институтомъ не только государственнаго, но и церковнаго права. Императоръ имѣетъ преимущества въ Церкви, ставящія его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наравнѣ съ священнослужителями, имѣетъ, и особыя обязанности къ Церкви, какъ верховный защитникъ и хранитель ея догматовъ, блюститель правовѣрія и всякаго въ Святой Церкви благочинія, согласно ст. 64 Осн. Законовъ; объ этихъ обязанностяхъ говорится и въ молитвахъ при св. коронованіи.

Мы знаемъ, что христіанская Церковь первые три вѣка существовала безъ христіанской Императорской власти; однако послѣ принятія христіанства Императорами, они заняли въ Церкви особое положеніе, которое дѣлало ихъ одной изъ активныхъ силъ въ Церковномъ управленіи въ силу допущенія Церковью. Проф. Суворовъ обращаетъ особое вниманіе на это историческое развитіе и возбуждаетъ вопросъ, не есть ли царская власть учрежденіе не только каноническаго права, а права Божественнаго, непосредственно вытекающаго изъ Священнаго Писанія. Вотъ что онъ пишетъ: „приведенное разсужденіе Голубинскаго (о трехъ богоучрежденныхъ степеняхъ епископа, пресвитера, и діакона) не есть разсужденіе одинокое, а вполне соответствуетъ воззрѣнію русскихъ богослововъ, что въ Церкви существуетъ три степени священства или три должности,

какъ богоучрежденные институты: епископъ, пресвитеръ и діаконъ. Русскіе богословы, однако, забываютъ, что не только Западная Церковь никогда не исчерпывала степеней духовной іерархіи тремя, относя субдіаконовъ къ *ordines majores sive sacri*, но и на востокъ иподіаконъ разсматривался, какъ особая степень священства, связанная съ хиротоніей и принадлежащая къ одной категоріи — клириковъ въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ слова. (Такъ говорятъ Вальсамонъ въ толкованіяхъ къ 51 прав. Василия Великаго и въ толкованіи къ 77 прав. Трулл. Соб. и прав. 13 того же Соб.), Отсюда видно, что въ восточной Церкви существовалъ иной взглядъ на число степеней священства или богоучрежденныхъ священныхъ должностей, чѣмъ какой проводится въ русскихъ богословскихъ системахъ. При этомъ нельзя не указать еще на слабый пунктъ въ русскихъ богословскихъ построеніяхъ. Признавая должности епископа, пресвитера и діакона за богоустановленные въ Церкви институты, богословы не обращаютъ вниманія на ту высшую власть, которою управляется Церковь въ юридическомъ смыслѣ — власть Императорскую. Если въ Церковномъ правѣ должна быть рѣчь объ институтахъ божественнаго права, то здравый смыслъ православнаго русскаго человѣка не можетъ помириться съ такимъ школьнымъ построеніемъ, въ силу котораго современная діаконская должность, имѣющая исключительно богослужебное значеніе, именно содѣйствующая, какъ говорятъ, благолѣпію Церковнаго богослуженія и въ массѣ приходскихъ Церквей не существующая, разсматривается, какъ богоучрежденный институтъ божественнаго права, а власть Императоровъ — преемниковъ Константина, Θεодосія и Юстиніана, пекущихся о благѣ Церкви. . . разсматривается какъ институтъ государственнаго, а не Церковнаго права Для христіанина представляла бы величайшій соблазнъ та мысль, что въ цѣломъ рядѣ прошедшихъ вѣковъ Церковь со времени Константина Великаго управлялась не по Господню Учрежденію.“*)

Хотя мы не раздѣляемъ юридической конструкціи пр. Суворова, по которой верховная правительственная власть въ Церкви (*iura intra sacra*) принадлежитъ Императору, ибо на то

*) Суворовъ Курсъ Црк. Прав. I 107

въ Церкви существуетъ іерархія съ соотвѣтствующей благодатью священства, тѣмъ не менѣе и для насъ постановка вопроса пр. Суворова имѣетъ интересъ, ибо Царскій подвигъ самоотреченія, власти и служенія для дарованія другимъ безмятежнаго житія представляетъ собой высшій нравственный идеалъ личности „непоколебимое основаніе и примѣръ жизни“ какъ писалъ въ благословенной грамотѣ 1562 г. Вселенскій патріархъ, — притомъ нравственный идеалъ, установленный и освященный Церковью.

Не все, содержащееся въ Откровеніи о внѣшнемъ порядкѣ и жизни Церкви, какъ общества, имѣетъ авторитетъ божественнаго (а не только каноническаго) права, но критеріемъ того, что надо относить къ нему, является разумъ не личный, а вселенскій. Какъ Церковь не создаетъ новыхъ догматовъ, въ вопросахъ вѣроученія, а лишь констатируетъ то, что *implicite* содержится въ Откровеніи, такъ она можетъ извлечь изъ источниковъ Откровенія божественное право и констатировать Божественный авторитетъ установленія. „Вселенскіе Соборы опредѣляли догматы, но къ сожалѣнію, не устанавливали для всей Церкви институтовъ Божественнаго права“, пишетъ проф. Суворовъ и приглашаетъ Церковную науку заблаговременно подготавливать возведеніе нѣкоторыхъ институтовъ со степени каноническаго права на степень Божественнаго права.

Но и до воспріятія такого пониманія Царской власти Вселенской Церковью возможны частныя мнѣнія отдѣльных лицъ и помѣстныхъ Церквей, которыя признаютъ въ ней установленіе Божественнаго права. Въ частности наши Основные Законы исходятъ изъ такого пониманія, когда въ статьѣ первой констатируютъ міровоззрѣніе народа, говоря, что верховной власти Самодержавнаго Монарха повиноваться не только за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ.

Въ молитвѣ своей во время св. коронованія за народъ Царь внутренне соединяется съ народомъ. Въ этомъ священнодѣйствіи заложена не идея личнаго блага, а идея вѣры въ то, что только благодатной силой свыше можетъ строиться царство. Царь для народа — помазанникъ Божій; черезъ него, вѣритъ онъ, и черезъ послушаніе ему, черезъ

отсѣченіе своего „я“, устроится его благополучіе на землѣ; безъ этого воздѣйствія свыше, „безъ вѣры—звѣрь чловѣкъ“, говоритъ народная пословица, и вѣритъ народъ, что Царь умолитъ Бога за грѣхи народа. „Народъ согрѣшитъ—Царь умолитъ“, такъ говоритъ пословица. Въ священномъ коронованіи заключается и завѣтъ Царя съ Церковью, когда онъ—представитель вѣры и совѣсти народа, читаетъ свое исповѣданіе передъ патріархомъ а затѣмъ рукополагается имъ и получаетъ отъ Церкви помазаніе чела во укрѣпленіе разума, помазаніе персей во укрѣпленіе сердца, очей, ушей и рукъ во освященіе его дѣлъ, послѣ чего онъ вводится ею во святая святыхъ, какъ носитель священнаго чина.

И когда, всходя на тронъ предковъ, онъ возлагаетъ на себя вѣнецъ, препоясывается мечомъ и воспринимаетъ державу и скипетръ, то онъ символизируетъ свое сліянiе съ всей прежней исторіей своего народа, и поднимаются всѣ Государственныя знамена съ гербами всѣхъ составныхъ частей Имперіи. и салютуетъ ему 101 пушечный выстрѣлъ.

XVII.

ОТРЕЧЕНІЕ ОТЪ ПРЕСТОЛА И ОТЪ ПРАВЪ НА ПРЕСТОЛЪ. СТ. 37 и 38 ОСН. ЗАКОНОВЪ. СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕ- НІЕ ВОПРОСА О ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІИ.

Согласно ст. 57 и 58 Основныхъ Законовъ св. коронованіе происходитъ по чину, установленному Церковью. Особая незыблемость правилъ о св. коронованіи вытекаетъ изъ самого установленія Царской власти; о немъ же упоминаетъ и ст. 39-я Осн. Законовъ, согласно которой Императоръ присягаетъ закону о престолонаслѣдіи. Если статьи 25—39 Осн. Законовъ подтверждаются присягой Государя, то статьи о вѣрѣ 62, 63 и 64 утверждаются самой идеей Царской власти; безъ нихъ нѣтъ той Царской власти, которая выращена не только русской исторіей, но и православнымъ самосознаніемъ. И тамъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ развитіемъ основныхъ принциповъ статей Основныхъ Законовъ о вѣрѣ или съ принципами, обусловленными положе-

ніємъ Императора, какъ священнаго чина, тамъ мы встрѣчаемся съ той же неприкосновенностью, вытекающей изъ самой идеи учрежденія. Мы уже говорили о статьѣ 185. Когда человѣчество падетъ настолько, что оно не будетъ знать никакихъ священныхъ учрежденій и окончательно утвердится въ томъ звѣриномъ состояніи, въ которое его постепенно какъ по наклонной плоскости привели всѣ внѣцерковные „измы“ (лже-гуманизмъ, раціонализмъ, протестантизмъ, позитивизмъ, матеріализмъ, натурализмъ, марксизмъ, социализмъ, большевизмъ и. т. д.), тогда нечего будетъ и говорить объ Основныхъ Законахъ Россійской Имперіи, воплощающихъ міросозерцаніе православнаго народа. Но пока есть возможность думать о завѣтахъ Церкви и родной исторіи, должно напоминать объ охранѣ завѣщаннаго Церковью и родной исторіей учрежденія отъ его внутренняго разложенія чужеродной культурой.

Выше воли царствующаго Императора стоятъ всѣ тѣ статьи Основныхъ Законовъ, которыя констатируютъ Царскую власть, какъ опредѣленное учрежденіе — священный чинъ, регулируютъ порядокъ ея преемства и устанавливаютъ требованія, неразрывно связанныя съ понятіемъ Царской власти. Во всѣхъ проявленіяхъ своей власти Императоръ связанъ самымъ принципомъ своей власти.

То же относится и къ отреченію отъ Престола Императора. О немъ ничего не говорятъ Основные Законы и не могутъ говорить, ибо, разъ сами Основные Законы исходятъ изъ пониманія Императорской власти, какъ священнаго сана, то государственный законъ и не можетъ говорить объ оставленіи сана, даваемого Церковью. Какъ для снятія присяги, для оставленія монашества, такъ и для снятія царскаго сана надо постановленіе высшей іерархической власти. Такъ и бывало на практикѣ. Когда надо было присягать Императору Николаю Павловичу послѣ присяги, ошибочно принесенной Вел. Кн. Константину Павловичу, то Митрополитъ Филаретъ предварительно снялъ ту первую присягу. Когда Импер. Павлу предложили отречься отъ Престола, онъ категорически это отвергъ и погибъ отъ заговорщиковъ. Когда Императоръ Николай I вступилъ на Престолъ, то онъ заявилъ, что, „то, что дано мнѣ Богомъ,

не можетъ быть отнято людьми,“ и съ опасностью для жизни 14 дек. 1825 г. личнымъ примѣромъ отваги спасъ Царскій тронъ отъ заговорщиковъ. Когда Императоръ Николай II 2 марта 1917 г. отрекся за себя отъ Престола, то актъ этотъ юридической квалификаціи не подлежитъ и можетъ быть принятъ только какъ фактъ въ результатъ революціоннаго насилія.

Статьи 37 и 38 Основныхъ Законовъ говорятъ не объ отреченіи отъ Престола, а объ отреченіи отъ правъ на Престолъ. Статья 37: „При дѣйствиіи правилъ, выше изображенныхъ о порядкѣ наслѣдія Престола лицу, имѣющему на оный право, предоставляется свобода отрещись отъ этого права въ такихъ обстоятельствахъ, когда за симъ не предстоитъ никакого затрудненія въ дальнѣйшемъ наслѣдованіи Престола“; а ст. 38 говоритъ: „Отреченіе таковое, когда оно будетъ обнародовано и обращено въ законъ, признается потомъ уже невозвратнымъ“. Хотя, конечно и Царствующій Императоръ занимаетъ Престолъ въ силу своего права на Престолъ, но помимо уже указаннаго выше соображенія объ Императорской власти, какъ священномъ чинѣ, не могущемъ быть сложеннымъ своей волей, и другія соображенія говорятъ за то, что статьи эти не имѣютъ въ виду Царствующаго Императора. Во первыхъ, статьи не говорятъ ничего объ отреченіи отъ Престола, а во вторыхъ за разъясненіемъ выраженія „имѣющей право на оный“ мы должны обратиться къ источнику статьи, указанному подъ нею. Это—Манифестъ Николая I отъ 12 дек. 1825 г. о вступленіи на Престолъ и Манифестъ Александра I отъ 19 янв. 1823 г. объ утвержденіи отреченія Вел. Кн. Константина Павловича. Въ послѣднемъ говорится: „Призвавъ Бога въ помощь, размысливъ зрѣло о предметѣ, столь близкомъ Нашему сердцу и столь важномъ для государства и находя, что существующія постановленія о порядкѣ наслѣдованія Престола у имѣющихъ на него право не отъемлютъ свободы отрещись отъ сего права въ такихъ обстоятельствахъ, когда за симъ не предстоитъ никакихъ затрудненій въ дальнѣйшемъ наслѣдованіи Престола. . . “ Подъ имѣющими право здѣсь разумѣлись лица (Вел. Кн. Константинъ Павловичъ), еще не занимающія Престола, именно категорія лицъ, къ которымъ принадлежалъ Вел.

Кн. Константинъ, т. е. лица, передъ которыми можетъ открыться престолонаслѣдіе. Можно поставить вопросъ, разумѣются ли здѣсь вообще лица, могущія наследовать Престолъ, или только непосредственные наследники. Судя по тому, что самъ Императоръ Николай I, введшій эту статью, не признавалъ отреченія Вел. Кн. Константина даже тогда, когда онъ 27 ноября 1825 г. открылъ въ Государственномъ Совѣтѣ его актъ объ отреченіи и неопубликованный манифестъ 16 янв. 1823 г. Императора Александра I, утверждающій это отреченіе, а призналъ только отреченіе, совершенное послѣ открытія престолонаслѣдія, можно думать, что онъ разумѣлъ подъ „имѣющій на оный право“ не только лицо непосредственно наследующее Престолъ, но и такое, передъ которымъ уже открылось престолонаслѣдіе. Кромѣ того, самъ законодатель, когда хочетъ указать лицъ, могущихъ наследовать впослѣдствіи Престолъ, не ограничивая ихъ непосредственными наследниками, употребляетъ выраженія „могущій имѣть право на наследованіе Престола“, какъ напр. въ ст. 185. Практика наша подразумѣвала право отреченія отъ правъ на Престолъ за всѣми лицами, не только непосредственными наследниками, но и за всѣми лицами, могущими имѣть право на наследованіе Престола.*)

Но отреченіе отъ правъ на Престолъ не является нравственно свободнымъ; оно не должно, по мысли закона, совершаться, если изъ этого произойдутъ затрудненія въ дальнѣйшемъ наследованіи; законъ взываетъ къ чувству долга отрекающагося. Отреченіе происходитъ подъ контролемъ Царствующаго Императора, который, какъ Глава Дома, призванъ заботиться объ интересахъ Царствующаго Дома, а, какъ Императоръ, о томъ, чтобы вопросъ о престолонаслѣдіи былъ всегда ясенъ, и „Престолъ ни на мгновеніе не могъ бы остаться празднымъ“ (выраженіе Манифеста Александра I). Поэтому утвержденіе Императора, обнародованіе акта объ отреченіи необходимо для ясности

*) Обратимъ вниманіе, что, если законодатель въ ст. 37 разумѣетъ подъ лицами „имѣющими право на Престолъ“ всѣхъ лицъ, могущихъ наследовать впослѣдствіи Престолъ, то тѣмъ болѣе въ статьѣ 185, говоря о лицахъ мужского пола Императорскаго Дома, лишь „могущихъ имѣть право на наследованіе Престола“, онъ имѣетъ въ виду всѣхъ агнатовъ, а не какой либо болѣе узкій кругъ ихъ.

вопроса о престолонаслѣдіи, но оно не составляетъ главнаго момента, ибо подвигъ не можетъ быть принятъ насильно. Контроль Императора можетъ имѣть моральное воздѣйствіе на отрекающагося чрезъ призывы къ его совѣсти, долгу, если его отреченіе наноситъ ущербъ Дому или государству, повергая его въ смуту; но, если лицо отрекающееся настаиваетъ на своемъ, никто его не сможетъ заставить принять Престоль при открытіи престолонаслѣдія. Контроль Императора и обнародованіе отреченія введены именно для устраненія возможной неопредѣленности и той таинственности, которая въ 1825 г. едва не ввергла страну въ смуту и анархію.

Утвержденіе Государя и обращеніе имъ отреченія въ законъ не создаетъ факта отреченія, а лишь дѣлаютъ отреченіе невозвратнымъ, согласно ст. 38-й; отреченіе создается волей отрекающагося и, если отрекшійся умретъ безъ обнародованія его явно состоявшагося уже отреченія, то оно должно почитаться дѣйствительнымъ.

Практика наша знаетъ примѣры отреченія и обращенія ихъ въ законъ. Такъ Именной Высочайшій Указъ 24 авг. 1911 г. утвердилъ отреченіе отъ правъ на Престоль Княжны Императорской Крови Татьяны Константиновны, а Именной Высочайшій Указъ 9 февр. 1914 г. утвердилъ отреченіе Княжны Императорской Крови Ирины Александровны. Говорятъ, что было отреченіе Вел. Кн. Владиміра Александровича передъ вступленіемъ его въ бракъ. Если оно было совершено и не было взято имъ обратно до своей смерти, то оно дѣйствительно и безъ обнародованія въ законъ, ибо конститутивную силу отреченія составляетъ воля отрекающагося, а обнародованіе и обращеніе въ законъ лишь являются констатированіемъ воли отрекающагося, которая юридически дѣйствительна сама по себѣ, разъ въ какомъ либо актѣ она выражена и до смерти не взята обратно; заинтересованныя лица, знающія о такомъ актѣ, всегда вправѣ его обнародовать*). Что касается отреченія за другихъ лицъ, то здѣсь, какъ мы уже упоминали, надо различать потом-

*) Въ данное время это можетъ быть излишнимъ въ виду устраненія всѣхъ существующихъ поколѣній линіи Вел. Кн. Владиміра Александровича самимъ закономъ по статьѣ 185.

ство, существующее или зачатое въ моментъ отреченія, и потомство, не существующее и не зачатое въ моментъ отреченія. Такъ какъ право на наслѣдованіе Престола вытекаетъ изъ закона и есть право публичное, то-есть прежде всего обязанность, то никто, и въ томъ числѣ Царствующій Императоръ, не можетъ существующихъ уже правъ отнять, и таковое его волеизъявленіе юридически не дѣйствительно; такимъ образомъ, отреченіе Государя Императора Николая II за своего сына Вел. Кн. Цесаревича Алексѣя однимъ юристомъ не будетъ признано дѣйствительнымъ юридически.

Другое дѣло - отреченіе за потомство несуществующее и не зачатое въ моментъ отреченія. Здѣсь уже нѣтъ *communis opinio doctorum*. Многие государствовѣды считаютъ, какъ мы видѣли, что для этого потомства правъ наслѣдованія не существуетъ, ибо лицо отрекшееся не могло уже быть для нихъ, въ силу своего отреченія и послѣ него, проводникомъ этихъ правъ; законъ же раньше, до зачатія, не могъ охранить ихъ несуществующихъ правъ.

Такими случаями отреченія за несуществующее потомство полна практика положительнаго европейскаго права. Такъ, когда принцессы, выходящія замужъ за иностранныхъ принцевъ, отрекаются отъ правъ на Престолъ и за себя, и за потомство, то дѣйствительность этихъ отреченій никѣмъ не оспаривается. Такъ 24 іюня 1899 г. Герцогъ и Принцъ Коннаутскій, первый за себя, а второй за себя и за свое мужское потомство, отреклись отъ правъ наслѣдованія въ Саксенъ-Кобургъ-Гота. Король Оттонъ Баварскій, вступая на греческій Престолъ, отрекался при извѣстныхъ условіяхъ отъ Баварскаго Престола за себя и за своихъ наслѣдниковъ.

Нѣкоторые европейскіе законодательства, какъ напр. Ганноверское, допускаютъ отреченіе и за наличное въ моментъ отреченія потомство, но въ такомъ случаѣ законъ требуетъ назначенія спеціальнаго на случай отреченія опекуна, который долженъ представлять интересы малолѣтняго. Такъ, когда 24 іюня 1889 г. Герцогъ и Принцъ Артуръ Коннаутскій, первый за себя, а второй за себя и за свое будущее потомство, отрекались отъ правъ на Престолъ въ Саксенъ—Кобургъ—Гота, то несовершеннолѣтній Принцъ Артуръ былъ представленъ особымъ опекуномъ.

спеціально назначеннымъ для представленія его интересовъ при отреченіи. Но обыкновенно во всѣхъ положительныхъ законодательствахъ допускается отреченіе только за себя и за свое еще несуществующее и не зачатое въ моментъ отреченія потомство.

Въ силу указаннаго безспорнаго принципа послѣ Императора Николая II Престолъ долженъ былъ перейти къ его сыну Великому Князю Алексѣю Николаевичу, которому въ моментъ отреченія было 13 лѣтъ. Отреченіе за него было бы недѣйствительно и въ томъ случаѣ, если бы происходило не при революціонномъ насиліи, а путемъ свободнаго волеизъявленія, безъ всякаго давленія. Великій Князь Алексѣй Николаевичъ могъ отречься только по достиженіи совершеннолѣтія въ 16 лѣтъ. До его совершеннолѣтія управленіе государствомъ въ силу ст. 45 Основныхъ Законовъ должно было перейти къ ближнему къ наслѣдію Престола изъ совершеннолѣтнихъ обоюго пола родственниковъ малолѣтняго Императора, то есть къ Вел. Кн. Михаилу Александровичу. Послѣдній также сдѣлался жертвой революціоннаго вымогательства, а малолѣтній Великій Князь Алексѣй Николаевичъ былъ плѣненъ вмѣстѣ съ своими родителями такъ называемымъ Временнымъ Правительствомъ.

Осуществить свои права на Престолъ, какъ подобаетъ посредствомъ Манифеста, въ таковыхъ обстоятельствахъ онъ не могъ. Великій Князь Михаилъ Александровичъ издалъ 3 марта 1917 г. такъ называемый Манифестъ слѣдующаго содержанія: „Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшаго мнѣ Императорскій Всероссійскій Престолъ въ годину непримѣрной войны и волненій народныхъ. Одушевленный единою со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо Родины Нашей, принявъ Я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспріять Верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа Нашего, которому надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ, черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи, установить образъ правленія и новые Основные Законы Государства Россійскаго. Посему, призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ граждѣнъ Державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Ду-

мы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, какъ созданное въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразить волю народа. „Подписалъ: Михаилъ.“

Предположимъ, что этотъ актъ свободнаго волеизъявленія; какъ тогда надо опредѣлять его юридическую силу? Вел. Кн. Михаилъ Александровичъ отказался сдѣлаться Императоромъ, но не въ виду того, что онъ не имѣлъ права вступить на Престолъ при наличности въ живыхъ Великаго Князя Алексѣя Николаевича, несмотря на таковую волю Императора Николая II; онъ не заявилъ и того, что онъ считаетъ себя обязаннымъ настаивать на правахъ Великаго Князя Алексѣя на Престолъ, а себя считать лишь Правителемъ Государства. Онъ напротивъ заявилъ, что готовъ принять Престолъ, но не въ силу Основныхъ Законовъ, отъ чего онъ *expressis verbis* отказался, а въ силу права революціи, выраженного черезъ Учредительное Собраніе по извѣстной четыреххвосткѣ. Если бы даже таковое Собраніе состоялось и, установивши новый образъ правленія, избрало бы его Государемъ, то Великій Князь Михаилъ Александровичъ вступилъ бы уже не на тронъ своихъ предковъ Божьей Милостью, а на волею народа созданный тронъ по избранію отъ воли народа; вмѣстѣ съ тѣмъ это было бы упраздненіемъ православно-легитимнаго принципа Основныхъ Законовъ, построенныхъ на монархическомъ суверенитетѣ. Признаніе права за Учредительнымъ Собраніемъ устанавливать образъ правленія есть отказъ отъ монархическаго суверенитета и устройство политической формы правленія на народномъ суверенитетѣ, то есть, на „многоятежнаго челоуѣчества хотѣніи“. Этимъ онъ упразднилъ бы всѣ традиціи предшествующей исторіи и продолжилъ бы ее на радикально противоположномъ принципѣ въ европейскомъ демократически-эгалитарномъ стилѣ. Въ качествѣ совершеннолѣтняго наслѣдника Престола, Великій Князь Михаилъ Александровичъ могъ вступить въ управленіе по легитимному принципу лишь какъ Правитель Государства при несовершеннолѣтнемъ Императорѣ и требовать малолѣтнему Императору присяги. Онъ этого не сдѣлалъ, принципиально

отвергши обязательность Основныхъ Законовъ и призналъ революціонное право. Если нѣкоторые говорятъ, что съ его стороны не было отказа отъ Престола *expressis verbis*, а только условный отказъ, то, правда — лишь то, что онъ не отказывался получить власть отъ Учредительнаго Собранія на основѣ народнаго суверенитета, устанавливающаго новую форму правленія—но тѣмъ самымъ онъ *expressis verbis* отказался не только отъ Престола, но даже не призналъ его больше существующимъ *de jure*. Въ качествѣ наслѣдника, онъ самъ призывалъ всѣхъ гражданъ признать новое революціонное право; но онъ не имѣлъ компетенціи приглашать къ повиновенію самочинному органу, по самочинной противозаконной инициативѣ Государственной Думы возникшему, и предоставлять Учредительному Собранію устанавливать новую форму правленія; всѣ заявленія этого „Манифеста“ юридически ничтожны. Если бы таковой актъ исходилъ даже отъ Царствующаго Императора, то и тогда явилась бы необходимость признать, что Императоръ самъ отказывается занимать возложенный имъ на себя подвигъ, и Престоль Основныхъ Законовъ вакантенъ.

Вел. Кн. Михаилъ Александровичъ, отказавшись вступить въ управленіе государствомъ, хотя бы въ качествѣ правителя, *expressis verbis* отказавшись не только отъ Престола, существующаго, какъ государственное учрежденіе, но, отвергши даже дѣйствіе Осн. Законовъ, которые могли бы призвать его къ наслѣдованію Престола, — совершилъ только актъ, въ которомъ высказалъ ни для кого не обязательныя свои личныя мнѣнія и отреченіе, устраняя себя отъ наслѣдованія по Осн. Законамъ, юридически въ его глазахъ несуществующимъ, несмотря на ранѣ принесенную имъ въ качествѣ Великаго Князя въ день своего совершеннолѣтія присягу вѣрности постановленіямъ Осн. Зак. о наслѣдіи Престола и порядку Фамильнаго Учрежденія (Прил. III и IV къ Осн. Зак.).

Всѣ его заявленія въ Манифестѣ, въ томъ числѣ и признаніе такъ называемаго Временнаго Правительства, юридически ничтожны, кромѣ явнаго отреченія за себя отъ Престола. Г. Корєво говоритъ, что это отреченіе некому было обратить въ законъ, и что до обращенія въ законъ

отреченія нѣтъ. Но допустимость отреченія исходитъ изъ того, что нельзя человѣка насильно заставлять принять подвигъ власти. Допустимъ, что на лицо — пробѣлъ закона, не предусмотрѣвшаго отреченія, когда Императора нѣтъ (такъ было здѣсь, ибо въ 3 ч. дня 2 марта 1917 г. Императоръ Николай II отказался быть носителемъ верховной власти). Какъ же надо было бы восполнить пробѣлъ? Въ виду того, что центръ тяжести отреченія—въ отсутствіи воли занимать Престоль у призываемаго на Престоль лица, надо признать, что, разъ воля явно выражена, а органа, констатирующаго этотъ фактъ нѣтъ, то надо инымъ способомъ удостовѣриться въ наличности воли къ отреченію. Кромѣ того, Основной Законъ не можетъ призывать къ престолонаслѣдію лицъ, отвергающихъ тотъ принципъ, на кототомъ они основаны. Для чего же иначе онъ обязываетъ всѣхъ Членовъ Императорскаго Дома въ день совершеннолѣтія приносить присягу вѣрности не только Царствующему Государю, но и правиламъ порядка престолонаслѣдія и порядку Фамильнаго Учрежденія?

Установивъ основные принципы преемства верховной власти, рецепированные изъ нѣмецкаго права и приведенные въ связь съ постановленіями Основныхъ Законовъ, вытекающими изъ православнаго легитимнаго принципа, намъ остается разсмотрѣть современное положеніе вопроса о престолонаслѣдіи лицъ Императорскаго Дома, идущихъ вслѣдъ за Великимъ Княземъ Алексѣемъ Николаевичемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Такъ какъ мы должны искать наслѣдниковъ, удовлетворяющихъ требованіямъ Осн. Законовъ въ агнатскомъ порядкѣ престолонаслѣдія, по установленнымъ правиламъ, въ порядкѣ линій и первородства, то мы должны установить очередь лицъ такимъ образомъ, чтобы сначала въ каждой болѣе старшей линіи перечислить всѣхъ агнатовъ, отвѣчающихъ въ ней правиламъ и предположеніемъ Осн. Законовъ. Такимъ образомъ мы и придемъ къ опредѣленію того, кто въ глазахъ Основныхъ Законовъ есть законный преемникъ Престола въ данный моментъ.

При существующемъ составѣ Императорскаго Дома линіи идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ старшинства:

1) Линія 2-го сына Императора Александра II Вел. Кн. Владиміра Александровича.

Вел. Кн. Кирилль Владиміровичъ, род. 30/IX 1875 г.

Князь Владиміръ Кирилловичъ, род. 17/30 ав. 1917 г.

Вел. Кн. Борисъ Владиміровичъ, род. 12/XI 1877 г.

Вел. Кн. Андрей Владиміровичъ, род. 2 мая 1879 г.

Всѣ происходящіе въ этой линіи агнаты рождены отъ матери, не принявшей православіе до брака, и потому въ силу статьи 185-й, какъ доказано нами въ главахъ XII, XIV и XV, они могутъ наслѣдовать Престолъ только за неимѣніемъ агнатовъ удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ Основныхъ Законовъ.

2) Линія 6-го и послѣдняго сына Императора Александра II Великаго Князя Павла Александровича.

Отъ брака его съ греческой православной принцессой Александрой Георгіевной. Великій Князь Дмитрій Павловичъ, род. 6 сентября 1891 г. По происхожденію отъ православныхъ родителей, онъ не имѣетъ въ ст. 185 Основныхъ Законовъ препятствія для наслѣдованія въ агнатскомъ порядкѣ престолонаслѣдія.

3) Линія 2-го сына Императора Николая Павловича Великаго Князя Константина Николаевича.

Князь Всеволодъ Іоанновичъ, род. 7 янв. 1914 г.

Князь Гавріиль Константиновичъ, род. 3 іюня 1887 г.

Князь Георгій Константиновичъ, род. 23 апр. 1903 г.

Въ этой линіи Князя Гавріиль и Георгій Константиновичи въ силу ст. 185, какъ происходящіе отъ неправославной матери, могутъ наслѣдовать только 1) за неимѣніемъ агнатовъ, удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ Основн. Законовъ и 2) уступая въ порядкѣ первородства агнатамъ старшихъ линій, въ отношеніи вѣроисповѣдномъ, стоящихъ съ ними въ одинаковомъ положеніи. Князь Всеволодъ Іоанновичъ, какъ происходящій отъ православныхъ родителей, можетъ наслѣдовать въ агнатскомъ порядкѣ престолонаслѣдія.

4) Линія 3-го сына Императора Николая Павловича Великаго Князя Николая Николаевича.

Великій Князь Николай Николаевичъ, род. 6. XI. 1856 г.

Великій Князь Петръ Николаевичъ, род. 10. I. 1864 г.

Князь Романъ Петровичъ, род. 5. X 1896 г.

Ихъ очередь идетъ непосредственно вслѣдъ за очередью князя Всеволода Іоанновича; въ основномъ порядкѣ престолонаслѣдія, за этой линіей идетъ очередь линіи

5) Четвертаго сына Императора Николая Павловича Великаго Князя Михаила Николаевича.

Великій Князь Михаилъ Михайловичъ, род. 4 октября 1861 года.

Великій Князь Александръ Михайловичъ, род. 1 апр. 1866 года.

Князь Андрей Александровичъ род. 12 янв. 1897 г.

Князь Ѳеодоръ Александровичъ род. 11 дек. 1898 г.

Князь Никита Александровичъ, род. 4 янв. 1900 г.

Князь Дмитрій Александровичъ, род. 2 авг. 1901 г.

Князь Ростиславъ Александровичъ, род. 11 нояб. 1902 г.

Князь Василій Александровичъ, род. 24 іюля 1907 г.

Такъ какъ впереди ихъ идетъ достаточно именъ въ порядкѣ первородства, то для даннаго момента можно удовлетвориться установленіемъ по Основнымъ Законамъ очереди для ближайшихъ къ престолонаслѣдію лицъ. Вслѣдъ за Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ въ порядкѣ первородства и удовлетворяя требованіямъ агнатскаго престолонаслѣдія идутъ:

1) Великій Князь Дмитрій Павловичъ.

2) Князь Всеволодъ Іоанновичъ.

3) Великій Князь Николай Николаевичъ.

4) Великій Князь Петръ Николаевичъ и. т. д.

При малолѣтствѣ Императора и при неимѣніи Правителя Государства, назначеннаго волей предшествующаго Государя, Правителемъ является въ силу ст. 23 Основныхъ Законовъ (изд. 1857) ближайшій къ наслѣдію Престола

родственникъ малолѣтнаго Императора, если у него нѣтъ отца и матери*),

Говорятъ, что Государь Императоръ Николай II и Великіе Князья Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ и Михаилъ Александровичъ погибли и увеличили сонмъ мучениковъ Царствующей Династіи. Ихъ тѣни проходятъ передъ нами Вотъ Императоръ Павелъ, смиренно и безропотно переносившій бремя вынужденнаго фактическаго узничества до 43 лѣтъ, поставившій русское самодержавіе на незыблемыя основы закономъ о престолонаслѣдіи—убитый и такъ трагично предупрежденный о своей скорой смерти видѣніемъ и голосомъ Петра I: — „Павелъ, бѣдный Павелъ!“ Вотъ благороднѣйшій и честнѣйшій изъ людей, спасшій Россію и Престоль отъ замысла 14 декабря 1825 г. своимъ личнымъ геройствомъ и самопожертвованіемъ среди пуль заговорщиковъ! Его сынъ погибшій за любовь къ ближнему, терзаемый непрерывными покушеніями и, наконецъ, лежащій безъ ногъ на мостовой! А его сыну обязана Россія тѣмъ, что „бѣсы“ не растоптали ее на 36 лѣтъ раньше, и вотъ наконецъ, гнуснѣйшія клеветы, безпримѣрное мучительство и издѣвательство надъ всей царствующей Семейей со стороны разрушителей трона, разныхъ святотатцевъ и ихъ духовныхъ соратниковъ, нынѣ торжествующихъ на кладбищѣ Россіи! Не коллективомъ держалась и спасалась Россія, а нравственной высотой жертвеннаго подвига личности, освященной Церковью. Кому теперь придется возложить на себя мученическій вѣнецъ, чьи руки возложатъ его на свою голову въ Успенскомъ Соборѣ? Мы назвали очередь, слѣдующую по православному легитимному принципу Основныхъ Законовъ: Великій Князь Алексѣй Николаевичъ, Великій Князь Михаилъ Александровичъ, Великій Князь Дмитрій Павловичъ, Князь Всеволодъ Іоанновичъ, Великій Князь Николай Николаевичъ, Великій Князь Петръ Николаевичъ Кто изъ нихъ окажется призваннымъ принять съ благословенія Святѣй-

*) Но царствующій Императоръ не обязанъ назначать Правителемъ, на случай своей смерти и вступленія на Престоль малолѣтнаго наслѣдника Престола, непременно слѣдующаго за нимъ въ порядкѣ престолонаслѣдія родственника, ибо законъ предоставляетъ этотъ выборъ на его волю и усмотрѣніе (ст. 21 Осн. Зак. изд. 1857 г.)

шаго Патріарха Всероссійскаго крестный подвигъ власти и служенія Православной Церкви и русскому государству и сказать: я по закону Основному Государства Россійскаго — тотъ подвижникъ, котораго ищетъ православный русскій народъ; мое смиреніе, моя вѣрность Промыслу Божію, заповѣдямъ Церви и завѣтамъ родной исторіи дѣлають меня жертвой, Богомъ требуемой, и призываютъ къ подвигу самоотреченія и самодержавія? Но кто бы ни былъ онъ, мы вѣримъ, что оживутъ христіанскія начала въ государственномъ строительствѣ Россіи, и что на крови и на катакомбахъ святительскихъ, царственныхъ и иныхъ русскихъ христіанскихъ мучениковъ XX вѣка. погибшихъ въ гоненіяхъ на православное христіанство и на Русь, воздвигнется вновь Третій Римъ, возглавляемый, какъ встарь, Царемъ и Патріархомъ. Такъ прекрасно выразилъ эту вѣру въ помощь Божью нашъ незабвенный русскій мыслитель-философъ и поэтъ:

„И вѣримъ мы:
 Нашъ Царъ въ стѣнахъ издревле славныхъ
 Среди ликующихъ сердецъ
 Прійметъ вѣнецъ отцовъ державныхъ
 Царя—избранника вѣнецъ.
 Мы вѣримъ: будетъ милость Божья
 На православнаго Царя,
 И дастъ Всевышній даръ познанья
 И ясность мысленнымъ очамъ
 И въ сердцѣ крѣпость упованья
 Несокрушимую бѣдамъ.
 И вѣримъ мы и вѣрить будемъ,
 Что дастъ Онъ даръ—вѣнецъ дарамъ,
 Даръ братолюбья къ братьямъ людямъ,
 Любовь отца къ своимъ сынамъ.
 И дастъ года Онъ яркой славы
 Побѣды въ подвигахъ войны
 И средь прославленной державы
 Года цвѣтущей тишины“.

Софія
 18-31 марта
 1924 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	Стр.
I. Мѣсто, занимаемое самодержавной монархіей среди другихъ формъ правленія	5
II. Историческіе корни Царской власти въ удѣльной княжеской власти.	19
III. Порядокъ престолонаслѣдія въ линіи великихъ князей Московскихъ въ удѣльное время и послѣ до конца Рюриковой династіи	23
IV. Перемѣна въ положеніи Московскаго великаго князя въ XV в.	28
V. Подготовка къ воспріятію Византійскихъ принциповъ Царской власти въ предшествующей Іоанну IV исторіи и имъ самимъ	32
VI. Переговоры Іоанна Грознаго съ Константинопольскимъ Патріархомъ о дарованіи ему царскаго сана и благословенная грамота Патріаршаго Синода 1562 года	39
VII. Патріархъ и Императоръ въ Византіи. Коронаваніе и миропомазаніе. Императоръ какъ церковный и священный чинъ православной Церкви. Ст. 57, 58 и 64 Осн. Зак. изд. 1906 г.	47
VIII. Православно-монархическая теорія Грознаго и ея соотвѣтствіе православному народному сознанію. Ст. 62, 63 Осн. Зак. изд. 1906 года	57
IX. Завершеніе зданія III Рима введеніемъ патріаршества въ Россіи	69
X. Вторженіе естественно-правовыхъ и протестантскихъ принциповъ въ Основные Законы государства при Петрѣ I. Его Церковная реформа. Указъ о престолонаслѣдіи. Браки съ иностранными принцессами и ст. 185 Осн. Зак. изд. 1906 года	73

XI. Указъ Императора Павла о престолонаслѣдіи 5 апрѣля 1797 г. и Учрежденіе объ Императорской Фамиліи того же числа	91
XII. О семейныхъ статутахъ. Основныя юридическія понятія нѣмецкаго права, рецепированныя русскими Основными Законами. Принадлежность къ Царствующему Дому въ широкъ и узкомъ смыслѣ, о необходимыхъ, естественныхъ и случайныхъ признакахъ понятія принадлежности къ Царствующему Дому. Основной (агнатскій) порядокъ и субсидіарный порядокъ престолонаслѣдія. Составъ Императорскаго Дома (ст. 126 Осн. Зак.). Статьи 25, 27, 28, 29, 30, 35, 128, 129, 130 Осн. Зак. Принципъ первородства	98
XIII. Принципъ равнородства. Ст. 36 и 188 Осн. Зак. изд. 1906 г.	119
XIV. О незыблемости Осн. Законовъ. Объ основныхъ требованіяхъ для престолонаслѣдія агнатовъ	129
XV. Статьи 184 и 185 Осн. Законовъ. Вопросъ о санкціи законовъ. О значеніи ст. 185, какъ охранѣ Православія носителя Царской власти. Исторія происхожденія и измѣненія ст. 142 (185) въ 1886 и 1889 годахъ. О сопоставленіи ст. ст. 185 и 186. Связь статьи 185 съ понятіемъ о Царской Власти. О такъ называемыхъ аутентичныхъ толкованіяхъ ст. 185	141
XVI. Священное коронованіе и миропомазаніе Императора въ Россіи Ст. ст. 57 и 58 Осн. Законовъ. Значеніе миропомазанія, какъ таинства. Императоръ — Священный Чинъ	164
XVII. Отреченіе отъ Престола и отъ правъ на Престоль. Ст. ст. 37 и 38 Осн. Законовъ. Современное положеніе вопроса о прест. л.наслѣдіи.	177

Замѣченія опечатки:

не печатано :

надо читать :

На стр.	15,	строка 7	сверху	дѣйстви	дѣйствию
25,	"	19	"	говорили Государь	говорили: „ Государь
30,	"	11	"	Греческая, Имперія	Греческая Имперія
30,	"	1	снизу	единственный	единственнымъ
32,	"	7	"	учить: егда	учить: „ егда
32,	"	7	сверху	немедленно	„ немедленно
32,	"	въ примѣчаніи		Основ. начала	Основные начала
				прав. Церкви	церк. права прав. Церкви
36,	"	14	сверху	церковнаг	церковно
39,	"	1	"	міропомазанія	миропомазанія
52	въ примѣчаніи			міровъ	мірской
64,	"	16	снизу	Церковь	Церковь
73,	"	въ заглавіи		протестанскихъ	протестантскихъ
75,	"	7	снизу	(кажется) двумъ	двумя (кажется)
76,	"	12	"	vigorem	vigrem
78,	"	11	"	praecipium	praecipuum
82,	"	3	сверху	сыномъ	сыномъ
83,	"	19	"	особенно, услужившимся	особенно услужившейся
87,	"	2	снизу	„Позже	Позже
92,	"	1	сверху	обнаруживавшими	обнаружившихъ
103,	"	въ примѣчаніи		Fürsterrecht	Fürstenrecht
140,	"	5	сверху	татары	(татары
141,	въ заглавіи			1859	1889
141,	"	5	сверху	удовлетворяетъ	удовлетворяетъ
142,	"	15	сверху	Престоль	Престоль).
184,	"	7	сверху	этотъ	это
184,	"	7	"	волеизъявленія	волеизъявление
192,	"	10	"	сопоставленіи	сопоставленіи
				ст. 185 и 186	ст. ст. 184 и 185

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЕЧАТНОЕ ДѢЛО“
Софія, Царь Освободитель № 6.